

# НАША МАЛОХОДОВЫЕ ЗАРЯ

## СОДЕРЖАНІЕ:

А. Бибиевъ. Къ морю, разсказъ.  
Стих.: С. Клычкова, А. Сергѣева,  
С. Кашкарова, Н. Венгрова.

М. Панинъ. Переписка Маркса  
и Энгельса.

М. Павловичъ. Международные  
конфликты и алармистская пресса.

Ив. Кубиковъ. Искусство и отно-  
шеніе къ нему пролетариата.

В. Звѣздинъ. Памяти П. А. Злыд-  
нева.

Булкинъ. Рабочая самостоятель-  
ность и рабочая демагогія.

Л. М. Отвѣтъ Булкину.

А. Мартыновъ. На что они раз-  
считываютъ? (кадетская дискусія).

В. Львовъ-Рогачевскій. Огненное  
слово (100 л. Т. Г. Шевченко).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.  
Н. Череванинъ. Объ устояхъ,  
реакціи.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.  
А. Потресовъ. Еще къ вопросу  
о пролетарской культурѣ.

ОТКЛИКИ.  
Резолюція Всероссийскаго Ли-  
тературнаго Общества о законо-  
проектѣ о печати, принятая 17-19  
января 1914 г.

Л. М. С. Н. Кранихфельдъ (Нек-  
рологъ).

Н. Рожковъ. Союзъ русскихъ  
аграріевъ.

Библиографія.  
Объявленія.

V-й годъ изданія.

# Наша Заря

Ежемесячный журналъ

№ 3.

С.-Петербургъ, 1914 г

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.

1914.

## « Къ морю! »

(Разсказъ).

### I.

Кузница работала вечеръ. Въ суетѣ труда никто не замѣтилъ, какъ прошелъ яркій лѣтній день и погасла цвѣтистая заря. Жарко пылали горны, стоявшіе двумя широкими и длинными рядами, и, накаляя желѣзо, гнали кверху, черезъ дырявые зонты надъ ними, тучи густого дыма, насыщеннаго удушливой сѣрой. Этотъ дымъ висѣлъ низко-низко надъ стальными наковальнями, похожими въ профиль на плоскія головы какихъ-то длинноносыхъ птицъ, закрывала высокіе своды каменнаго, насквозь прокопченнаго корпуса, и какъ въ густомъ туманѣ скрывала задніе горны и паровой пятитонный молотъ. Его неуклюжія, широко разставленныя, ноги едва прорисовывались.

Изъ одного горна выхватили длинную болванку желѣза, пронесли суетливо на рычагахъ, какъ тѣло змѣи, и сунули раскаленную голову подъ молотъ. Она зашипѣла. Молотъ плюснулъ стальнымъ лбомъ—и брызнуло дождемъ огненныхъ искръ. Туманъ на минуту разсѣялся, четко обозначилась массивная фигура гиганта, и кузница вся задрожала отъ его тяжелыхъ, размѣренныхъ ударовъ:

— Гупп! Гупп!

Стоголовый хоръ кувалды и ручниковъ точно притихъ, подавленный, и слышался только этотъ увѣренный и властный голосъ:

— Я вотъ ухну! Я вотъ плюсну! Гей—гупп!

Когда желѣзо потемнѣло, молотъ вздохнулъ выпущеннымъ паромъ и застылъ, снова окутанный мглою, въ мрачномъ раздумьи. Тогда ручники и кувалды еще громче подняли свой безпорядочный галдежъ.

— Клац! Клац! —падали дугою въ багровомъ туманѣ кувалды двухъ рослыхъ, винтомъ извивавшихся молотобойцевъ, Гулянцева, самаго молодого изъ кузнецовъ, — крѣпкаго, узловатаго съ широкимъ бритымъ подбородкомъ и въ кожаномъ фартукѣ. А его ручникъ, словно бѣсенокъ, мелькалъ передъ каждымъ ударомъ кувалды и частой, пѣвучей дробью подзадоривалъ:

— Ну-ка! Ну-ка! Ше-ве-ли-ся! Разъ! Разъ!

А гдѣ-то тамъ въ кровавомъ туманѣ отплясывали:

— У-хо-ди-ли, при-хо-ди-ли, тили-тили...

— Гупп! Гупп! Гупп!—внезапно очнувшись, снова закашлялъ великанъ, вколачивая въ землю исполинскія клинья. Потомъ все слилось въ яростный, лишенный ритма галдежъ, какъ на базарѣ. Слово обезумѣвшаго змѣи шипѣли въ корытахъ съ

вонючей водою накаленные клещи и зубила, и клубился оттуда мутный парь. Въ чугунныхъ трубахъ, спрятаннхъ въ землѣ, въ безсиьной ярости выль воздухъ, нещадно гонимый вентиляторомъ къ горнамъ.

Кончивъ отдѣлку большого крюка, Гулящевъ бросилъ молотокъ и, пошатываясь отъ усталости и смахивая рукавомъ мокрой рубахи съ лица лившій потъ, побрелъ къ раскрытымъ воротамъ.

Прохладный вѣтерокъ дохнулъ въ горячее лицо, шевельнулъ длинными усами, поигралъ свѣтлыми кольцами на большой головѣ и прильнулъ къ емкой, волосатой груди.

Гулящевъ улыбнулся его дѣтской ласкѣ, шире распахнулъ мокрую сорочку, съ отложившейся на ея спинѣ солью, и задумчиво посмотрѣлъ на звѣздное небо.

Токарная тоже работала. Въ большія, зарѣшеченныя окна ея просвѣчивали расплывчатыя пятна газовыхъ рожковъ, мелькали между станками неясныя фигуры людей и играли тѣнями и бликами свѣта движущіеся шкивы и части станковъ. Слышался сдержанный, сосредоточенный шумъ, а гдѣ-то тамъ надъ крышей сухо и разбѣренно кашлялъ газомоторъ.

Гулящеву захотѣлось пойти туда, провѣдать своего пріятеля. Оглянулся еще разъ на кузницу. Оттого, что дымъ заводокъ и очертанія и дали, она была похожа на огромную подземную пещеру, и люди, освѣщенные краснымъ свѣтомъ горна, сутулые, растерзанные, казались странными существами, обидно жалкими и безпомощными. Тяжелый и вязкій покровъ, сброшенный на его сознание, точно прорвался и какъ-то внезапно ущемила мысль: что за сила приковала ихъ къ этимъ адскимъ горнамъ, словно тяжкихъ преступниковъ?!

Гулящевъ глубоко вздохнулъ и съ горькой улыбкой побрелъ въ токарную.

Отъ протяжнаго говора станковъ, ляганья и шороховъ отъ рѣзки металла, стоялъ густой, все заполнившій шумъ. А въ углу, гдѣ на быстроходахъ работали подвижные арматурщики, трещало, верещало и выло высоченнымъ, уши сверлящимъ, фальцетомъ, словно тамъ засѣлъ оркестръ козлоногихъ.

У токаря Шелестова, синеглазаго смугляка, станокъ шелъ на самоходѣ, а самъ онъ сидѣлъ на корточкахъ передъ ящикомъ и читалъ книжку. Въ центрахъ давно уже выгорѣло сало и начинало пищать.—Гулящевъ заботливо мазнулъ по центру саломъ и окликнулъ:

— Эге-эй! Добрый вечеръ, Митяй!

Шелестовъ оторвался отъ книги и посмотрѣлъ на него широкими и недоумѣвающими глазами,—будто откуда-то издали.

Гулящевъ размѣялся.

— Ты спалъ, что ли?

— Я? Та нѣтъ, понимаешь... Ухъ,—поморщился вдругъ,—ноги затекли.

Положивъ книгу въ ящикъ, онъ потянулся къ суппорту станка и прищурился на свѣтъ. Рядомъ съ пріятелемъ онъ выглядѣлъ нѣжнымъ и хилымъ, почти юношей, хотя ему такъе было за двадцать пять.

— Понимаешь—въ Индіи былъ! Да. Ну, братъ, и красота. я тебѣ скажу! Джунгли эти. Голубой Гангъ, — словно сказка! Конечно,—это больше издали кажется, а такъ-то—деруть, поди съ живого и мертваго. По все жъ таки—диво дивное! Сколько времени-то?

— Десять скоро.

— Да ну? А я думалъ—восемь! Во, братъ, какъ по Гангу то ѣздить,—ха, ха.

Глядя на пріятеля, Гулящевъ ласково улыбался и въ то же время завидовалъ.

— Ладно вамъ, паничамъ! запустилъ станокъ, да и почи- тывай!

— Ну, много-то, положимъ, не начитаешь! На прошлой не- дѣлѣ—кажется въ Америку дулъ—помазали цѣлковымъ.

— Что жъ цѣлковый!—возразилъ Гулящевъ.—А у насъ вотъ—ужъ подлинно пекло! Газету еще пробъжишь, а книгу— куда возьмешь ее такими лапищами?!

— За корешокъ,—пошутилъ Шелестовъ.

Гулящевъ досадливо отмахнулся рукой и замолчалъ.

Шелестовъ промѣривалъ кронциркулемъ длинную штангу, сбросилъ нависшую на суппортъ стружку подъ станокъ, кое- гдѣ вытеръ, подмазалъ. У сосѣда вверху однообразно скрипѣла передача и устало хлопалъ, точно въ ладоши билъ, ослабѣвшій ремень. Тоскливо журчалъ въ переборѣ станокъ, безъ конца начиная все одну и ту же монотонную повѣсть:

— а-ау-а... а-ау-а...

Кто-то тамъ за долбежнымъ станкомъ, сосредоточенно кле- вавшимъ, какъ долговязая птица, замурлыкалъ:

...ой у лузи-и...

Кто-то подтянулъ баскомъ. Но въ другомъ концѣ вдругъ цыкнули,—шелъ мастеръ,—и пѣсня оборвалась.

— Тю-ур... тю-ур... съ унылой настойчивостью клюетъ станокъ.

— Пойдемъ-ка,—сказалъ Шелестовъ пріятелю,—и оба вышли изъ мастерской.

Заводъ дышалъ тяжело и глухо. Точно стоналъ онъ задав- леннымъ стономъ. Даже здѣсь чувствовались глухіе, подземные удары молота. Минутами же гулъ завода замиралъ, точно отне- сенный вѣтромъ, и тогда слышался немолчный шумъ города. Изъ общественнаго сада иногда доносились вздохи духового оркестра.

— Ишь вѣдь,—гуля-ють!—замѣтилъ Гулящевъ, раскуривая папиросу.

— Хорошій вечерокъ!—отозвался Шелестовъ.

— А мы вотъ—работаемъ,—добавилъ Гулящевъ.

— Такъ вотъ и лѣта не увидишь,—сказалъ Шелестовъ, от- вѣчая скорѣе на ходъ своихъ мыслей, нежели Гулящеву.— А славно бы рыбку поудить, въ поляхъ побродить. Давно уже не бывалъ.

И помолчавъ, еще печальнѣе добавилъ:

— Такъ-то вотъ, ковалище, и вся жизнь наша пройдетъ!

Гулящевъ швырнулъ окурокъ и возбужденно спуталъ волосы.

— И пройдет! Пройдет! А ты что думаешь?

— А то-жъ и думаю, — грустно улыбнулся Шелестовъ. И вдругъ оживился, заглянулъ близко въ лицо пріятелю и возбужденно заговорилъ:

— Знаешь, дружище, что мнѣ пришло въ голову? Дернемъ мы къ морю! А? къ морю! Въ Индіи—великій Гангъ, въ Америкѣ—статуя Свободы.—зато у насъ есть Кавказскія горы! Зато—Черное море! Знаешь—необъятное, свободное море!!

Борозды на лицѣ Гулящева затаили.

Тоже... ха! Такъ вотъ и ждутъ насъ тамъ!

— Сергунь! Да вѣдь одинъ только разикъ! Только взглянуть на него! Знаешь, этакъ—однимъ глазкомъ, глазкомъ.

Шелестовъ такъ лукаво прищурилъ свой глазъ, что Гулящевъ добродушно разсмѣялся.

Къ океану-то, пожалуй, легче бы, — пробубнилъ онъ: на казенный то счетъ!

— Туда-то успѣется!—засмѣялся Шелестовъ. Нѣтъ, я серьезно, — уже настойчивѣе продолжалъ онъ, давая захватить себя самого давнишней мечтѣ.—Что мы теряемъ? Бобыли. Пожилимся, поскаредничаемъ, а тамъ расчетъ—и гайда, тройка! А ежели что—грузить пароходы пойдемъ. Спинушка-то у тебя—слава богу! И за меня, дохлаго, потаскаешь.

Гулящевъ все еще колебался, не зная, насколько серьезно говорить пріятель. Но мысль о морѣ, о краѣ, гдѣ столько красоты и раздолья и солнечной ласки; возможность хоть на короткое время сбросить съ себя каторжное ярмо — увлекла его сразу.

— Погоди, ты не шутишь?—спросилъ онъ серьезно.

— Да нѣтъ же! Чудакъ!

Гулящева захлестнула вдругъ радость.

— Эхъ, чортъ! А вѣдь хорошо бы! А?

— Да вѣдь на всю жизнь было бъ, пойми!

Гулящевъ съ маху хлопнулъ пріятеля по плечу.

— Э, ѣдятъ его мухи! Была—ни была!

## II.

Море показалось почти сразу, когда Гулящевъ и Шелестовъ вышли изъ знойной степи къ его высокому, обрывистому берегу.—...Миитька!? — вырвалось у Гулящева. Широкимъ жестомъ онъ снялъ запыленную шляпу, точно привѣтствовалъ развернувшуюся ширь, и окаменѣлъ.

А Шелестовъ съ ходу сѣлъ на обрывистый край, и на усталомъ, запыленномъ лицѣ затеплился тихій восторгъ.

— Ну, что?—кликнулъ онъ пріятеля послѣ долгаго молчанія.

Гулящевъ шумно вздохнулъ.

— Ну-ну-у...

— Да ты хоть сумку то скинь,—замѣтилъ, погода, Шелестовъ.

Но Гулящевъ разсѣянно отмахнулся рукою и весь погрузился въ необъятную ширь, съ безрасудною щедростью залитую свѣтомъ. Только когда долетѣла протяжная сирена далекаго

парохода, онъ тряхнулъ головою, словно сбрасывалъ чары, и воскликнулъ

— Тутъ, братъ, не то море, что вода, а десять морей! Воздуху! Свѣта! Солнца! Далечины! Эхъ, ты-ы, елка зеленая!

Онъ затрепеталъ вдругъ и, раскинувши руки, словно летѣлъ въ эти десять морей, онъ прыгнулъ внизъ. Шелестовъ только вскрикнулъ: чортъ! Сухая земля посыпалась подъ ногами шумнымъ ручьемъ; камни срывались, катились и прыгали, исчезая гдѣ-то внизу, въ дикихъ поросляхъ и каменныхъ глыбахъ.

Сажени три Гулящевъ стремительно ползъ на спинѣ и въ дикомъ восторгѣ кричалъ:

— Го-го-го-о!

Жестяной чайникъ, подвязанный къ сумкѣ, сорвался вдругъ съ привязи и съ гулками вскриками, дѣлая все большіе дуговые прыжки, полетѣлъ внизъ. На полдорогѣ крышка его отбросилась въ сторону, а чайникъ, гремя все глуше и глуше, скатился къ самому морю.

— Держи—держи—держи—и!—кричалъ сквозь хохотъ Шелестовъ.

Гулящевъ ткнулся, наконецъ, ногами въ каменный выступъ и, все еще лежа на спинѣ, гоготалъ, какъ сумасшедшій.

Осторожный Шелестовъ прошелся въ одну и въ другую стороны—спуска не было видно.

— Качай!—кричалъ снизу Гулящевъ, широко растопыривая ноги и руки.—Забирай стружку! Поймаю!

— Держи!—безнадежно отозвался Шелестовъ и сунулся внизъ.

Ближе къ морю было прохладнѣе. Не видно было ни души.

Высоко надъ головами чертился по ясной лазури рваный узоръ коричневаго берега, за нимъ была душная бѣлесая степь. А внизу, во влажной истомѣ плескались лѣнвивыя волны. Мелодичные плески ихъ были слышнѣе. Берегъ направо пятнили густой курчавой зеленью сады и виноградники; по отвѣснымъ отколамъ гранита ползъ, богъ знаетъ за что цѣпляясь, мѣднолистый плющъ и дикій виноградъ; а къ низу червонѣлъ кустарникъ. На слоистой, разнопородной скалѣ стояли, четко рисуясь на просторѣ лазури и морской синевы, легкіе, стройные конусы двухъ темныхъ кипарисовъ. А еще дальше берегъ спокойнымъ, широкимъ изгибомъ окаймилъ синюю воду и далеко врѣзался вдругъ въ море островерхой скалой? И только у этой скалы волны были сторожки и пѣнились.

Вдали очертанія таяли. Сизыя, желтыя, розовыя краски берега сливались въ одну, дымчато—лиловую. А съ другой стороны, сквозь голубую дымку видна была скала—изнемогшій отъ зноя степи и погружившійся въ море медвѣдь; и въ изумрудной раковинѣ, дивно сочетаясь съ зеленью каштановъ и кипарисовъ, мягко сверкали подъ солнцемъ граненныя жемчужины Гурзуфа.

Отъ зноя небо слегка туманилось. Рѣяли чайки,—бѣлоснѣжныя, легкія надъ синимъ безбрежьемъ. Гдѣ-то тамъ, за далекимъ—далекимъ горизонтомъ, шелъ пароходъ. Едва была видна бѣлая труба и тонкія мачты. Потомъ и труба скрылась,

и надъ сине-голубою чертой долго тянулась полоска бурога дыма,—все меньше, туманнѣе, глубже...

— Куда онъ ушелъ?—задумчиво спросилъ Гулящевъ. И въ томъ же раздумьи тихо отвѣтилъ себѣ:

— Можетъ—въ Турцію, Грецію... Или—кругомъ земли... Тихонько вздохнулъ и умолкъ.

— А видишь—вонъ?—заговорилъ почти шопотомъ Шелестовъ, показывая невдалекѣ на тяжелую, красно-лиловую глыбу, от-важно ступившую въ море. Волны пробили ей грудь и за ней, будто въ окно водяного царя, видны были вершины затонувшихъ утесовъ. Здѣсь волны не шли, а плавно вздымались, точно море дышало.

Гулящевъ поднялся. Въ широкой груди было тѣсно. Пьянило отъ шири, отъ волнъ и горячей лазури, отъ того, что сидѣли высоко надъ моремъ.

— Слушай, дружище... Эхъ, не дано мнѣ!.. Если бъ я могъ передать тебѣ все! Смотри—вѣдь—живое оно! Понимаешь? Взгляни ты на скалы, на горы,—вонъ—вонъ, заснѣжились. Что въ нихъ? Громозда! Они вѣчно молчатъ и не движутся. Мертвые! А вѣдь волны,—смотри, точно люди бѣгутъ! Милліоны! Безъ счету людей! По отрядамъ, идутъ все, идутъ... А если разбушуется?! Эхъ!..

— Море, ты море! Живое, просторное!

Въ буряхъ и ласкахъ великое!

Море, отъ силы хмѣльное, отъ вольности!

Гордое, вѣчное!

-- Да нѣтъ,—оборвалъ себя, обезкураженный. Извѣстно—коваль. Да и развѣ обскажешь, когда оно—она, чортъ, какая громадина!

Не отрывая глазъ отъ моря, онъ легъ рядомъ съ Шелестовымъ.

— Послушай,—мечтательно произнесъ Шелестовъ:—послушай, какъ поютъ внизу волны. Шепчутся. Иадалека—знаешь, отъ Азии, Босфора,—несутъ они сказки...

— О вѣчности горя и страданій...

— Да... Или нѣтъ: о просторѣ!

Умолкли. Рѣяла даль. Синева ея пала и на думы. Далеко отъ берега блеснула на солнцѣ мокрая спина дельфина.

Надъ нимъ стрѣлою мелькнула чайка; сверкнувъ бѣлизной, коснулась воды и взмыла съ тоскующимъ вскрикомъ.

Воздухъ, казалось, застылъ. Но море лѣниво зыбилось. Весь его необъятный просторъ былъ въ движеніи. Жаркое солнце стояло почти отвѣсно, и его свѣтъ горячимъ золотомъ дрожало, какъ ликующій смѣхъ, на хребтахъ медлительныхъ волнъ. Туда, къ закату, море точно было въ золотой кольчугѣ. А къ берегу волны катились хмельныя, истомныя. У самаго края глубокая ихъ синева переходила въ нѣжную прозелень. Когда же волна, выплеснувшись на берегъ, отливалась назадъ, настрѣчу другой, въ ея прозрачномъ стеклѣ ясно былъ видѣнъ гравий.

— Нѣтъ, ты только посмотри!—вскрикнулъ внезапно Гулящевъ, трянувъ съ силой пріятеля.—Видишь тамъ свѣтлыя пятна? Чтобъ меня черти поджарили, если я видѣлъ подобное!

Шелестовъ и самъ уже замѣтилъ среди синевы эти свѣтлыя, нѣжно-лазурныя пятна. Словно огонь былъ на днѣ моря.



— Хо-ро-шо!—отвѣтилъ онъ въ тихомъ восторгѣ, улыбаясь задумчиво и ясно, какъ улыбаются дѣти.

Гулящевъ дернулъ его къ себѣ, чтобы поцѣловать. Но тутъ же устыдился своей слабости; сбросилъ огромный камень, а за нимъ бросился и самъ, неуклюже махая руками и сквозь шумъ рушенной земли крича какую-то неслыханную пѣсню. Когда Шелестовъ спустился къ водѣ, онъ лежалъ грудью на цвѣтстомъ гравіи, и прозрачныя волны, любовно шепча по гравію, шаловливо тянулись къ его загорѣлому, радостному лицу.

— Митя, гляди, какая краса! Я нашелъ какъ яичко малиновки. А зеленые-то, зеленые! Чортъ побирай! Да ты посмотри, что въ водѣ!

Гулящевъ забирался все дальше. Волны играли, смѣялись въ лицо, обдавая радужными брызгами, а онъ ласково отмахивался отъ нихъ, какъ отъ малыхъ ребятъ.— Да нѣтъ всѣ хороши! Вѣдь у каждаго что то свое, особенное!—Набравъ гравія полныя карманы и руки, онъ заявилъ:

— Ну, друже, разъ уже такъ—нужно выкупаться. Въ родѣ крещенія будетъ!

Шелестовъ все время шурился, немножко хмельной и усталый, и съ лица его не сходила ласковая улыбка. Кивнувъ головою, онъ сталъ раздѣваться.

Гулящевъ раздѣлся раньше. Шелестовъ никогда не видѣлъ его голымъ и теперь невольно залюбовался широченной, волосами поросшей, грудью и крѣпкими узлами мускуловъ.

— Ну и коваль—ковалище!

— Га? Ничего, говоришь?—Гулящевъ согнулъ руки и напряжился.

Ха! Я тоже люблю себя чувствовать.—Да ты ворочайся! Вода—какъ хрусталь! Эхъ-ма! Хорошо, братъ, жить на свѣтѣ! А, токарь, колесовичъ,—хорошо!

Шелестовъ быстро сбросилъ одежду. И вотъ, когда онъ уже медленно входилъ въ ласкающую воду, а Гулящевъ отошелъ назадъ, чтобы разбѣжаться, кто-то сзади, надъ ними, грубо и требовательно крикнулъ:

— Господа! Попрошу удалиться!

Шагахъ въ сорока, на небольшой площадкѣ, черезъ которую пробѣгала тропинка, стояли трое: широкій, пожилой мужчина въ легкой поддевкѣ,—не то—купецъ, не то—крупный подрядчикъ; другой прыщеватый и длинный, въ очкахъ и косовороткѣ былъ офицеръ, либо чиновникъ; третій—священникъ,—осанистый, въ чесунчовомъ подрясникѣ. У него была цинковка, у первыхъ—мохнатая простыня.

Шелестовъ покраснѣлъ и закусилъ губу. И бросая на Гулящева тревожные взгляды, онъ шутливо сказалъ:

— Что жъ, братъ,—не судьба! Поищемъ броду.

Гулящевъ стоялъ неподвижно, чуть склонивъ голову, точно измѣрялъ разстояніе. Бирюзово-сѣрые глаза ушли подъ нависшіе брови и, нѣтъ-нѣтъ, да и вспыхнутъ зловѣщимъ огонькомъ.

— Пойдемъ, Сергуня... Ну ихъ къ лѣшему!

Гулящевъ глубоко вздохнулъ и неохотно сталъ собирать одежду.

Въ это время купецъ рѣзко крикнулъ:

— Ну-съ? Просятъ вѣдь? Честью-съ!

Сергѣй вздрогнулъ и выпрямился, какъ пружина.

— Здѣсь, господа,—заявилъ онъ хмуро,—для всѣхъ мѣста хватить.

— Какъ-съ?—сощурился купецъ, будто не разслышалъ, и наставилъ ухо.

— А вотъ—такъ-съ!—жестко отрѣзалъ Гулящевъ.

Длинный поправилъ на носу очки, а священникъ вскинулъ плечами и пѣвучимъ, модулирующимъ басомъ протянулъ:

— Вотъ еще-оказія!—Ска-жите!

Прошла пауза.

— Пойдемъ,—настаивалъ Шелестовъ.—Вонъ за тотъ мысъ, тамъ еще лучше.

Гулящевъ вспыхнулъ и съ металлическимъ звономъ въ голосъ крикнулъ.

— А туда—такъ же придутъ и прогонять?!

Купецъ хлопнулъ себя по ляжкамъ и изумленно воскликнулъ.

— Видали?! Нѣтъ, вы видали?!

Священникъ въ октаву кашлянулъ и сказалъ:

— Господа, вѣдь вы ждать заставляете. Не хорошо.

Гулящевъ обернулся къ нему и съ вызовомъ спросилъ:

— А почему, собственно *мы* должны уйти, а не *вы*?

— Ну, это ужъ наивно, Сергѣй!—замѣтилъ Шелестовъ.

— Наивно, говоришь? Ладно. А вотъ—пусть мнѣ отвѣтятъ!

— Хочу вотъ!

— Что за ссубъекты?—слышно произнесъ длинный.

Кузнецъ коротко взмахнулъ толстыми руками, покраснѣлъ и высокимъ фальцетомъ закричалъ:

— Вы видали? Видали нахала? А,—„почему“! Что-съ?

Да тутъ моя дача! Понимаешь ты, чучело, да-ача!

— Та-акъ,—злорадно ухмыльнулся Гулящевъ.—Такъ, такъ.

Ну, а море—тоже твое? А воздухъ, а небо,—тоже твой?

Шелестовъ понялъ, что пріятель „застопорилъ“. И желая какъ-нибудь распутать затягивавшійся узелъ, онъ выступилъ впередъ и заговорилъ миролюбиво, какъ только могъ:

— Эхъ, господа, право... Вы же—всегда здѣсь. А вѣдь мы—первый разъ тутъ. Тащились сколько! И никогда, можетъ быть, не вернемся. Ну, что вамъ стоитъ подождать пять минутъ? Только пять минутъ!

Толстый яростно затопалъ ногами и визгливо закричалъ:

— Вонъ! Вонъ отсюда! Сволочь! бродяги! Да я стрѣлять сейчасъ буду! Стражниковъ позову!

Шелестовъ такъ покраснѣлъ, какъ будто его ударили по лицу. Но пугаль его Гулящевъ: онъ дышалъ все тяжелѣе, лицо блѣднѣло все больше, и губы стали синими. На крѣпкой, стиснутой скулѣ дергался мускулъ. Съ такимъ лицомъ онъ однажды бросился на вооруженныхъ конвойныхъ, едва удержали товарищи.

Шелестовъ схватилъ его за руку и громко и строго позвалъ:

— Серега, оставь!

Гулящевъ полузакрывъ глаза и медленно провелъ по нимъ рукою. Разсмѣялся и, мягко оттолкнувъ пріятеля, онъ неторопливо пошелъ вдоль берега. Пройдя шаговъ тридцать, онъ круто

повернулъ и быстро покарabalся вверхъ. И прежде, чѣмъ дачники сообразили въ чемъ дѣло, онъ стоялъ выше ихъ на узкой тропѣ, о трѣзая имъ путь, такъ какъ другимъ концомъ тропа опускалась къ морю.

— Се-ре-га! —еще разъ предостерегъ Шелестовъ.

— Купайся!—откликнулся Гулящевъ, густо дыша вздымавшейся грудью.—Я братъ, вродѣ сверхдачника! Ха, ха, ха!, Брось ка табачекъ!

Шелестовъ посмотрѣлъ вокругъ. Досталъ и бросилъ Гулящеву табакерку, а затѣмъ бултыхнулся въ море.

За пріятеля онъ теперь не боялся; остричь,—значить—прошло. Дачники Гулящеву также не были опасны, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ усѣлся, дорожка была настолько узка, что не давала имъ возможности напасть на него сразу троимъ.

Купецъ, стоявшій вторымъ, бросилъ вдругъ простыню и съ выпученными глазами побрался наверхъ. Но сѣрый камень стоялъ почти отвѣсно. Купецъ ушибъ колѣно и сползъ обратно.

— Ахъ ты сволочь! Бродяга!—завопилъ онъ сквозь слезы.—Чего тебѣ, лѣшему, нужно?—Толкай! При на него, Викторъ Иванычъ!.. Отецъ Власій!

Но Викторъ Иванычъ, стоявшій впереди него, растерянно ерзалъ очками, покашливалъ и не двигался съ мѣста.

— Ибрагимъ! Ибра-ги-имъ!—закричалъ купецъ, задирая круглую голову.— Сю-да-а...

Гулящевъ вскочилъ на ноги.

— Слушай ты, пузо!—сказалъ онъ сквозь зубы.—Если только явится кто—сброшу всѣхъ, какъ котятъ сброшу!

Викторъ Иванычъ невольно покосился внизъ, гдѣ на колючемъ терновикѣ висѣла упавшая бѣлая простыня.

— П... простите, но вѣдь это —чортъ знаетъ, что такое!—воскликнулъ онъ, взмахивая длинными руками и вскидывая плечами.—Вѣдь мы же здѣсь хозяева, надѣюсь?!

— Сейчасъ—я хозяинъ!—отвѣтилъ ему Гулящевъ.

— П... позвольте, однако!—Викторъ Иванычъ обернулся назадъ и въ изумленіи поднялъ плечи до самыхъ ушей.—То-есть чортъ знаетъ!

Священникъ что-то промычалъ, а купецъ схватился за голову и въ ярости простоналъ.

— Да вы, собственно, чего волнуетесь?—заговорилъ Гулящевъ уже спокойнѣе, съ добродушной улыбкой.—Охота купаться пожалуйте: дорога туда свободна. А воды въ морѣ, полагаю, хватить на всѣхъ. Митя-ай!—кликнулъ онъ Шелестова.—Ну что? Хо-ро-шо ли?

— Здорово! отозвался тотъ, бултыхаясь.—Вода—какъ видно!

— Ишь ты-ы, алкоголикъ! Ну купайся, купайся. Да не спѣши смотри, а то, братъ, коли, задамъ! Хо, хо...

Про дачниковъ Гулящевъ словно забылъ. Дымилъ папирсой и съ шурой лаской смотрѣлъ, какъ тѣло Димитрія въ прозрачной, колышущейся водѣ принимало потѣшно-уродливыя, лягушечьи формы.

Изъ-за бергового выступа показался бѣлый пароходъ, Купецъ встрепенулся и замахалъ руками, собираясь кричать.

Викторъ Иванычъ бросился въ нему.

— Голубчикъ! Петръ Савичъ!

— Да, вѣдь, разбой же! Экспропрр...

Викторъ Иванычъ зажалъ ему ротъ.

— Ради Бога... голубчикъ... минутку!

Сбросивъ мѣшавшія ему очки, онъ торопливо вытащилъ портмонъ. Потянуль было красную бумажку, но видно жалко ее стало; положилъ обратно и высыпаль на руку серебро, рубля на три—четыре.

— П.. послушайте, э-э... Какъ васъ...—обратился онъ затѣмъ къ Гулящеву. Возьмите—пожалуйста Кх!.. Въ дорогѣ, знаете... мы, конечно, понимаемъ... Кхе!

Надѣвъ очки, онъ строго посмотрѣль поверхъ ихъ, смѣшно наклонивъ свой высокій, залысившійся лобъ и сухо добавилъ: — И прекратимъ, знаете, эту... комедію!

Обернувшись къ своимъ спутникамъ, онъ улыбнулся, будто спрашиваль: а что, ловко вѣдь?!

Гулящевъ машинально протянулъ руку и взялъ монеты. Держа ихъ на открытой ладони, онъ съ минуту прощупываль Виктора Иваныча брезгливо-насмѣшливымъ взглядомъ. Потомъ зажалъ деньги въ кулакъ, размахнулся и съ силой швырнулъ ихъ въ море.

Бѣлыя монеты изумленно шелестнули; взвились, разлучаясь; блеснули на еолнцѣ и клюнулись въ воду. Одна, самая маленькая, отстала и упала на гравій, звякнувъ такъ тихо, что слухъ едва уловилъ ея нѣжный, испуганный звонъ...

Шелестовъ бултыхался недолго.

— Ну, Адамъ!—сказаль онъ, поднявшись на тропинку.— Ступай теперь ты. А я посижу въ пріятномъ обществѣ.

Лица дачниковъ были такъ безпомощно злы и растеряны,— у купца отвисла толстая губа,—что Шелестову стало передъ ними неловко. Но начатое нужно было довести до конца. Онъ еѣль немного поодаль и, на всякій случай, положилъ сбоку голяшъ.

— Посидите, господа, пока-что,—сказаль онъ безъ всякой злобы.—Онъ скоро.

Купецъ разстегнулъ неожиданно воротъ рубахи и, колотя себя въ мягкую грудь, плаксиво закричалъ:

— Разите, душегубы! Стрѣляйте!

Потомъ тяжело опустился на землю и захлипаль.

Викторъ Иванычъ, уронивъ очки, бросился къ нему.

— Голубчикъ! Петръ Савичъ!.. Успокойтесь, Бога ради...

Отецъ Власій задернулъ зачѣмъ то подрясникъ, погладилъ холеную волнистую бороду и заговорилъ съ плохо скрытымъ лукавствомъ.

— Вы, какъ вижу, поинтеллигентнѣе будете вашего... товарища.—Онъ легонько кашлянулъ.—Простите, вы-про-летаріи?

Шелестовъ настороженно покосился на него и отвѣтилъ:

— Да. Онъ—кузнецъ, а я—токарь.

— Ну-съ, вотъ,—пролетаріи. Прекрасно, прекрасно. Значить: братство и равенство, свобода личности и прочее?! И ужъ конечно долой насиліе?! Та-акъ-съ Ну, что же! Противъ этого не

спору,—да, не спору.—Лицо стало еще лукавѣ.—Ну, а какъ, же, господа про-ле-та-рии, называется то, что вы съ нами дѣлаете? Что-съ?

— Преступление!—живо обернулся Викторъ Ивановичъ, трагически потрясая руками.—За это вы заплатите! По-пла-ти-тесь милостивые государи!

— Эге-эй!—крикнулъ, Голящевъ, войдя уже въ воду.— Отпусти ихъ, Митяй! А Митяй!? Чортъ съ ними..

И не дождавшись отвѣта, онъ ринулся въ море и поплылъ, широкими взмахами разрывая изумрудную воду.

Послѣ знойнаго дня ночью было прохладно и сыро, и донималъ голодъ. Пріятели потянулись было къ Ялтѣ, но пока не взошла луна, было темно. Да и устали. Поэтому развели у подножья скалы, терявшей вершину гдѣ то въ густой синевѣ неба, костерокъ и прикурнули.

Но не спалось. То разбудила хрипая сирена проходившаго парохода, то сверху откуда то неожиданно сорвался камень. Далеко гдѣ-то въ степи перекликались собаки.

Шагахъ въ десяти плескалось море,—густое,—тяжелое,—точно медленно колебался огромный листъ стали, отливая въ плавныхъ изгибахъ матовымъ холоднымъ блескомъ. Гдѣ-то въ расщелинѣ черезъ каждыя полминуты клокотала вода,—будто всхрапывалъ кто. Волны сонно плескались о выступъ скалы, а подбѣгая къ костру, онѣ на мгновенье загорались блѣднымъ багрянцемъ и сейчасъ же, одна за другой, покорныя, умирали на гравіи, едва успѣвъ шепнуть ему что-то завѣтное и печальное, что несли такъ далеко—далеко.

Послѣ нихъ оставалась лишь легкая пѣна, слегка закровавленная свѣтомъ костра.

Въ небѣ, глубоко-глубоко, сорвалась вдругъ яркая звѣзда, и покатила по бархатной глади, оставляя золотую, медленно гаснущую полосу. Слухъ напряженно ловилъ таинственные звуки золотой струны и полета,—вѣдь онѣ такъ ясно чувствовались! Но небо стало какъ будто еще темнѣе, а тишина вверху и надъ моремъ—еще торжественнѣе, еще глубже.

Потомъ гдѣ то надъ степью поднималась луна. Вершины причудливыхъ скалъ освѣтились зеленоватымъ свѣтомъ. Отдѣлились тѣни. А внизу, подъ скалами, стало совсѣмъ черно. Только у самага горизонта, надъ которымъ чуть теплилось заповчавшее облачко, пало блѣдное, серебристое пятно.

Вотъ мы и у свободнаго моря,—съ горькой улыбкой промолвилъ Гулящевъ.

Шелестовъ разсѣянно посмотрѣлъ на него, на море; но ничего не сказала. Поднялся, постоялъ у скалы и полѣзъ затѣмъ на ея вершину.

Быстро поднималась надъ степью луна. Чѣмъ выше—тѣмъ ярче. Блѣдное пятно, что пало на море, росло, разгоралось, и вотъ протянулось, уже перепоясало море отъ края до края серебрянымъ, чешуйчатымъ поясомъ. Далеко отъ берега въ эту полосу вошелъ, словно призракъ, блѣлый парусъ баркаса, и черезъ минуту исчезъ.

— Сергу-ня!—окликнулъ Шелестовъ сверху взволнованнымъ голосомъ.—Гей! Полѣзай, друже, сюда!

Помолчавъ немного, онъ запѣлъ,—тихо, раздумчиво:

„Отчего я люблю тебя, тихая ночь?..

Онъ зналъ эту пѣсню по слуху,—изъ ссылки... Но обида восторжъ и печаль—такъ тѣсно сплелись и такъ бурно наполнили его душу, что когда онъ съ глубокимъ надрывомъ и страстью бросилъ упрекъ этой ночи:

„Ты не мнѣ, ты другимъ посылаетъ покой!“—звукъ вырвался стономъ. Пѣсня порвалась. И долго блуждалъ этотъ стонъ по угрюмымъ, застывшимъ скаламъ, освѣщеннымъ безжизненнымъ свѣтомъ.

Жутко было одиночество.

— Сергунь!—позвалъ онъ опять.

Тотъ не откликнулся. Тогда онъ спустился, встревоженный, внизъ.

Гулящевъ сидѣлъ все въ той же позѣ, положивъ голову на обхваченныя руками колѣни, смотрѣлъ на море и... плакалъ. Плакалъ, самъ того не замѣчая.

— Митя!—вскликнулъ онъ вдругъ съ горечью:—да развѣ жъ мы такъ много требуемъ отъ жизни?.. Вѣдь мы же меньше,—неизмѣримо меньше беремъ отъ людей, чѣмъ даемъ имъ! Зачѣмъ же насъ... такъ вотъ?..

Голосъ его сорвался, и онъ умолкъ, тяжело дыша.

А когда Димитрій подошелъ къ нему и положилъ на плечо свою руку, онъ съ мучительной тоской и тревогой спросилъ:

— А что, если все... все, что есть въ жизни! такъ же проходитъ безслѣдно, какъ эти волны? Вѣдь Римъ, и Египетъ и кто тамъ—Александръ? Сколько крови было и страданій, а гдѣ все подѣвалось? Пропало. Ничего! Камни тамъ ковыряютъ. А море смѣется. Смотри, видишь тамъ парусъ? Это—наши мечты.

Крылатый парусъ медленно скользнулъ по серебряному поясу и исчезъ въ сѣрой таинственной мглѣ.

— Понимаешь?..

Шелестовъ чувствовалъ, какъ подъ его рукою вздрагивало мощное тѣло. О, да! Онъ понималъ... И было тоскливо и больно.

— Сережа!

Мысли толпились, давили. Но когда онъ облакалъ ихъ въ слова, выходило не то, все не то! Съ бѣшеной силой сдавилъ его руку и, вкладывая въ слова всю силу своего желанія и надежды, и страха, сказалъ:

— Вѣрь мнѣ, родной: если бъ я, хоть на мигъ усумнился—я бъ разможилъ съ этой скалы свою голову!

Сергѣй жадно и пытливо заглянулъ ему въ лицо и послѣ долгаго молчанья отвѣтилъ:

— Я вѣрю тебѣ. Я хочу вѣрить! Потому что безъ вѣры—я доберусь до ихъ дачъ!

Понимаешь?

— Вѣры!—съ глубокой убѣжденностью воскликнулъ Димитрій.—Море должно, море будетъ свободно!

*А. Бибикъ.*

# ВЪ ЛЪСУ.

Лѣсъ шумить и шумить, опадая,—  
Цѣлый день я въ раздумьи блуждаю  
У деревни въ лѣсу за рѣкой..  
Иль прошла моя жизнь молодая,  
Иль безумье мой странный покой?

За рѣкой, за туманомъ угрюмымъ  
Такъ легка передъ вечеромъ даль  
Такъ легко моимъ пѣснямъ и думамъ  
Слиться съ вѣчнымъ, березовымъ шумомъ—  
Такъ легко умереть и не жалъ...

Жаль мнѣ юности только минувшей,  
Въ чащѣ тихой, опавшей, заснувшей  
Никому неповѣданныхъ слезъ—  
Слушай, сердце безумное, слушай  
Похоронную пѣсню березъ!..

*С. Клычковъ.*

---

# ВЕСНА.

Я шель по улицѣ. Торжественный былъ вечерь.  
У дальнихъ звѣздъ цвѣла уже весна.  
И вѣтеръ обвивалъ такъ бережно и нѣжно  
Еще угрюмые стволы деревьевъ.  
Кружился запахъ тающаго снѣга. . .  
Шли тихо люди, и у каждаго въ рукѣ  
Была свѣча, затепленная въ храмѣ,  
Мигающая, робкая отъ вечера и вѣтра. . .  
И все похоже было болѣе на сказку,  
Чѣмъ на жизнь.  
А тамъ вверху надъ лязгомъ шумныхъ улицъ  
Катились медленно и плавно широкіе разливы мѣд-  
ныхъ звоновъ. . .  
Но тишина была и радость на лицахъ всѣхъ идущихъ...  
Вздыхалъ по временамъ неуслѣдимый вѣтеръ. . .

Сильнѣе трепетали свѣчи—но не гасли:  
Ихъ укрывали березкою одни бумагою какой-то,—  
Другіе-же ладонью. И становилась оттого ладонь,  
Какъ свѣтъ закатный, розово-прозрачно. . .  
. . . Шла рядомъ дѣвочка и ласковое пламя  
Своей свѣчи была не въ состояньи  
Укрыть отъ шутника,—отъ вѣтра:  
Ужъ слишкомъ маленькой была ея худая ручка. . .  
Свѣча ея мигала ярче и сильнѣе, чѣмъ у другихъ,  
Но было ясно мнѣ, что этотъ трепеть—трепеть передъ  
смертью.  
Я наклонился—грубою ладонью закрылъ ея свѣчу—  
И видѣлъ близко-близко у глазъ своихъ—ея глаза,  
Какъ звѣзды въ этотъ вечеръ. . .  
Иду къ тебѣ. . . Въ рукѣ ты не увидишь  
Свѣчи затепленной у Горняго Престола—  
Она въ глазахъ моихъ, въ глазахъ и сердцѣ.  
Возьми ее—она твоя. . . Убереги ее отъ вѣтра. . .  
Ея мерцанья такъ-же хрупки,  
Какъ трепеть той свѣчи у дѣвочки забытой,  
Какъ то, что люди называютъ:—Счастье—  
Возьми ее—она твоя. . .

*Н. Ю. Венгровъ.*

---

## ВЕСЕННИЙ МОТИВЪ.

Вьются тучки, вьются по небу летать,  
По лазури разсыпаются.  
То растаютъ, то растутъ. . . Сойдутся въ рядъ.  
Легкимъ пухомъ разлетаются.  
Кружить вѣтеръ ихъ веселый въ небесахъ  
Кружить, нѣжить, увивается. . .  
И тѣнистые узоры на поляхъ  
Тихо движутся, сплетаются.

*А. Сергѣевъ.*



# ТѢНИ ЗАКАТА.

Легкія тѣни, летучія тѣни,—  
Чуть загорѣлся закатъ.  
Танецъ воздушныхъ, прозрачныхъ видѣній,  
Танецъ дріадъ и наядь.

Зыблются тѣни, колеблются тѣни,  
Въ танцѣ воздушномъ летать.  
Небо въ жемчужно-серебряной пѣнѣ  
И пламенѣть закатъ.

Дрогнули тѣни, сливаются тѣни. . .  
Тихо погаснулъ закатъ. . .  
Словно лампы вечернихъ моленій  
Первыя звѣзды горять.

*А. Сергѣевъ.*

\* \*  
\* \*

Сегодня праздникъ, свѣтлый день,  
Въ мое окно взглянуло солнце,  
Гдѣ нѣжно бѣлая сирень  
Цвѣтеть, склоняясь на подоконце.  
Скользятъ по синему стеклу  
Тѣней неясные узоры;  
Цвѣты мнѣ шепчутъ про весну,  
Про степь, про свѣтлые просторы...  
И сердце чувствуетъ красоту  
И рвется въ поле на свободу...  
Ахъ, я сегодня не пойду  
Дорогой скучною къ заводу!  
Я не услышу стукъ колесъ  
И стонъ и злобный скрежетъ стали...  
Меня возьмутъ въ объятія грезъ  
Степей обласканныя дали.  
Я буду въ полѣ средь луговъ,  
Бродить до поздняго заката,  
Гдѣ много свѣта и цвѣтовъ,  
Гдѣ воздухъ полонъ аромата!

*С. Кошкарѣвъ.*

## Переписка Маркса и Энгельса.

### I.

Свое литературное наслѣдство, включая переписку съ Марксомъ, Энгельсъ завѣщаль Бебелю и Бернштейну. Бебель—вмѣстѣ съ Бернштейномъ—успѣлъ еще до своей смерти кончить трудъ по изданію «Переписки». Въ концѣ прошлаго года она опубликована--большое 4-хтомное изданіе, въ суммѣ немного меньше 2000 страницъ. Въ „Переписку“, какъ поясняютъ въ предисловіи оба редактора, вошло почти все безъ всякихъ сокращеній и за исключеніемъ лишь тѣхъ рѣдкихъ писемъ, которыя при большой интимности не представляли сколько-нибудь существеннаго интереса для широкой публики.

Переписка обоихъ друзей обнимаетъ періодъ времени отъ 1844 до 1883 г., почти съ перваго момента зарожденія этой исключительной дружбы до смерти Маркса, т. е. четыре десятка лѣтъ. Извѣстно, что Энгельсъ много лѣтъ жилъ въ Манчестерѣ, въ то время, когда Марксъ—въ Лондонѣ. И этому обстоятельству, несчастливому,—какъ замѣчаетъ Викторъ Адлеръ <sup>1)</sup>,—для друзей, мы обязаны счастливой возможностью глубже заглянуть въ тайники ума и души обоихъ творцовъ научнаго социализма; полнѣе, точнѣе и глубже ознакомиться съ тѣмъ, какъ они жили и работали, любили, учили и сами учились; какъ вынашивались и создавались обезсмертившія ихъ имя творенія; какъ складывались ихъ отношенія къ людямъ — друзьямъ, противникамъ и врагамъ, ихъ семейныя и личныя отношенія; ихъ отношеніе къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ исторіи и политической злобы дня;—словомъ, узнать обоихъ великихъ людей *во всемъ*, — на высотахъ абстрактной научной мысли, въ центрѣ кипучей политической и партійной жизни, въ кругу семьи и близкихъ людей вплоть до деталей ихъ будничной повседневности. И если сознательный пролетаріатъ всего міра благоговѣнно чтитъ свѣтлую память людей, показавшихъ и освѣтившихъ имъ ихъ историческій путь, то образъ этихъ людей, какъ онъ постепенно вырисовывается въ ихъ сорокалѣтней перепискѣ, образъ, художественный по цѣльности и въ высокой степени человѣчный, долженъ глубоко запечатлѣться въ сердцахъ сознательныхъ пролетаріевъ и всегда поддерживать къ нимъ горячую и неугасимую любовь.

Вокругъ Маркса и Энгельса, особенно Маркса, успѣла уже сложиться легенда, какъ о людяхъ безъ сердца, черствыхъ, всѣ симпа-

<sup>1)</sup> Der Kampf, октябрь 1913.

ти и влеченія которыхъ лежали лишь въ области абстрактныхъ мыслей и представлений. Если они что-либо любили, то лишь, какъ фанатики, отвлеченную идею, ими же созданную. Если они когда-либо съ людьми и считались, то лишь въ отвлеченномъ собирательномъ видѣ, какъ съ «классомъ». Марксъ и Энгельсъ, дѣйствительно, были прежде всего борцами за идею и всю свою жизнь отдали тому классу, которому принадлежитъ роль освободителя человѣчества. Но ихъ враги и недоброжелатели, явные и скрытые, исказили ихъ образъ и всѣми силами старались и стараются вынуть изъ него «душу живу», лишить его всего человѣчески-привлекательнаго. Приступая къ общей характеристикѣ „Переписки“, какъ литературнаго памятника, нельзя удержаться, чтобы не отмѣтить, прежде всего, ихъ, и особенно Маркса, истинно-человѣчное отношеніе къ людямъ, конкретнымъ людямъ, съ которыми ихъ сталкивала жизнь. Въ этомъ отношеніи,—какъ и во многихъ другихъ,—„Переписка“ даетъ богатѣйшій матеріалъ, изъ котораго мы возьмемъ лишь 2—3 примѣра.

При всей своей колоссальной занятости и при всей своей ужасающей нуждѣ, Марксъ всегда находилъ и время, и матеріальную возможность отзывать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ это считалъ необходимымъ.

Такъ, 3 іюня 1852 г. онъ объясняетъ Энгельсу, почему онъ опоздалъ отвѣтомъ на его письмо. Жена товарища, издавна болѣвшая и лежавшая въ больницѣ, была выброшена на улицу предъ самой смертью, и умерла дома, у мужа, въ крайней нищетѣ. Ни гроша денегъ, а тутъ расходы на похороны и т. п. Никто другой не могъ здѣсь ничѣмъ помочь. „И такимъ образомъ,—пишетъ Марксъ, —пришлось этимъ дѣломъ заняться мнѣ. Безконечная бѣготня, пока все было улажено. Теперь опять все въ порядкѣ“.—Фактъ незначительный, но тѣмъ болѣе характерный. Онъ показываетъ, какъ близко Марксъ принималъ къ сердцу горе и нужду товарищеской среды. Не было кому похоронить жену товарища, взять на себя необходимыя при этомъ хлопоты. И Марксъ тратитъ свое дорогое время и на это!

Другой фактъ, на этотъ разъ касающійся близкаго товарища-рабочаго, извѣстнаго Эккаріуса.—Весной 1860 г. Эккаріусъ заболѣлъ на почвѣ истощенія, о чемъ онъ и извѣщаетъ Маркса. Врачъ заявилъ ему, Эккаріусу, что онъ долженъ бросить свою профессію (портняжество), измѣнить образъ жизни и т. д. Марксъ занимаетъ ему помѣщеніе около себя. Обѣдъ, — пишетъ Марксъ Энгельсу, — онъ получаетъ у меня и ему нечего дѣлать, какъ только гулять и поправляться, и надѣюсь, что онъ станетъ на ноги.

Или вотъ онъ у постели умирающаго Шаппера 1). „Вчера опять

1) Шапперъ—бывшій членъ „Союза Коммунистовъ“, но въ самомъ началѣ эмиграціи (1850 г.) вмѣстѣ съ другими отъ него откололся и сталъ въ оппозицію къ Марксу и Энгельсу.

былъ у Шаппера“, — пишетъ Маркъсъ Энгельсу 28 апрѣля 1870 г. „Боюсь, онъ скоро умретъ. Говорилъ и держалъ себя предъ лицомъ смерти прекрасно... „Скажи всѣмъ нашимъ друзьямъ, — сообщаетъ Маркъсъ послѣднія слова Шаппера, — что я остался вѣренъ нашимъ принципамъ. Я не теоретикъ. Во время реакціи у меня было достаточно дѣла, чтобы прокормить свою семью. Я тяжело трудился и умираю пролетаріемъ“. — Я передалъ ему, — продолжаетъ Маркъсъ, — привѣтъ отъ тебя и сказалъ ему, что ты навѣрное пріѣхалъ бы, еслибы зналъ, въ какой онъ опасности. И это доставило ему видимую радость...“ — „Чтобы увидѣть Шаппера, — отвѣчаетъ Энгельсъ на другой день изъ Манчестера, — я дѣйствительно, пріѣхалъ бы, еслибы, судя по твоему письму, не полагалъ, что его ужъ нѣтъ въ живыхъ“...

Въ томъ же письмѣ отъ 28 апрѣля 1870 г. Маркъсъ проситъ своего друга написать другому опасно больному товарищу, чтобы тотъ поберегъ и не переутомлялъ себя занятіями сверхъ тѣхъ, которыя необходимы для заработка. «Сказалъ ему, что пока ты былъ на службѣ, ты весьма умѣренно занимался другими дѣлами (научными, изученіемъ языковъ, — М. П.). Сдѣлалъ это намѣренно, такъ какъ знаю, что онъ питаетъ къ тебѣ большое уваженіе». И если ты ему напишешь, то «во-первыхъ, его особенно подбодрить такое съ твоей стороны вниманіе, во-вторыхъ, онъ приметъ къ сердцу именно твой совѣтъ не разрушать своего здоровья экстраординарными занятіями“.

Неправда-ли, читатель, какъ это похоже на черствого, бездушнаго Маркса, какимъ его такъ охотно рисуютъ наши враги и ложные друзья? И такихъ примѣровъ можно было бы привести множество.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи у насъ еще будетъ случай увидѣть, какое, въ сущности, любящее и нѣжное сердце скрывалось подъ суровымъ обликомъ великихъ борцовъ. Но тутъ въ связи съ вопросомъ, какъ Маркъсъ и Энгельсъ относились къ окружавшимъ ихъ людямъ, не можемъ не отмѣтить также еще одной черты — ихъ необыкновенной вѣрности и преданности тѣмъ, которымъ они однажды повѣрили и довѣрились.

Изъ другихъ писемъ Маркса, — его писемъ къ Фрейлиграту 1), — известно, какъ тяжело ему было отказываться отъ привязанности даже тогда, когда разницей въ типахъ, условіями и обстоятельствами жизни уже выѣдена была сердцевина дружбы и духовной солидарности. Фрейлигратъ, поэтъ революціи и пролетаріата 1848 г., былъ совсѣмъ другого склада ума, души и характера, чѣмъ Маркъсъ. При томъ жизнь въ эмиграціи съ самаго начала складывалась для обоихъ совершенно различно. Мало-по-малу дружба дала трещину и — чѣмъ дальше, тѣмъ больше — расхожденіе становилось неизбѣжнымъ. Но Маркъсъ не хотѣлъ и не могъ съ этимъ мириться. Въ длиннѣйшихъ

1) Опубликованы въ 1912 г. въ приложеніи къ „Neue Zeit“.

письмахъ къ Фрейлиграту онъ стремится выяснитъ и устранить все то, что казалось ему одними только недоразумѣніями и пустяками. Не могу, — пишетъ онъ тамъ между прочимъ, — терять друзей изъ-за пустяковъ или по причинамъ несущественнымъ. — Въ перепискѣ съ Энгельсомъ эта благородная черта освѣщается еще гораздо ярче. Укажемъ лишь на одинъ-два примѣра.

Въ своихъ отношеніяхъ съ Марксомъ и Энгельсомъ Либкнехтъ далеко не всегда былъ на надлежащей высотѣ. Въ „Перепискѣ“ онъ выступаетъ, какъ типъ стараго нѣмецкаго бурша. Онъ не точенъ въ своихъ общаніяхъ и обязательствахъ, и на него трудно, поэтому, положиться. Болѣе того. Онъ нерѣдко довольно безцеремоненъ по отношенію къ своимъ друзьямъ и учителямъ. Не разъ онъ публично на нихъ ссылается, говорить и грозить отъ ихъ имени, не имѣя къ тому никакого основанія. Дѣлалось это отнюдь не преднамѣренно, а лишь по неосторожности. Однако, точныхъ и щепетильныхъ Маркса и Энгельса такое поведеніе Либкнехта не могло не возмущать. Возможно, что именно съ близкими людьми Либкнехтъ, по своему характеру, меньше различалъ ту грань, которая всегда даже въ самой тѣсной дружбѣ существуетъ между человѣкомъ и человѣкомъ. Безавѣтный въ дружбѣ, онъ въ пылу борьбы съ врагами и противниками могъ приписать друзьямъ, самъ того не замѣчая, свои собственные мысли и взгляды, чего онъ, при большей осторожности, конечно не сдѣлалъ бы. Какъ бы то ни было, Марксъ и Энгельсъ сумѣли *понять его такимъ, какимъ онъ былъ*. И какъ онъ имъ, такъ они Либкнехту оставались вѣрными до конца своей жизни, беря его со всѣми его достоинствами и недостатками. — Таково же было отношеніе ихъ къ «старому Беккеру», великому „путанику“ (Konfusionsrat'y), бывшему между Марксомъ—Энгельсомъ и интернаціональнымъ рабочимъ движеніемъ такимъ же посредствующимъ звеномъ, какимъ былъ Либкнехтъ между ними и нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ. Отношенія Маркса и Энгельса съ Либкнехтомъ, Беккеромъ и многими другими ярко свидѣтельствуютъ, что они, при всей своей суровости и требовательности, снисходительно и зачастую съ добродушнымъ юморомъ относились къ слабостямъ и недостаткамъ людей, съ которыми встрѣчались, строго индивидуализируя cadaго изъ нихъ.

Однако, все, на что здѣсь указано, важное и интересное само по себѣ, въ сравненіи со многимъ другимъ, чѣмъ богата „Переписка“, — второстепеннаго характера. Это *надо* было сказать въ интересахъ исторической справедливости и чтобы подорвать легенду, складывающуюся на почвѣ тупой вражды или благожелательной ограниченности <sup>1)</sup>. Но значеніе „Переписки“ — повторяемъ — не въ томъ или

<sup>1)</sup> Въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ г. Р. Бланкъ, редакторъ бывшаго еженедѣльнаго журнала „Запросы Жизни“, знакомитъ читающую публику съ „Перепиской Маркса съ Энгельсомъ“ и, между прочимъ, походя,

другомъ отдѣльномъ письмѣ, не въ той ли иной отдѣльной чертѣ, а въ томъ, какъ письмо за письмомъ, черта за чертой выясняется и складывается въ поразительное по крѣпости и гармоничности *цѣло-* — ихъ жизнь во всей ея сложности, разнообразіи и пестротѣ.

Въ письмахъ Маркса-Энгельса читатель находитъ представленными все отрасли знанія. Марксъ и Энгельсъ вмѣстѣ обладали всеми знаніями своего времени и были живымъ воплощеніемъ научной универсальности. При томъ, какими знаніями! То, что они знали, они знали до основанія, всеобъемлющимъ и точнѣйшимъ образомъ. Вся ихъ жизнь, — поскольку она оставалась незаполненной требованіями практическаго движенія, литературной работой, хлѣбными занятіями у Энгельса и борьбой съ гнетущей нуждой и болѣзнями у Маркса, — вся эта жизнь проходила въ непрерывной «учебѣ». «Ochsen» — учиться было ихъ величайшимъ наслажденіемъ. Представить себѣ только, какую сокровищницу живого знанія эти люди въ себѣ заключали, люди, гениальные по способностямъ, уже самимъ воспитаніемъ поставленные въ уровень современнаго имъ знанія, люди ненасытной любознательности, колоссальнаго прилежанія и понестинѣ желѣзной энергіи и работоспособности! Занимаясь исторіей и политической экономіей главнымъ образомъ, ex professo, Марксъ понутно, во время болѣзни въ постели или «въ воскресенье для отдыха» изучаетъ огромные труды по химіи и математикѣ. Впрочемъ, математика, какъ философія и поэзія, ему дѣйствительно служили отдыхомъ. А Энгельсъ специально работаетъ въ области естествознанія, гдѣ онъ подъ часъ строитъ гениальнѣйшія догадки, приобретаетъ себѣ крупное имя, какъ военный авторитетъ, изучаетъ множество языковъ. Химія, физика, сельское хозяйство, механика, технологія, астрономія, математика, философія, политическая экономія, біологія, физиологія, этнографія, правовѣдѣніе, исторія, языки, которые изучаются группами — славянскіе, скандинавскіе, — персидскій языкъ и персидская литература... Все они знаютъ, все имъ доступно, вездѣ они „дома“... И обо всемъ они другъ другу пишутъ и все у нихъ отражается въ перепискѣ!..

Меньше всего они были при этомъ чисто кабинетными учеными. Они одинаково хорошо себя чувствуютъ и свободно движутся, какъ въ области теоріи, такъ и практическаго общественнаго дѣла. Замѣчательнѣе же всего то, что въ ихъ сознаніи вся жизнь, въ цѣломъ и частностяхъ, подчиняется требованіямъ ихъ исторической задачи и общественной практики. Не говоря уже о томъ, что всегда, когда только есть движеніе, имъ принадлежитъ, если не прямое, то косвен-

бросаетъ такую фразу: „Онъ (Марксъ) вообще нз отличался терпимостью къ людямъ. Повидимому, люди были для него больше объектами, чѣмъ субъектами...“ Если огромное множество фактовъ 4-хъ томовъ „Переписки“ его не разубѣдило и не заставило сойти съ проторенной дорожки въ оцѣнкѣ Маркса, какъ человѣка, то ему, г. Бланку, ничѣмъ ужъ помочь нельзя, ибо для него самого „повидимому“, Марксъ и Энгельсъ „больше объекты, чѣмъ субъекты“...

ное руководство,—они ни одного шага не дѣлають безъ того, чтобы не спросить себя, полезно-ли это будетъ «дѣлу», der Sache.

Какъ извѣстно, Энгельсъ принималъ участіе въ южногерманскомъ возстаніи въ маѣ 1849 г. Послѣ пораженія ему удалось бѣжать въ Швейцарію (откуда онъ потомъ ѣдетъ въ Англію). Изъ Веве онъ 25 іюля 1849 г. пишетъ женѣ Маркса: „Вы вмѣстѣ съ Марксомъ, вѣроятно, удивлены, что отъ меня такъ долго нѣтъ извѣстій... Съ появленіемъ пруссаковъ я не могъ удержаться, чтобы не принять участія въ возстаніи. Я былъ въ четырехъ сраженіяхъ, изъ нихъ два—довольно большія... Но послѣ всего счастливо остался невредимымъ и въ концѣ концовъ хорошо, что изъ нашей группы (группы „Новой Рейнской газеты“) хоть одинъ участвовалъ въ возстаніи. Ибо въ Ваденѣ и Пфальцѣ была вся демократическая банда и будетъ теперь хвастать несовершенными геройскими дѣлами...»—«Я былъ въ большой тревогѣ за тебя». —отвѣчаетъ ему Марксъ. И дальше: „Еслибы ты въ возстаніи не участвовалъ, то мы не могли бы выступить съ нашими взглядами на всю эту исторію...“ — Конечно, не надо себѣ это такъ представлять, что сначала Энгельсъ рѣшилъ, что его участіе въ возстаніи будетъ полезно „дѣлу“, и потомъ пошелъ воевать. Въ значительной, если не въ самой большой степени, Энгельсъ просто отдавалъ дань своему революціонному темпераменту. Но для психическаго уклада обоихъ друзей характерно то, что интересами дѣла они стремятся осмыслить все: въ данномъ случаѣ, проявленіе своего революціоннаго темперамента, а, вотъ, въ другомъ и самую свою неутолимую жажду знанія.

18-го марта 1852 г. Энгельсъ, между прочимъ, пишетъ: „Втеченіе 14 дней я основательно занимаюсь русскимъ языкомъ и почти одолѣлъ грамматику. Черезъ 2—3 мѣсяца у меня будетъ уже необходимый запасъ словъ, и тогда я смогу привыкаться за что-нибудь другое. Съ славянскими языками я долженъ покончить еще за этотъ годъ, и, по существу, это вовсе не такъ трудно. Изученіе языковъ интересуетъ меня и само по себѣ. Но, кромѣ этого, необходимо, чтобы хоть одинъ изъ насъ двухъ зналъ языки, исторію, литературу и детали социальнаго строя тѣхъ націй, съ которыми при ближайшихъ крупныхъ событіяхъ немедленно завяжется борьба...“

Мы приводимъ это выписки—и дальше приведемъ ихъ еще не мало,—такъ какъ по нимъ лучше всего, конечно, судить и о томъ, какъ Марксъ и Энгельсъ жили и учились, и о томъ, какъ они сами на свою жизнь и „учебу“ смотрѣли, и—главное!—о томъ, какъ все это отразилось въ ихъ перепискѣ между собою. Никакая біографія не могла бы такъ освѣтить ихъ „жизнь и дѣятельность“, какъ это сдѣлано 4-мя томами „Переписки“!

Такимъ образомъ, „Переписка“ представляетъ собой біографическій источникъ первостепенной важности. Это прежде всего. Но вмѣ-

етѣ съ тѣмъ, въ письмахъ, въ этомъ чрезвычайно интенсивномъ и живомъ обмѣнѣ мнѣній обоихъ друзей содержится огромный матеріалъ по цѣлому ряду вопросовъ,—естественнонаучныхъ, философскихъ, общественныхъ, экономическихъ и — особенно, вопросовъ міровой политики, социализма и международного рабочаго движенія. Предъ мысленнымъ взоромъ увлеченнаго читателя яркими, какъ бы движущимися, картинами проходить вся политическая исторія Стараго и Новаго свѣта чуть-ли не за полвѣка!

Что Марксъ и Энгельсъ, живя въ Англии,—въ странѣ, въ социально-экономическомъ отношеніи самой развитой въ прошломъ вѣкѣ,—и духовно, и, такъ-сказать, физически находились въ центрѣ міровой исторіи своего времени,—стало общимъ мѣстомъ, хотя и въ данномъ случаѣ этимъ общимъ мѣстомъ заслоняется яркая индивидуальная черта. Какъ это ни странно можетъ показаться, но Марксъ и Энгельсъ были довольно „хорошими“ нѣмцами, а Энгельсъ, пожалуй, былъ слишкомъ „хорошимъ“. Переписка даетъ тому не мало доказательствъ.

Такъ, чтобы подвинуть впередъ изданіе I т. «Капитала» на французскомъ языкѣ, Марксу необходимо было побывать въ Парижѣ. Но, узанный тамъ полиціей Наполеона III („маленькаго племянника великаго дяди“), онъ былъ бы схваченъ и посланъ, вообще рисковалъ подвергнуться всякимъ неприятностямъ. Но съѣздить туда было необходимо. И вотъ у Маркса появляется мысль натурализоваться въ Англии и поставить себя, такимъ образомъ, подъ защиту англійскаго закона. Этой мыслью онъ и дѣлится съ Энгельсомъ въ письмѣ отъ 20 марта 1869 г.; она кажется ему тѣмъ болѣе пріемлемой, что согласно дѣйствующему закону, „можно при желаніи стряхнуть съ себя черезъ шесть мѣсяцевъ англичанина“, т. е. англійское гражданство. Но мысль эта такъ и осталась невыполненной. И когда Энгельсъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ спрашиваетъ его, исполнили-ли онъ и, если нѣтъ, то, когда же онъ исполнитъ свое намѣреніе, то Марксъ отвѣчаетъ ему: «Свободнорожденнымъ британцемъ я пока еще не сдѣлался, Такимъ вещамъ противишься такъ долго, какъ только это возможно».—Что же, кромѣ рѣдкой общественной совѣстливости и чистоплотности, удерживало Маркса отъ этого, казалось бы, совершенно невиннаго шага, если не чувство приверженности къ собственной родинѣ?!

Какъ бы то ни было, по своему положенію, знаніямъ и широкимъ горизонтамъ, Марксъ и Энгельсъ, дѣйствительно, стояли въ центрѣ всей общественной и политической жизни своего времени. И это—опять таки—исчерпывающимъ образомъ отразилось въ ихъ перепискѣ. Тутъ все: и революція, и реакція, объединеніе Германіи и объединеніе Италіи, война за освобожденіе негровъ въ Америкѣ и революціонное движеніе въ Россіи, испанская революція и азіатскія владѣ-



нiя Англiи, Интернаціональ и рабочее движенiе въ отдѣльныхъ странахъ, и ближнiй и дальнiй Востокъ, и далекая Польша, и близкая Ирландiя,—все, рѣшительно все, имѣющее значенiе, находится въ полѣ зрѣнiя обоихъ друзей. Всѣмъ они дѣлятся, обо всемъ они обмѣниваются мнѣнiями и спрашиваютъ другъ у друга совѣта. И не только дѣлятся, но и развиваютъ свои взгляды въ безчисленныхъ статьяхъ. Извѣстно, что, кромѣ цѣлаго ряда рабочихъ органовъ—нѣмецкихъ, англiйскихъ и французскихъ,—Марксъ и Энгельсъ долгие годы сотрудничали въ одной американской газетѣ («Нью-йоркской Трибунѣ»), одно время также въ одной вѣнской газетѣ („Neue Freie Presse“) и въ другихъ изданiяхъ. Но что болѣе широкой публикѣ станетъ извѣстнымъ лишь изъ „Переписки“, такъ это то, что множество статей и цѣлыхъ произведенiй основателей научнаго социализма еще должны быть разысканы и опубликованы, какъ напримѣръ, рядъ статей объ испанской революцiи, о панславизмѣ, объ англо-китайскихъ торговыхъ сношенiяхъ и еще многое, многое другое...

Никого не удивишь, если скажешь, что оцѣнка, даваемая Марксомъ и Энгельсомъ текущимъ политическимъ событiямъ, ихъ работа мысли вообще не перестаетъ поражать своимъ блескомъ, глубиной и оригинальностью. Но нѣсколько неожиданно поистинѣ гениальная прозорливость Энгельса. Мысль его, какъ молнiя, ударить, зажечь и бросить снопы яркаго свѣта далеко вокругъ себя. Если Марксъ значительно превосходитъ его глубиной и силою анализа, то Энгельсъ едва-ли уступаетъ ему въ размахѣ мысли и широтѣ кругозора. Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ этого рода, укажемъ на отношенiе Энгельса къ австро-прусской войнѣ 1866 г. и оцѣнку ея возможныхъ послѣдствiй.

Тотъ процессъ объединенiя Германiи—быть можетъ, временное,—завершенiе котораго произошло въ этой войнѣ, могъ совершиться двояко: снизу или сверху. Снизу путемъ низверженiя всѣхъ династiй, отъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ до захудалыхъ германскихъ «владѣтельныхъ» князьковъ, и образованiя демократической федеративной республики. Это и составляло идеаль всѣхъ истыхъ революцiонеровъ Германiи. Но этотъ идеаль не осуществился, —слишкомъ ужъ неразвиты были для того общественныя силы Германiи,—и тогда оставался второй путь: „революцiя сверху“. А „сверху“ споръ шелъ между Пруссiей и Австрiей и тянувшими къ Австрiи южно-германскими государствами, Баварiей, Баденомъ и другими. Великая Германiя вмѣстѣ съ Австрiей или Малая Германiя безъ Австрiи—вотъ вопросъ, волновавшiй тогда всѣ политическiя партiи и группы Германiи. Въ концѣ концовъ вопросъ этотъ, какъ всѣ такiе вопросы, могъ быть рѣшенъ только силою. Въ войнѣ 1866 г. Австрiя была Пруссiей разбита на голову и выброшена изъ союза герман-

скихъ государствъ. Споръ былъ разрѣшенъ въ пользу Малой Германіи, т. е. Пруссіи.

И вотъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что свершившихся событій, Энгельсъ съ поразительнымъ ясновидѣніемъ высказывается объ ихъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ.

„Австрія—говоритъ онъ—въ письмѣ отъ 25 іюля 1866 г. должна стать теперь венгерской (т. е., что значительную силу и преобладаніе въ ней неизбѣжно получить Венгрія,—М. П.); нѣмцы, какъ нація, будутъ отодвинуты на третье мѣсто, ибо впереди ихъ станутъ еще славяне... Главное зло—неизбѣжное отиынѣ проникновеніе прусскаго духа во все поры общественной жизни Германіи. А затѣмъ—временное исключеніе Австріи (изъ германскаго союза, и немедленное возобладаніе славянскаго элемента въ Богеміи, Моравіи и Каринтіи, какъ слѣдствіе этого исключенія. Противъ того и другого ничего, къ сожалѣнію, не подѣлаешь“.

Энгельсъ «сожалѣетъ» о неминуемомъ «возобладаніи славянскаго элемента», и Марксъ раздѣляетъ это сожалѣніе. Отрицательное отношеніе ихъ къ славянскимъ національностямъ (не ко всемъ: вспомнимъ Польшу!) объясняется той реакціонной ролью, которую „славянской элементъ“ сыгралъ въ общественномъ движеніи середины прошлаго вѣка: ролью чеховъ противъ нѣмцевъ, русинъ противъ поляковъ въ Австріи, хорватовъ противъ мадяровъ въ Венгріи. Въ то время Марксъ и Энгельсъ не могли еще, кромѣ того, учесть все значеніе національнаго момента въ социальнo-исторической эволюціи, момента, играющаго все большую и большую роль лишь съ конца прошлаго столѣтія. Но каково бы ни было отношеніе Энгельса къ «славянскому элементу»,—поражаетъ здѣсь этотъ глубоко вѣрный прогнозъ! Чтобы по достоинству оцѣнить мысли Энгельса въ цитированномъ письмѣ, надо лишь сказать, что онѣ не только сбылись съ буквальною точностью, но что черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ Энгельсъ ихъ высказалъ, онѣ,—конечно, независимо отъ него,—положены въ основу и разработаны въ трудахъ такихъ даровитыхъ и глубокихъ знатоковъ австрійской жизни, какъ Реннеръ и Бауэръ!—Правда, Энгельсъ въ этомъ письмѣ говоритъ также о томъ, что нѣмецкія провинціи Австріи вскорѣ тоже будутъ присоединены къ Германіи. Въ этомъ онъ ошибся, но ошибся лишь *политически*. Съ *исторической* же точки зрѣнія процессъ объединенія Германіи нельзя даже и теперь считать окончательно завершившимся. До сихъ поръ еще тяготѣніе нѣмецкаго населенія Австріи къ основной нѣмецкой массѣ Германіи не только не уменьшилось, но, быть можетъ, даже увеличилось. А въ самой Австріи оно вынуждено вести отчаянную борьбу за все социальныя и политическія позиціи противъ десятковъ милліоновъ мадярской и особенно славянскихъ націй. Австрійскіе нѣмцы находятся, такимъ образомъ, подъ двойнымъ дѣйствіемъ центроостре-

мительныхъ тенденцій огромной нѣмецкой массы Германіи и центробѣжныхъ силъ мадьярства и, главнымъ образомъ, славянства въ самой Австріи. Едва-ли, поэтому, приходится даже теперь считать законченной концентрацію нѣмецкой національности. И мысль Энгельса ходомъ исторіи еще такъ или иначе можетъ осуществиться...

Надо вообще сказать, какъ мы ни пріучаемъ себя ставить Энгельса рядомъ съ Марксомъ, все же мы его въ сравненіи съ Марксомъ недооцѣниваемъ. Въ союзѣ первыхъ двухъ современныхъ „коммунистовъ“ историческое значеніе Энгельса гораздо больше, чѣмъ мы, на самомъ дѣлѣ, привыкли думать.

Совершенно очевиднымъ становится изъ „Переписки“ тотъ огромный важности фактъ, что безъ Энгельса — не только матеріальной его поддержки, но и умственного и морального участія — даже генія Маркса не хватило бы для его безсмертнаго дѣла: исчерпывающей критики политической экономіи буржуазнаго общества и вскрытія дѣйствующихъ пружинъ всѣхъ человѣческихъ обществъ. Подробнѣе объ этомъ — еще дальше, въ другой связи. Но здѣсь мы, въ частности, еще отмѣтимъ, что многое изъ того, что мы считали принадлежащимъ Марксу, на самомъ дѣлѣ исходитъ отъ Энгельса. Такъ, „Революція и контрреволюція въ Германіи“ на самомъ дѣлѣ вышла изъ подъ пера Энгельса, а не Маркса. Въ „Ньюйоркской Трибунѣ“, гдѣ эти очерки впервые были напечатаны и гдѣ Марксъ непрерывно работалъ около десяти лѣтъ, начиная съ 1851 г., огромная масса статей и очерковъ, авторомъ которыхъ считался Марксъ, на самомъ дѣлѣ, какъ выясняется изъ „Переписки“, написано Энгельсомъ. Въ другой связи мы увидимъ, почему это такъ вышло. А тутъ отмѣтимъ еще тотъ новый и чрезвычайно интересный фактъ, что первый и, притомъ, основной эскизъ „Коммунистическаго Манифеста“, самое названіе его, быть можетъ, даже инициатива его изданія принадлежитъ Энгельсу.

Въ 1846 г. молодой Энгельсъ ведетъ дѣятельную пропаганду „коммунизма“ въ Парижѣ среди нѣмецкихъ ремесленниковъ. Его письма (цѣлые доклады!) „къ Брюссельскому Комитету“, во главѣ котораго находился Марксъ, очень интересно отражаютъ, съ какимъ огнемъ Энгельсъ ведетъ свою пропаганду и какъ онъ борется съ мелкобуржуазными квази-соціалистическими вліяніями. Въ одномъ изъ такихъ сообщеній („Письмѣ № III“ отъ 23 октября 1846 г.) Энгельсъ рассказываетъ, какъ въ рабочемъ кружкѣ отъ него потребовали опредѣленія того, „что собственно есть коммунизмъ“, и какъ онъ далъ настолько „простое опредѣленіе“, чтобы оно при полномъ отрицаніи прудонизма и всякаго псевдо-соціализма исключало возможность „обхода и отклоненій при голосованіи“. „Стремленія коммунистовъ я, стало быть, опредѣлилъ такъ: 1, осуществить интересы пролетаріевъ въ противоположность къ интересамъ буржуа; 2, осуществить это путемъ уничтоженія частной собственности и замѣны ея общностью благъ

(Gütergemeinschaft); 3, признать, что для проведения всего этого в жизнь нѣтъ другого средства, какъ насильственная и демократическая революція. Дебатировали объ этомъ два вечера".—Формула слишкомъ ужъ „простая“, хотя объясняется и кануномъ революціи, и невыработанностью новыхъ взглядовъ. Но насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ не это. Намъ важно отмѣтить, что подъ влияніемъ хотя узко-кружковой, но довольно продолжительной практической пропаганды „коммунизма“ естественно было притти къ мысли объ изданіи своего рода символа вѣры. Разумѣется, такая крупная идея, какъ изданіе манифеста „коммунистовъ“ не могла зародиться лишь въ результатъ пропаганды среди нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Парижѣ. Такая идея могла быть подсказана не иначе, какъ всеѣмъ историческимъ и политическимъ положеніемъ предъ 1848 г. въ цѣломъ. Но извѣстную, и, быть можетъ, значительную роль сыграла въ этомъ и пропаганда Энгельса въ Парижѣ.

Черезъ годъ послѣ первыхъ своихъ докладовъ „Брюссельскому Комитету“, 24 ноября 1847 г. Энгельсъ, между прочимъ, пишетъ Марксу:

„Вторникъ вечеромъ. Подумай же немного на счетъ исповѣданія вѣры. Я думаю, мы сдѣлаемъ лучше всего, если... назовемъ эту штуку: Коммунистическій *Манифестъ* (курсивъ Энгельса,—М. П.)... Я привезу съ собой написанное мною здѣсь; въ простомъ повѣствовательномъ тонѣ, но скверно изложено—страшно спѣшилъ. Начинаю я такъ: что такое коммунизмъ и потомъ перехожу прямо къ пролетаріату—исторія его образованія, отличіе его отъ носителей прежнихъ формъ труда (Unterschied von früheren Arbeitern), развитіе антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей, кризисы, послѣдствія. Тутъ же различныя детали и, наконецъ, партійная политика коммунистовъ, поскольку она подлежитъ широкой огласкѣ...“—Мы имѣемъ предъ собой весь скелетъ Коммунистическаго Манифеста!

Могутъ возразить, что Марксъ и Энгельсъ часто видались, столковывались относительно предстоящихъ начинаній, что могло быть сказано и объ изданіи Манифеста, о содержаніи и характерѣ его и что, слѣдовательно, излагая Марксу планъ Манифеста, Энгельсъ возвращался лишь къ уже обсужденному ими вопросу. Но это было бы невѣрно. Извѣстно и выше намъ привелось уже говорить о томъ, какъ щепетильно-добросовѣстны были Марксъ и Энгельсъ въ обращеніи съ мыслями и взглядами другихъ (вспомнимъ хотя бы, какъ Марксъ цитируетъ въ „Капиталѣ“ различныхъ авторовъ!). Совершенно исключается, поэтому, возможность, чтобы Энгельсъ преподносилъ Марксу въ видѣ новаго что-либо такое, о чемъ ужъ сказано было бы раньше, билъ бы Марксу челоюмъ его же добромъ.

Мы, быть можетъ, слишкомъ долго задержались на одномъ моментѣ, между тѣмъ, какъ въ этой перепискѣ такъ много цѣннаго и примѣ-

чательнаго... Всего и не сообщимъ... Но мы не можемъ устоять противъ искушения отмѣтить еще одинъ интересный фактъ.

Послѣ Меринга, котораго считаютъ авторитетнѣйшимъ историкомъ германской социалдемократіи, привыкли думать, что въ борьбѣ между лассальянцами и эйзенахцами, симпатіи Маркса и Энгельса потому были на сторонѣ эйзенахцевъ, что они, вдали и оторванные отъ родины, плохо представляли себѣ дѣйствительное политическое положеніе вещей въ ней. Это было-де основной причиной и разногласій между обоими друзьями и Лассалемъ—который на мѣстѣ, на родинѣ, въ состояніи былъ точнѣе учитывать происходившія тамъ событія и былъ, по этому, реалистичнѣе, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ въ Англии. Швейцерь унаслѣдовалъ реализмъ Лассалья и въ отличіе отъ Либкнехта, исходившаго изъ того, что должно было бы быть, всегда въ своей политической агитаціи исходилъ изъ того, что есть. А Марксъ и Энгельсъ, не уясняя себѣ своевременно и въ точности развитія національной проблемы своей родины, были на сторонѣ Либкнехта, къ которому они къ тому же относились съ большимъ довѣріемъ... Цѣлый, крупный отдѣлъ своей „Исторіи германской социалдемократіи“, т. е. все, что относится въ ней къ ходу объединенія Германіи, Мерингъ построилъ на этомъ противопоставленіи Лассалевскаго реализма Марксъ-Энгельсовскому утопизму. А оказывается, что все это построеніе держится... на песцѣ!..

Вѣрно то, что идеально честный и безкорыстный Либкнехтъ пользовался полнымъ довѣріемъ Маркса и Энгельса, какъ и то, что политикомъ Либкнехтъ былъ слишкомъ прямолинейнымъ и недостаточно діалектичнымъ. Но изъ чего слѣдуетъ, что Марксъ и Энгельсъ этого не знали, и почему въ связи съ этимъ нужно считать, что они временами не вполне ясно представляли себѣ ходъ политическаго развитія на родинѣ?

Какъ Энгельсъ, да еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ учитывалъ факты, мы видѣли выше. Въ томъ же письмѣ отъ 25 іюля 1866 г. Энгельсъ говоритъ:

„На мой взглядъ, намъ остается лишь принять фактъ, какъ онъ есть, не одобряя его, и всѣми силами использовать открывающіяся теперь болѣе широкія возможности къ организаціи и объединенію нѣмецкаго пролетаріата въ *національныхъ* рамкахъ“. (Курсивъ Энгельса—М. П.).

Да, вторить ему Марксъ, „я съ тобой совершенно согласенъ,—мы должны принять эту гадость, какъ она есть“.

И такъ это было и относительно всѣхъ другихъ острыхъ и кардинальныхъ вопросовъ, волновавшихъ тогда Германію.

Либкнехту же не разъ и не разъ доставалось за недостаточную гибкость вообще, за „южно-германскія и федералистическія“ симпатіи, въ особенности. „Либкнехту,—сообщаетъ Энгельсъ Марксу 6 декабря

1867 г.,—я подробно написал и потребовалъ отъ него, чтобы онъ нападалъ не только на Пруссию, но и на ея противниковъ—австрійцевъ, федералистовъ, вельфовъ и другихъ“. — „Позиція, — пишетъ Марксъ другу 17 декабря того же года, — очень трудная. Въ своемъ отвѣтѣ (Либкнехту на соответствующій его запросъ, — М. П.) ты долженъ быть остороженъ. Въ этомъ положеніи требуется гораздо больше діалектической гибкости, чѣмъ имѣеть ее нашъ Вильгельмъ“ (т. е. Либкнехтъ, — М. П.), — Энгельсъ Марксу 19 дек. 1867 г.: „Разумѣется, переписка съ Вильгельмомъ требуетъ осторожности... Указалъ ему двѣ основныя точки зрѣнія: 1, къ событіямъ и результатамъ 1866 г. надо относиться не чисто отрицательно (нигилистически, — сказали бы у насъ въ аналогичномъ случаѣ, — М. П.), т. е. реакціонно, а критически, и 2, съ противниками Бисмарка бороться точно такъ же, какъ и съ нимъ самимъ, такъ какъ и они ничего не стоятъ“.

Всѣми нашими замѣчаніями и иллюстраціями то той, то другой стороны „Переписки“ мы отнюдь не стремились исчерпать ея содержаніе или хотя сколько-нибудь значительную его часть. Собраніе писемъ — не научное произведеніе, изъ котораго можно взять и дать хотя сжатый, но точный экстрактъ. Это — также не художественное произведеніе, въ которомъ критикъ останавливается на его центральномъ образѣ или идеѣ. Въ перепискѣ, а тѣмъ болѣе такой живой, разносторонней и обширной, какъ Маркса съ Энгельсомъ, важно не что-либо въ отдѣльности, а все вмѣстѣ въ цѣлокупности. Поэтому, мы стремились дать читателю лишь нѣкоторую возможность судить о *значеніи* и *характерѣ* „Переписки“ въ *общемъ*. А послѣ этого мы можемъ подробнѣе остановиться на тѣхъ *отдѣльныхъ моментахъ*, которые представляются намъ наиболѣе интересными и замѣчательными. И такихъ моментовъ мы выдѣляемъ два: дружбу Энгельса и Маркса, примѣра которой мы не знаемъ въ исторіи, и появленіе на свѣтъ самаго драгоценнаго плода этой дружбы — „Капитала“. Объ этомъ — въ слѣдующей статьѣ.

М. Панинъ.

## Международные конфликты и алармистская пресса.

### § 1. Несколько словъ по поводу журналистовъ, подлежащихъ разстрѣлу.

Французскій депутатъ Морисъ Ажамъ, единомышленникъ Рейнаха и Дешанеля, стало-быть, человѣкъ отнюдь не революціоннаго образа мыслей, но являющійся, однако, сторонникомъ франко-германскаго

сближенія, писалъ, — не помнится гдѣ, кажется въ газетѣ „La France“, что во время своего путешествія по Германіи онъ познакомился тамъ со многими коммерсантами и заводчиками, показавшими себя самыми горячими партизанами идеи сближенія между Франціей и Германіей. Болѣе того, по увѣренію Ажама, безусловно всѣ нѣмцы, имѣющіе какое-либо отношеніе къ коммерческимъ дѣламъ, являются убѣжденными пацифистами, сторонниками всеевропейскаго мира. Одинъ изъ такихъ миролюбивыхъ нѣмцевъ сказалъ Аجامу:

„Я желалъ бы быть диктаторомъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Я приказалъ бы разстрѣлять 20 журналистовъ нѣмецкихъ и 20 французскихъ. Къ этому числу я присоединилъ бы нѣсколько важнѣйшихъ дипломатовъ той и другой страны, — и международный миръ былъ бы обезпеченъ на 50 лѣтъ“.

Пусть это простая бутада, но въ этой бутадѣ есть извѣстная доля истины. Правда, я не знаю, какихъ именно журналистовъ имѣлъ въ виду собесѣдникъ Ажама, и почему онъ рѣшилъ ограничиться такимъ малымъ количествомъ разбойниковъ пера, мошенниковъ печати, подлежащихъ разстрѣлу. Ибо если признать цѣлесообразность предложеннаго метода разрѣшенія международныхъ конфликтовъ и водворенія всеобщаго мира мажду государствами, въ такомъ случаѣ нужно быть послѣдовательнымъ и не ограничиться какими-то сорока журналистами и нѣсколькими дипломатами. И почему такая строгость исключительно по отношенію къ французскимъ и нѣмецкимъ журналистамъ? Я бы могъ указать будущему диктатору, мечтающему о всеобщемъ мирѣ, этакъ штукъ на 100 нашихъ отечественныхъ журналистовъ — русскихъ, въ числѣ коихъ оказалось бы не мало архилиберальныхъ писакъ, дѣлающихъ все отъ нихъ зависящее, лишь бы спровоцировать конфликтъ между Россіей и Австріей или Германіей; могъ бы назвать по именамъ не менѣе борзописцевъ австро-венгерскихъ, ведущихъ самую бессмысленную шовинистическую кампанію; перечислилъ бы ему десятки и десятки видныхъ публицистовъ сѣверо-американскихъ, итальянскихъ и т. д. Боже, сколько прибавилось къ этой славной братіи за послѣдніе два года достойныхъ коллегъ въ Болгаріи, Сербіи, Румыніи, Турціи. Боюсь, что нашему диктатору пришлось бы разстрѣлять по меньшей мѣрѣ человекъ 1000, чтобы заставить замолчать главныхъ крикуновъ, разжигающихъ путемъ печати конфликты между народами въ угоду господствующимъ классамъ и прежде всего металлургическимъ и въ частности пушечнымъ королямъ и баронамъ.

А что если диктаторъ, узнавъ о нѣкоторыхъ, имѣющихся у меня свѣдѣніяхъ, распорядился бы вдругъ арестовать меня, привести къ нему закованнымъ въ ручные и ножные кандалы и сказалъ бы мнѣ, представшему передъ его грозными очми:

„Вотъ тебѣ дилемма: или я тебя разстрѣляю сейчасъ же, тебя, ведшаго всю свою жизнь борьбу противъ имперіализма и милитаризма, или ты назовешь мнѣ по именамъ безъ утайки всѣхъ, какъ мнѣ вѣдомо, хорошо тебѣ извѣстныхъ писаекъ, главныхъ зачинщиковъ, сознательно разжигающихъ конфликты между государствами, провоцирующихъ войны и т. д.“

У меня волосы поднимаются дыбомъ при одной мысли, сколько человекъ я,—противникъ смертной казни,—могъ бы отправить на тотъ свѣтъ. Я вынужденъ былъ бы назвать цѣлый рядъ журналистовъ, въ родѣ англійскаго писателя Роберта Томпсона, бывшего спеціального корреспондента „Times“ а, который одновременно являлся представителемъ военной фирмы Армстронга въ дѣлѣ *заказовъ* на военныя суда, заказовъ, переданныхъ черезъ его посредство означенной фирмой правительствами Китая, Японіи и т. д. въ теченіе 1892—1898 гг. и который, въ концѣ-концовъ, поссорился съ означенной фирмой и привлекъ ее къ судебной отвѣтственности въ 1904 г. по обвиненію въ недоплатѣ ему всѣхъ слѣдуемыхъ комиссіонныхъ суммъ. Этотъ спеціальный корреспондентъ «Times»'а—самой вліятельной буржуазной газетѣ въ мірѣ, являлся одновременно дипломатическимъ агентомъ, тайнымъ „посломъ“ фирмы Армстронга и, конечно, занимая такой постъ, отнюдь не содѣйствовалъ на страницахъ своей газеты пропагандѣ идей пацифизма. Далѣе, я бы назвалъ грозному дипломату между прочимъ, имена тѣхъ 8 англійскихъ журналистовъ, которые до сихъ норъ числятся среди главныхъ акціонеровъ той же фирмы „Armstrong-Whitworth“.

Перейдя къ Франціи, я назвалъ бы, прежде всего, извѣстнаго Тардье,—главнаго редактора парижскаго „Temps“,—самой вліятельной, послѣ англійскаго „Times“, газеты на земномъ шарѣ. Король современнаго французскаго журнализма, одинъ изъ главныхъ инициаторовъ и акціонеровъ извѣстнаго французскаго консорціума Нгоко-Санга, ведшаго подозрительныя дѣла съ нѣмецкимъ „Южно-Камерунскимъ Обществомъ“ и вызвавшаго своими интригами острый конфликтъ между Германіей и Франціей. Инициаторъ финансово-промышленнаго предпріятія желѣзной дороги Хомсъ—Багдадъ, членъ совѣтовъ всякаго рода металлургическихъ и военныхъ заводовъ Тардье, вкупѣ съ его главными соредакторами, а также директоромъ газеты, Адриеномъ Эбрамомъ, получалъ мзду и за статьи, не имѣющія какъ-будто непосредственнаго отношенія къ французской виѣшней политикѣ. Какъ это было установлено въ 1911 г. журналомъ „Le Courrier Européen“, Тардье получилъ 4.000 фр. за три статьи въ пользу автономіи Македоніи отъ болгарскаго правительства, 20.000 фр. за статью, въ которой доказывалось, что младотурецкій комитетъ „Union et Progres“ представляетъ собой не что иное, какъ ассоціацію разбойниковъ, 10.000 фр. за сочувственную статью о присоединеніи Крита къ Греціи, 15.000 фр.



за нѣсколько передовыхъ статей, въ теченіе педѣли, о блестящемъ финансовомъ положеніи Болгаріи, долженствовавшихъ подготовить выпускъ болгарскаго займа на парижской биржѣ, и т. д. и т. д.

А сколько такихъ) Тардье имѣется въ Германіи, Австріи, Италіи, С.-Штатахъ и въ Россіи!

## § 2. Австро-русскій конфликтъ и желтая печать.

Буржуазный міръ дышетъ войной и насиліемъ, несетъ въ самомъ себѣ зерна новыхъ и новыхъ конфликтовъ. Однако, слѣдуетъ съ крайней осторожностью относиться ко всякаго рода сенсационнымъ и часто явно тенденціознымъ сообщеніямъ наемныхъ писакъ о неизбѣжности той или другой войны, о неустранимости вооруженнаго конфликта между тѣми или другими государствами. Буржуазная пресса часто сознательно раздуваетъ маловажные конфликты и, наоборотъ, затушевываетъ самыя серьезныя чреватыя опасностями, экономическія столкновенія между государствами, если такія разаблаченія не соотвѣтствуютъ интересамъ кучки финансовыхъ и промышленныхъ олигарховъ, правящихъ данными странами.

Порой даже искренніе и высоко-образованные буржуазные публицисты и „знаменитые ученые“ либеральнаго міра до того опутываются и сбиваются съ толку всей этой систематической газетной ложью, раздуваніемъ мелкихъ треній въ одномъ случаѣ, замалчиваніемъ грозныхъ конфликтовъ—въ другомъ, что теряютъ всякую способность разбираться въ сложныхъ явленіяхъ современной международной политики, во всѣхъ хитросплетеніяхъ и интригахъ дипломатіи. Неудивительно, что буржуазные ясновидцы и прорицатели грядущихъ событій такъ часто ошибаются, когда въ одинъ голосъ изъ года въ годъ предсказываютъ близкую неизбѣжность тѣхъ или другихъ войнъ, которыя едва ли когда-нибудь разразятся, и въ то же время оказываются каждый разъ захваченными врасплохъ, когда вспыхиваютъ вооруженные конфликты, и мысль о возможности которыхъ никому изъ нихъ не приходила въ голову.

Извѣстно, что за нѣсколько дней до русско-японской войны всѣ французскія „свѣтила“ въ вопросахъ внѣшней политики доказывали невозможность этой войны, а за нѣсколько часовъ до нападенія японскихъ миноносковъ на русскую эскадру въ Портъ-Артуръ, на парижской биржѣ было вывѣшено по распоряженію и за подписью министра иностранныхъ дѣлъ Делькассе, сообщеніе о томъ, что *войны не будетъ*. Даже разрывъ дипломатическихъ отношеній со стороны Японіи разсматривался какъ простой жуфель.

Но бываетъ и обратное. У насъ въ Россіи были недавно свидѣтелями того, какъ австро-русскій конфликтъ изъ-за Балканъ до

того раздувался нашей националистической и либеральной прессой, что многие считали войну между обоими государствами в самом близком будущем неизбежной. Между тем, правительства обеих стран, согласно исторической традиции, в наиболее опасные моменты кризиса действовали с поразительной солидарностью в Балканском вопросе. Изъ неизданных документов, опубликованных бывшим министром иностранных дел Ганото в его „Histoire de France contemporaine“ (Paris, 1908 г.), известно, что уже на знаменитом Рейхштадтском свидании в июль 1876 г. между русским и австрийским императорами князь Горчаковъ и графъ Андранш обсуждали вопросъ объ уступкѣ на случай русско-турецкой войны Бессарабию въ пользу Россіи, а Босніи-Герцеговины—Австріи<sup>1)</sup>. Тайное соглашеніе между правительствами обеихъ странъ было подписано, что не мешало шовинистическимъ органамъ прессы и въ Австріи и въ Россіи вести алармистскую кампанію противъ сосѣдней страны.

На свидании в Бухлау 1908 г. Извольскій далъ *carte blanche* Эренталу насчетъ анексии Босніи и Герцеговины. Болѣе того,— какъ писала „Рѣчь“ (23 сент. 1903 г.): „А. П. Извольскій самъ *первый* и *добровольно* предложилъ Австріи присоединеніе Босніи подъ условіемъ открытія проливовъ“.

Нынѣ повторилась та же исторія. Правда, какъ теперь очевидно изъ текста союзныхъ договоровъ между балканскими государствами, Россія, содѣйствуя образованію Балканскаго союза, имѣла въ виду направить его противъ Австріи, создать барьеръ пангерманскому *Drang nach Osten* (стремленію на Востокъ), хотя правительственный органъ „Россія“ объявилъ „чистѣйшимъ вымысломъ отъ перваго до послѣдняго слова“ всѣ толки „о роли Россіи, вынудившей будто бы Болгарію къ заключенію всенной конвенціи съ Сербіей“ и о „связи болгарской мобилизаціи съ нашей пробной мобилизаціей“.

Уже изъ той послѣдственности и энергичнаго тона, съ какимъ оффиціозъ нашего правительства выступилъ съ своимъ категорическимъ опроверженіемъ по поводу всѣхъ этихъ „толковъ“, очевидно, что наши дипломаты не допускали и мысли о цѣлесообразности войны Россіи съ Австріей изъ-за Балканскаго вопроса, предпочитая германскій *Drang nach Osten* путемъ всякаго рода ни къ чему не обязывающихъ Россію комбинацій, въ родѣ Балканскаго союза, который, неожиданно, обрушился на Турцію и спуталъ всѣ планы.

Такимъ образомъ, когда вспыхнулъ балканскій пожаръ, и явные, и тайные шовинисты въ Россіи и въ Австріи стали шумѣть, требуя

---

<sup>1)</sup> Прибавимъ, что Ганото не имѣлъ передъ собой текста Рейхштадтскаго соглашенія, который теперь уже извѣстенъ. Россія дала Австріи право отказать въ своемъ соглашеніи, при заключеніи русско-турецкаго мира, на всякое территориальное измѣненіе на Балканахъ, которое не соответствовало бы интересамъ Австріи.

отъ своихъ правительствъ энергичныхъ шаговъ во имя „престижа имперіи“, „защиты ея законныхъ интересовъ“ и т. д., русскіе и австрійскіе дипломаты посидѣли столковаться и пришли къ тайному соглашенію по поводу Балканъ, и это—несмотря на тренія между обоими государствами изъ-за Балканскаго полуострова, взаимныя интриги, мобилизаціи и т. д. Въ то время, какъ Австрія загораживала Сербіи и Черногоріи путь къ Скутари и Адриатическому морю, Россія держалась той же политики относительно болгарскихъ притязаній насчетъ Константинополя и Дарданелль. Обѣ великія державы одновременно и параллельными усиліями отбрасывали союзниковъ отъ „свободнаго выхода“ къ морямъ Адриатическому и Мраморному. Такимъ образомъ, обѣ соперничавшія первоклассныя державы, Австрія—враждебная „великой Сербіи“ и Россія враждебная „великой Болгаріи“, какъ бы сдавливали желѣзными обручами своего veto союзныя балканскія государства, прижимали ихъ другъ къ другу и заставляли балканскихъ имперіалистовъ искать себѣ компенсаціи по линіи наименьшаго сопротивленія: въ области той же несчастной Македоніи, уже давно вѣроломно взмѣренной, взвѣшенной, преступно раздѣленной между союзниками по договору 1913 г. и теперь подлежащей новому раздѣлу и разсѣченію путемъ уменьшенія доли Болгаріи въ угоду захватнымъ планамъ сербскихъ, греческихъ и черногорскихъ имперіалистовъ.

Такъ, не въ малой мѣрѣ по винѣ австрійской и русской дипломатіи возникла 2-я Балканская война.

И послѣдующія мрачныя событія отнюдь не разрушили этого интимнаго австро-русскаго единенія въ балканской политикѣ, несмотря на весь гамъ русской и австрійской прессы о *диаметральной* противоположности интересовъ обѣихъ странъ на полуостровѣ. Конечно, интересы русскаго и австрійскаго имперіализма на Балканахъ не совпадаютъ вполне, конечно, виды русскихъ и австрійскихъ дипломатовъ въ очень многихъ пунктахъ не сходятся, но это не мѣшаетъ правительствамъ обѣихъ странъ избѣгать острыхъ взаимныхъ треній и придумывать каждый разъ какой-нибудь компромиссъ, конечно, насчетъ той или другой страны. Такъ было до сихъ поръ, такъ, вѣроятно, будетъ и впредь.

Какъ теперь окончательно установлено послѣ опубликованія румынской „Зеленой книги“, и Россія и Австрія одновременно, хотя по различнымъ соображеніямъ, поддерживали Румынію въ ея стремленіи воспользоваться конфликтомъ между союзниками и напасть на Болгарію.

Изъ телеграммы отъ 29 мая 1913 г. румынскаго повѣреннаго въ Петербургѣ мы видимъ, что русская дипломатія сочувствовала румынскимъ вооруженіямъ противъ Болгаріи. Румынскій повѣренный телеграфируетъ своему правительству, что въ отвѣтъ на

сообщеніе, сдѣланное имъ петербургскому кабинету, что Румынія не можетъ остаться безучастной къ возможному новому нарушенію мира, на сохраненіе коего она надѣется, *русскій министр иностранныхъ дѣлъ указалъ на общность, уже не впервые проявляющуюся, русскихъ и румынскихъ интересовъ*, и что обоимъ государствамъ слѣдовало бы работать на пользу мира на Балканахъ. Положеніе, занятое Румыніей, должно было бы дѣйствовать благотворно, послуживъ угрозой болгарамъ, отъ которыхъ Россія тщетно добивается согласія на разоруженіе.

13-го іюня—указывается въ книгѣ—русскій посланникъ въ Бухарестѣ заявилъ, что болгары, не желая слушать никакихъ совѣтовъ, повидимому, готовы начать войну съ Сербіей и Греціей. По мнѣнію г. Шебеко, *угрожающее положеніе, занятое Румыніей, могло бы въ самомъ дѣлѣ подѣйствовать умѣряюще на болгаръ, удержавъ ихъ отъ рѣшительныхъ выступленій*. Румынія, по словамъ посланника, играетъ въ настоящую минуту преобладающую роль на Балканахъ.

Мы думаемъ, что всякіе комментаріи къ этимъ извлеченіямъ изъ румынской „Зеленой книги“ излишни. Мы ограничимся тѣмъ, что присоединимъ къ этимъ извлеченіямъ изъ „Зеленой книги“ текстъ послѣдней депеши болгарскаго министра Данева отъ 1-го іюля адресованной представителю Болгаріи въ С.-Петербургѣ Бобчеву.

„Мы въ волненіи, 26-го іюня мы передали нашу просьбу въ руки Россіи. Мы предвидѣли тяжелыя жертвы. Но предложенныя намъ условія превзошли самыя ужасныя ожиданія. Мы въ отчаяніи подчинились, привнесли и эту невыносимую жертву въ полномъ убѣжденіи, что у насъ, по крайней мѣрѣ, будетъ покрытъ тылъ противъ Румыніи Турціи“.

Даневъ даетъ описаніе послѣднихъ движеній румынскихъ и турецкихъ войскъ и продолжаетъ:

„Россія ничего не предпринимаетъ. Чѣмъ Болгарія заслужила это жестокое обращеніе? Развѣ голосъ Россіи такъ слабъ, что онъ не будетъ услышанъ въ Бухарестѣ и Константинополѣ? Если Россія предполагаетъ представить насъ нашей собственной участи, то пусть она намъ сообщитъ это заблаговременно для того, чтобы принять собственныя мѣры или по крайней мѣрѣ, съ честью умереть“.

Болгарскіе имперіалисты сдѣлались жертвой ложной идеи о диаметральной противоположности направленія австрійской и русской политики на Балканахъ. Разъ было извѣстно, что Австрія въ силу тайныхъ обязательствъ вынуждена въ случаѣ конфликта между Болгаріей и Румыніей стать на сторону послѣдней стало быть нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Россія, наоборотъ, сдѣлаетъ все возможное, чтобы парализовать дѣйствія Румыніи, а тѣмъ болѣе Турціи, окончательное вытѣсненіе которой изъ европейской территоріи

разсматривалось съ „русской точки зрѣнія“, какъ страшный непоправимый ударъ, нанесенный Австріи, какъ сигналъ къ ея развалу.

Аттакованная съ трехъ сторонъ—благодаря попустительству и даже подстрекательствамъ со стороны Россіи и Австріи-Румыніей, Сербіей, Греціей, Черногоріей и Турціей, Болгарія по винѣ шайки безумныхъ авантюристовъ, отдавшихъ приказъ о вторженіи болгарскихъ войскъ въ Сербію и Грецію, была вынуждена пойти на капитуляцію и подписать позорный Бухарестскій договоръ 28 іюля 1913 г.

Въ качествѣ результата политики, которую вели Австрія и Россія, любопытно отмѣтить, что румынскіе имперіалисты будируютъ теперь противъ Австро-Венгріи. „Конечно, вы насъ поддерживали въ конфликтъ съ Болгаріей, говорятъ румынскіе джингоисты австрійскимъ дипломатамъ, но вѣдь обѣ наши страны чуть ли не въ союзѣ, а вотъ Россія, которая была, казалось, во враждебной намъ комбинаціи странъ, оказала намъ не меньшее содѣйствіе—чѣмъ вы. Стало быть *ваша австрійская политика на Балканахъ ничѣмъ не отличалась отъ русской*, и слѣдовательно вы не оказали намъ содѣйствіе въ *той мѣрѣ*, какой мы въ правѣ были ожидать именно отъ страны, считавшейся чуть ли не нашей союзницей.

Съ 1876—78 гг. по 1913 г. что измѣнилось въ основномъ характерѣ австро-русскихъ дипломатическихъ отношеній на Балканахъ? Въ 1876—1878 гг. Австрія поддержала Россію въ ограбленіи Румыніи, въ отнятіи у послѣдней Бессарабіи, въ 1913 г. Россія поддержала Австрію въ награжденіи Румыніи за счетъ несчастной Болгаріи. Болѣе того, обѣ державы—и Россія и Австрія,—и только обѣ эти державы выступили *post factum* съ протестомъ противъ Бухарестскаго договора, санкціонировавшаго ограбленіе Болгаріи, договора, сдѣлавшагося однако возможнымъ только благодаря той поистинѣ демонической игрѣ, которую и Австрія и Россія вели на Балканахъ.

Если въ результатѣ балканскихъ событій Румынія охладѣла къ Австріи, зато Черногорія—этотъ единственный вѣрный другъ Россіи, какъ выражался императоръ Александръ III объ этомъ маленькомъ государствѣ—совершенно отвернулась отъ великой державы-покровительницы. Черногорское правительство нашло, что политика Россіи въ балканскомъ вопросѣ были чрезчуръ *австрофильской*. Извѣстно, какое негодованіе въ Черногоріи возбудилъ докладъ императорскаго російскаго вице-консула въ Скутари г. Миллера и согласіе Россіи на присоединеніе къ Албаніи города Скутари, гдѣ уже стоялъ черногорскій гарнизонъ послѣ ухода изъ этой крѣпости албанскихъ войскъ. Въ видѣ *компенсацій за отказъ Австріи и стоящей за ея спиной Германіи отъ поддержки болгарскихъ притязаній относительно Мраморнаго моря и Константинополя*, Россія согласилась *противодѣйствовать, совмѣстно съ другими державами, планамъ Сербіи и Чер-*

ногоріи относительно Скутари и выхода къ Адриатическому морю.

Въ качествѣ протеста противъ „измѣнительнаго“ акта Россіи, черногорскій король распорядилася закрыть единственный русскій женскій институтъ въ Черногоріи, такъ называемый Маріинскій институтъ, состоявшій подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и содержавшійся на русскія средства. Этотъ институтъ, просуществовавшій 43 года въ Черногоріи, закрытъ королемъ Николаемъ подъ предлогомъ „новыхъ“ *земельныхъ приобрѣтеній*, вызывающихъ-де необходимость въ другомъ „институтѣ“, болѣе приспособленномъ къ потребностямъ страны. Этимъ своеобразнымъ актомъ черногорское правительство какъ бы желало подчеркнуть въ глазахъ народа и всей Европы, что „новыя земельныя приобрѣтенія“ добыты королевствомъ менѣе всего благодаря поддержкѣ Россіи, а скорѣе наперекоръ послѣдней..

Такова подлинная австро-русская политика на Балканахъ въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ: негласныя взаимныя соглашенія, солидарныя дѣйствія, которымъ не могутъ помѣшать ни интриги обѣихъ державъ другъ противъ друга, ни мобилизаціи войскъ, совершаемыя какъ въ непосредственныхъ интересахъ металлургическихъ и пушечныхъ королей, такъ и въ видѣ уступки „общественному мнѣнію“ обѣихъ странъ требованіямъ австро-венгерскихъ имперіалистовъ, съ одной стороны, русскихъ „славянофиловъ“—и кадетъ съ другой,—тайныя соглашенія, солидарныя дѣйствія, которыя не могутъ быть замаскированы фразами о роковомъ соперничествѣ и непримиримости.

Интересы русскаго и австрійскаго имперіализма на Балканахъ не совпадаютъ, но эти конфликтные интересы легко находятъ свое разрѣшеніе въ компромиссахъ насчетъ третьихъ державъ. Было время, когда Сербія служила удобной размѣнной монетой при сведеніи русскихъ счетовъ съ Австро-Венгріей. Нынѣ эта великая историческая миссія служить размѣнной монетой въ рукахъ нашей дипломатіи выпадаетъ, очевидно, на долю Черногоріи и преимущественно Болгаріи, которымъ и придется жестоко платиться за всякій шагъ къ сближенію между Россіей, съ одной стороны, Австро-Венгріей и Румыніей—съ другой. Пока въ такихъ удобныхъ размѣнныхъ монетахъ нѣтъ недостатка, самые грозные конфликты не представляютъ особой опасности.

Быль и другой факторъ, благодаря наличности котораго война между Австріей и Россіей была невозможна. Въ Индіи дикаго слона для укрощенія ставятъ между двумя ручными коллегами. Благодаря Тройственному Соглашенію и Тройственному Союзу Россія и Австрія имѣли каждый по бокамъ двухъ ручныхъ коллегъ, Францію и Англію съ одной стороны, Италію и Германію съ другой, сдерживавшихъ ихъ.

Притомъ четыре ручныхъ слона дѣлали другъ другу, незамѣтно для окружавшей ихъ публики, знаки, говорившіе: «А вѣдь наши дикіе слоны такіе же мирные, какъ мы, и драться другъ съ другомъ совсѣмъ не собираются. Они похожи на тѣхъ забулдыгъ, которые, завязавши съ кѣмъ-нибудь ссору, вопятъ: „удержите меня,—или я надѣлаю бѣду“. А все же наши мнимые буяны молодцы. Своимъ озорствомъ на глазахъ всей публики они и себѣ, и намъ служить великую службу».

Въ самомъ дѣлѣ пока Россія и Австрія дѣлали видъ, будто хотять броситься другъ на друга, ихъ коллеги—Германія съ одной стороны, Англія съ другой— успѣли подь предлогомъ разговоровъ объ охранѣ всеевропейскаго мира столкнуться по поводу разныхъ интересныхъ сюжетовъ: Багдадской дороги, Африканскихъ рельсовыхъ путей и т. д. А Франція, союзница Россіи, умудрилась черезъ посредство Думера и другихъ опытныхъ дѣльцовъ завязать съ Австріей переговоры о Süd-Bahn, о Балканскихъ желѣзнодорожныхъ линияхъ и проч.

Главная выгода въ результатѣ всѣхъ этихъ тревоженій досталась международному синдикату, могущественной ассоціаціи французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, русскихъ и другихъ металлургистовъ и финансистовъ, этой грозной капиталистической интернаціонали, раздувавшей весь этотъ конфликтъ, пугавшей народы возможностью всеевропейской войны съ цѣлью—какъ это и удалось блестяще—добиться новыхъ кредитовъ на арміи и флоты въ интересахъ повышенія акцій заводовъ Круппа, Армстронга, Крезо, Вickers и т. д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*Мих. Павловичъ (Волонтеръ).*

## Искусство и отношеніе къ нему рабочаго класса.

### I.

Вопросъ о роли искусства въ жизни рабочихъ массъ и о пролетарскомъ искусствѣ въ частности, занимаетъ въ настоящее время передовые круги рабочихъ. И это вполне понятно. Необходимость искусства, какъ одного изъ средствъ развитія индивидуальности рабочаго, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Рабочая масса, проникнутая въ моментъ подъема коллективнымъ духомъ, въ моменты затишья часто распадается на составныя единицы. Западно-европейская практика движенія выдвинула демократизацію науки, искусства и литературы, какъ одно изъ средствъ укрѣпленія рабочей солидарности. Искусство и литература вносятъ бодрящее начало въ жизнь пролетаріата. Болѣе, чѣмъ для какого-либо другого класса настоящаго времени, искусство для пролетаріата есть серьезное и необходимое общественное дѣло. Оно будитъ работу мысли и не даетъ заснуть чувству энтузіазма, въ тусклые будничные моменты жизни. Но кромѣ того, искусство развиваетъ въ рабочемъ большую чуткость и отзывчивость во взаимномъ товарищескомъ общеніи и даетъ тонкое пониманіе всѣхъ самыхъ интимныхъ сторонъ человѣческихъ переживаній. Въ результатѣ получается та степень облагораживающаго вліянія на окружающую среду, которая такъ необходима для мыслящаго рабочаго авангарда.

Свѣтъ этого сознанія будетъ охватывать все болѣе и болѣе широкіе рабочіе круги и будетъ тѣмъ скорѣе приближать тотъ моментъ, когда пролетаріатъ выдѣлитъ изъ своей среды творцовъ новыхъ культурныхъ цѣнностей въ области искусства и литературы. Подготовительный процессъ будетъ предшествовать самостоятельному пролетарскому художественному творчеству. Волею историческихъ судебъ этотъ подготовительный періодъ можетъ растянуться на такой большой срокъ, что окончаніе предварительной стадіи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ крушенія капиталистическаго строя жизни.

Въ этомъ смыслѣ тѣ положенія, которыя развиты въ статьѣ А. Н. Потресова (О жизни безъ литературы), заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. По мнѣнію А. Потресова, въ рамкахъ современнаго капиталистическаго общества, всѣ свои силы пролетаріатъ вынужденъ класть въ культуру практическаго дѣйствія, а на культуру искусства уже не остается ни силъ, ни времени, ни досуга.

„Мы не хотимъ быть пророками, и предсказывать будущее,—заканчиваетъ А. Потресовъ.—Въ этомъ будущемъ, быть можетъ, окажутся факторы, которые мы не въ состояніи учесть и предвидѣть. Но одно несомнѣнно: если къ тому времени не измѣнится типъ развитія,—предполагать же такое измѣненіе у насъ нѣтъ никакихъ основаній,—то едва ли измѣнится что-нибудь къ лучшему и въ тѣхъ условіяхъ, которыя сейчасъ стоятъ на пути пролетарскаго искусства“.

Отвѣтная статья тов. Валеріанова настолько малоубѣдительна, что разбирать ее послѣ обратнаго отвѣта А. Потресова уже не представляется большой надобности. Необходимо только еще рѣзче поочеркнуть несостоятельность тѣхъ иллюзій, которые внушены тов. Валеріанову культурно-просвѣтительной дѣятельностью пролетаріата крупныхъ промышленныхъ центровъ, а также нѣкоторыми попытками рабочаго творчества.

Скажемъ прямо: всѣ попытки рабочаго творчества настоящаго



времени говорить о благихъ намѣреніяхъ ихъ авторовъ, но въ общемъ многочисленныя художественныя опыты производятъ впечатлѣніе весьма скучное. Мы не беремъ такія исключенія, какъ творчество А. Бибика, Ивана Вольнаго или нѣкоторыя стихотворенія А. Дикаго; мы не беремъ наконецъ отдѣльныхъ удачныхъ стихотвореній того или иного автора-рабочаго. Но въ общемъ можно одно сказать: при такой бѣдности культуры художества, еще рано пѣтъ отходную буржуазному искусству въ цѣломъ, какъ это наивно дѣлаютъ нѣкоторые товарищи.

На основаніи цѣлаго ряда наблюденій, можно придти къ довольно любопытному выводу. Не смотря на то, что богатое содержаніе жизни вовсе не исчерпывается лучшими писателями настоящаго времени, рабочая интеллигенція предпочитаетъ говорить о новыхъ произведеніяхъ М. Горькаго, Шмелева, Бунина и друг.; говорить о Бибикѣ или Иванѣ Вольномъ, но вообще рабочая беллетристика тонетъ въ ихъ сознаніи, какъ часть обширнаго моря словесности. Рабочій-интеллигентъ, вкусившій благъ отъ художественной русской литературы, не можетъ не видѣть въ рабочей беллетристикѣ наивности въ построеваніи или слабости стила и формы.

Но нѣкоторые скажутъ на это: зато рабочая беллетристика рассказываетъ иногда о такихъ явленіяхъ жизни, описанія которыхъ вы не найдете у лучшихъ корифеевъ современной русской литературы. Это правильно, но это нисколько не мѣняетъ существа дѣла, ибо въ искусствѣ важно не *что* изложено, а *какъ* написано. Въ самомъ дѣлѣ, если рабочему—интеллигенту нужно узнать бытъ рабочихъ другихъ профессій, или другихъ мѣстъ, то онъ обращаетъ свои взоры не на фелетонъ съ рабочей беллетристикой, а на послѣднюю страницу рабочей газеты или профессиональнаго журнала, гдѣ онъ найдетъ безпритязательный матеріалъ для своихъ сужденій. При чемъ иная замѣтка-хроника своей непосредственностью такъ взволнуетъ его, какъ не затронуть десятокъ газетныхъ рабочихъ рассказовъ. Если такъ обстоитъ дѣло съ литературными опытами, то о другихъ областяхъ художественнаго творчества, почти совсѣмъ недоступныхъ, нечего и говорить. Необходимо остановиться бы еще на рабочемъ театрѣ или вѣрнѣе на сценическомъ рабочемъ творествѣ (что, конечно, не одно и то же), но этому необходимо посвятить самостоятельную статью.

Но, скажутъ мнѣ, вы требуете отъ рабочаго, чтобы онъ уже теперь далъ такія художественныя произведенія которыя можно было бы поставить рядомъ съ художествомъ буржуазной культуры. Отвѣчаю: ничего я не требую, а только думаю, что не слѣдуетъ обольщаться иллюзіями и принимать младенческій лепетъ въ области искусства за начало возмужалости. Я лично думаю,—и не только думаю, но и по себѣ чувствую,— что на известной высотѣ своего самосознанія, передовой рабочій даже не можетъ мириться съ тѣмъ, когда къ нему подходятъ

съ особымъ масштабомъ, понижая къ нему, какъ къ рабочему, тѣ требованія, которыя возлагаетъ на него міровая исторія.

Въ отвѣтъ на слова „поменьше самообольщенія“, тов. Валеріановъ выдвигаетъ „побольше вѣры“. На это послѣднее хочется сказать: побольше внимательнаго изученія дѣйствительности, ибо „возвышающій обманъ“ вреденъ для насъ не только въ строительствѣ новыхъ формъ жизни, но и во всѣхъ другихъ областяхъ рабочаго творчества.

Тов. Валеріановъ, выдвигая борьбу за культуру искусства, какъ очередную задачу, думаетъ, что „теперь пролетаріатъ въ своемъ развитіи достигъ такого пункта, гдѣ онъ долженъ обратить вниманіе на свою доселѣ второстепенную задачу“. Это печальное заблужденіе. Если для многихъ странъ Европы не только борьба за свою культуру искусства, но даже и процессъ демократизаціи созданій стараго искусства, находится еще въ промежуточной стадіи, то о нашемъ просвѣтительномъ движеніи нечего и говорить. Мы сейчасъ не только не достигли въ своемъ развитіи „такого пункта“, но даже не прошли еще „пункта перваго“, пройденнаго уже германскимъ рабочимъ движеніемъ. Этотъ „пунктъ первый“ заключается въ воспріятіи культуры практическаго дѣйствія. Прошли ли мы эту первую стадію? Нѣтъ еще, но мы ее конечно пройдемъ. Въ Германіи уже невозможно повтореніе диктатуры à la Швейцеръ, а въ Россіи?.. Пусть тов. Валеріановъ взглянется въ текущую рабочую дѣйствительность и скажетъ: прошли мы этотъ первый періодъ культуры, или только проходимъ, переживая застарѣлую болѣзнь, унаслѣдованную отъ чисто-интеллигентскаго періода социал-демократическаго движенія.

Это точное знаніе дѣйствительности отнюдь не есть приглашеніе къ тому, чтобы угашать духъ живой въ рабочемъ творествѣ. Это только говоритъ о необходимости громадной подготовительной работы и тутъ дѣйствительно нужно „поменьше инертности и побольше дѣла“. Этотъ подготовительный періодъ заключается въ усвоеніи великихъ художественныхъ цѣнностей, созданныхъ не только буржуазной культурой, но и культурой, которая предшествовала торжеству буржуазіи.

Когда я вижу рабочаго, мусолящаго карандашъ и полчаса придумывающаго рифму къ четвертой строкѣ; когда я узнаю, что этотъ рабочій не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о поэзіи Лермонтова и Пушкина и имѣетъ смутное понятіе о Некрасовѣ; когда я знаю, что плодомъ такихъ невѣроятныхъ потугъ, явятся слабыя вирши, правда съ призывомъ къ борьбѣ,—мнѣ хочется убѣдить его, что онъ приступаетъ не съ того конца и что его работа бесполезна, хотя онъ уже и напечаталъ пару стиховъ въ одной изъ рабочихъ газетъ. И это не единичный фактъ: я знаю рабочихъ-писателей, имѣющихъ довольно смутное понятіе о Тургеневѣ, Чеховѣ или Салтыковѣ, не говоря уже о западно-европейскихъ классикахъ. И замѣтьте слѣдующее: у писателя

рабочаго болѣе или менѣе интереснаго (напр. у А. Бибика) вы всегда увидите слѣды предварительной эстетической культуры, которая такъ нужна для самостоятельнаго творчества.

Значить ли это, что надо изгнать со страницъ рабочей прессы рабочую беллетристику. Отнюдь нѣтъ, иначе пришлось бы лишиться нѣкоторыхъ ростковъ художества, которые мы дѣйствительно должны беречь и лелѣять<sup>1)</sup>. Необходимо только дѣлать строгій отборъ и чаще напоминать о той преемственности, которая существуетъ между культурой художества прошлаго и художествомъ будущаго.

Не одного рабочаго смущаетъ то обстоятельство, что М. Горькій со дна жизни поднялся на головокружительную высоту міровой славы. И при этомъ рѣдко кто даетъ себѣ трудъ подумать, что М. Горькій началъ не съ пренебреженія, а съ внимательнаго усвоенія перловъ классической русской литературы. Что наконецъ слѣды этой предварительной стадіи въ своемъ творчесвѣ Горькій никогда не отрицалъ а наоборотъ подчеркивалъ важность и необходимость сокровищницы русской литературы, которую, кстати сказать, онъ знаетъ весьма основательно. Кромѣ того, по свидѣтельству многихъ знающихъ жизнь писателя, М. Горькій никогда не перестаетъ работать надъ своимъ саморазвитіемъ.

Но тов. Валеріановъ думаетъ, что читаясь „отъ культурныхъ плодовъ буржуазіи“, мы тѣмъ самымъ подчиняемъ „себя воздѣйствію буржуазной культуры, которое не можетъ быть положительнымъ для насъ, — оно безусловно отрицательно“. Высказанное въ такой категорической формѣ это положеніе тов. Валеріанова, является въ корнѣ ложнымъ; къ тому же оно плохо вяжется съ другимъ его заявленіемъ о необходимости отдѣленія пшеницы отъ плевелъ.

Буржуазная культура не есть явленіе однородно: она распадается на культуру художества революціоннаго періода и на культуру періода упадка. Объ этомъ какъ разъ и говоритъ австрійскій соц.-дем. Бахъ, статья котораго изложена В. Левицкимъ въ № 10 — 11 „Нашей Зари“. Буржуазія въ первый революціонный періодъ своего творчества выдѣлила цѣлый рядъ дивныхъ художниковъ слова, живописи и музыки. Къ этимъ художникамъ революціоннаго періода современная упадочная буржуазія относится равнодушно. Значить ли, что эти произведенія должны погибнуть? Отнюдь нѣтъ. Эти произведенія бережно восприметъ и сохранитъ пролетаріатъ. Если бы это было не такъ, тогда правъ оказался бы Л. Андреевъ въ своихъ истерическихъ выкрикахъ: „Горитъ Мурильо, горитъ Веласкецъ“! Но марксистская литературная критика уже сколько разъ заявляла, что Леон. Андреевъ не правъ.

<sup>1)</sup> Возьмемъ хотя бы прекрасный рассказъ А. Бибика „Черствый человѣкъ“.

Мнѣ кажется, что А. Н. Потресовъ однимъ мѣстомъ своей статьи ввелъ въ соблазнъ тов. Валеріанова, подвинувъ его же такую категоричность отрицанія. Говоря совершенно справедливо о томъ, что „нужна большая предварительная работа, чтобы въ сознаниіи массъ, находящихся подъ впечатлѣніемъ буржуазныхъ культурныхъ воздѣйствій, „отдѣлилось золото отъ лигатуры“—А. Н. Потресовъ, въ другомъ мѣстѣ своей статьи говоритъ о великой консервативно-умѣряющей силѣ буржуазнаго искусства, даже въ его лучшихъ образцахъ. Далѣе, по мнѣнію А. Потресова, если бы не было этихъ тѣней прошлаго, въ видѣ крупныхъ художественныхъ цѣнностей буржуазной культуры, то безотрадность и несоотвѣтствіе психикѣ пролетаріата

„Текущей литературы ощущалась бы много больѣе и реакція противъ нея могла бы развить потребность въ пролетаріатѣ *своего* (курс. А. Потресова) искусства ему нужнаго и дорогаго“.

Въ результатѣ рабочей интеллигенціи литература не представляется „ареной, которая должна быть еще оспоренной, въ которой существуютъ хотя и прикровенно, но тѣ же антагонизмы, что пропитываютъ собою и всю современную общественность“.

На этихъ мысляхъ А. Н. Потресова необходимо остановиться подробнѣе. Мнѣ кажется, что разсматривать интересъ рабочей интеллигенціи къ лучшимъ созданіямъ прошлаго и отчасти настоящаго искусства, какъ печальную необходимость, мѣшающую самостоятельному творчеству,—ошибочно. Наоборотъ: можно разсматривать эту стадію не только, какъ исторически-необходимую, но и какъ важную и полезную. Можетъ ли пролетаріатъ двинуться къ самостоятельному художественному творчеству, не воспринявъ искусства прошлаго?

Нѣтъ не можетъ. Онъ долженъ дѣйствительно отдѣлить „золото отъ лигатуры“, но пока пролетаріатъ не продѣлаетъ этой работы, онъ не можетъ двинуться ни шагу впередъ. Критическое отношеніе къ цѣностямъ стараго искусства не есть голое отрицаніе его, съ чѣмъ конечно согласенъ и А. Н. Потресовъ. Что можетъ быть примитивнѣе общественнаго міросозерцанія Бальзака? Однако это былъ одинъ изъ любимѣйшихъ писателей Маркса, потому что Бальзакъ, какъ художникъ, ярко вскрывалъ противорѣчія классовыхъ интересовъ между аристократіей (какъ старой, такъ и новой наполеоновской) и крупной буржуазіей.

Пронеся черезъ горнило своего сознанія цѣнности классическаго искусства, пролетаріатъ нѣсколько иначе переоцѣнитъ прошлое искусство, но оно не уйдетъ изъ поля его сознанія, какъ не ушли изъ поля сознанія революціонной буржуазіи лучшія созданія искусства феодальнаго періода. Пользуясь словами Гегеля, можно сказать, что оно-это искусство прошлаго будетъ жить въ сознаниіи рабочаго, какъ „отмѣненный моментъ“.

Но это и будетъ значить, что „отмѣненный моментъ“ былъ когда то, въ первоначальной стадіи эстетическаго развитія пролетаріата, важень и необходимъ.

Правда, какъ совершенно правильно указываетъ и А. Потресовъ, неутолимая потребность художественнаго обобщенія современной рабочей жизни, такъ и остается незаполненной: не только западно-европейская, но и современная русская литература очень мало даетъ въ смыслъ художественнаго воспроизведенія рабочей жизни. Если мы подойдемъ съ строгой мѣркой къ нѣкоторымъ русскимъ малочисленнымъ романамъ и повѣстямъ изъ современной рабочей жизни, то за ничтожными исключениями („Мордовка“ и „Хозяинъ“ Горькаго и значительная часть романа А. Бибика), всѣ они окажутся, пользуясь выраженіемъ Добролюбова, „ниже эстетическій критики“.

Тяжело мириться съ этимъ фактомъ, но остается нѣкоторый выходъ изъ этого положенія. Я имѣю въ виду ту, правда далеко не полную компенсацію, которую могла бы дать мемуарная литература социалистическаго движенія и внутренней рабочей жизни<sup>1)</sup>.

Эта мемуарная литература: какъ у насъ, такъ и на Западѣ, еще весьма не богата<sup>2)</sup>, но все же она даетъ больше для пониманія рабочаго движенія, чѣмъ современное искусство. Даже пасторъ Гере („Три мѣсяца на фабрикѣ“) — этотъ интеллигентъ, пришедшій на фабрику со стороны, не смотря на то что писалъ онъ свою книгу въ то время, когда его міросозерцаніе находилось еще въ процессѣ дальнѣйшаго развитія. Съ такимъ же интересомъ читаются мемуары одного германскаго рабочаго. Въ настоящее время говорятъ о мемуарахъ одной видной австрійской работницы. Есть интересныя страницы изъ жизни рабочей Европы въ книгѣ А. Коллонтай.

Наша мемуарная литература крайне бѣдна; но достаточно было покойному Коновалову въ полубеллетристическомъ „Дневникѣ Агита-

---

1) Мимоходомъ необходимо сказать, что и эпоха революціоннаго народничества нашла себѣ далекое не полное отраженіе въ художественной литературѣ. Настроенія и переживанія героическаго интеллигенціи 70 годовъ, нашли своихъ нѣвцовъ въ лицѣ Некрасова, Успенскаго, Салтыкова и цѣлой плеяды второстепенныхъ народниковъ, но все таки очень многое, — отчасти и благодаря неблагоприятнымъ вѣшнымъ условіямъ, — не нашло своего отраженія въ литературѣ. Тургеневъ въ „Нови“ могъ отмѣтить только нѣкоторыя вѣрныя черты (напр. взаимное непониманіе психика агитаторовъ-интеллигентовъ и пропагандируемыхъ ими крестьянъ), но въ общемъ, какъ извѣстно, романъ Тургенева съ его апологій культуртрегерства (Соломинъ), является однимъ изъ слабыхъ произведеній писателя.

Конечно не могъ заполнить этого пробѣла и художественно слабый „Андрей Кожуховъ“ Кравчинскаго. И только потокъ мемуарной литературы бывшихъ народовольцевъ, хлынувшій послѣ пятого года, далъ чрезвычайно много новаго и интереснаго объ этой эпохѣ, не только для историка, но, быть можетъ, и для будущаго художника.

2) „Мемуары“ Бебеля мы исключаемъ. Это скорѣе прекрасная книга историка-очевидца, великая личность котораго была, къ счастью для социалистическаго движенія, цѣлкомъ поглощена коллективомъ.

тора“ пріоткрыть завѣсу, скрывающую жизнь подполья, какъ сразу передъ этимъ волнующимъ душу документомъ, потускнѣли многія чудныя писанія современныхъ боллетристовъ. Повторяемъ, это не можетъ возмѣстить для насъ художественнаго обобщенія, но все же рѣдкія наблюденія и мемуары помогаютъ намъ въ познаніи жизни рабочихъ массъ. Можно только пожалѣть, что этихъ документовъ и на Западѣ и у насъ чрезвычайно мало. Какой богатый матеріалъ имѣется у нѣкоторыхъ русскихъ передовыхъ рабочихъ, проработавшихъ въ движеніи иногда болѣе 15 лѣтъ. А между тѣмъ интересъ къ мемуарной литературѣ среди русской читающей публики вообще говоритъ что этотъ подвигъ является знаменіемъ времени. Конечно, и здѣсь лужень талантъ, но тутъ на первомъ мѣстѣ выступаютъ требованія искренности правды.

Извиняясь за это отступленіе въ сторону, перехожу вновь къ офѣнкѣ стараго искусства. Остается всетаки неопровергнутымъ то замѣчаніе А. Н. Потресова, что даже лучшія произведенія стараго искусства служатъ укывательницей „консервативно-умѣряющей силы“. Иными словами говоря, здѣсь не только чистое золото, но есть несомнѣнные элементы вредной для пролетаріата лигатуры. Съ этимъ нельзя не согласиться, ибо иначе пришлось бы переть противъ фактовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ того же Шиллера, котораго приводитъ австійскій с.-д. Бахъ. Обратимъ вниманіе на отдѣльныя мѣста его лучшихъ произведеній. Возьмемъ „Донъ-Карлоса“. Мы видимъ въ этой драмѣ, какими ужасными чертами рисуетъ Шиллеръ деспотизмъ, въ лицѣ испанскаго короля Филиппа II. Мы переживаемъ душевныя терзанія Донъ-Карлоса и его мачехи-королевы. Мы слышимъ пламенные слова маркиза Позы. Но когда мы начинаемъ разбираться въ рѣчахъ Позы, мы видимъ, что въ его мечтаніяхъ отразилась эпоха, въ которую Шиллеръ начиналъ свое творчество—эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, когда думали, что просвѣщенный гуманностью абсолютный властелинъ можетъ дать счастье народу. И вотъ передъ нами въ сплавѣ вмѣстѣ съ золотомъ изрядный кусокъ лигатуры. Далѣе, напр., извѣстно, какъ еще Ж. Берне въ своихъ „Парижскихъ письмахъ“, зло, и не безъ основанія, вышучивалъ своеобразный героизмъ Шиллеровскаго Вильгельма Телля.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что элементы „консервативно-умѣряющей силы“, несомнѣнно на лицо. И все таки мы должны сказать, что элементы „лигатуры“ покрываются съ большимъ остаткомъ наличностью золота въ произведеніяхъ западныхъ и русскихъ классиковъ.

Если мы внимательно присмотримся къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя получаютъ отъ искусства, то увидимъ, что дѣйствуетъ золото, а лигатура проходитъ мимо сознанія рабочаго, т. е. въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствуетъ „сплошное вліяніе сплава“. Здѣсь необ-

ходимо учитывать не только степень, но и характер восприятия. Не только в разные возрасты человек по разному относится к одному и тому же произведению искусства, но и социальное положение, принадлежность к тому или другому классу общества определяет, куда направится центр тяжести внимания зрителя или читателя. Эта тема о классовой психологии восприятия очень интересная, требующая самостоятельной статьи. Мне лично, путем наблюдений, приходилось иногда поражаться, как оппозиционно настроенный рабочий иногда из самого невинного произведения ухитряется дѣлать революционные выводы. Весь центр тяжести внимания рабочего уходит в сторону, волнующую его сердце и в дѣйствительной жизни, а вся „лигатура“ проходит или мимо сознания, или онъ относится к ней иронически-нисходятельно. Разумѣется, мы говоримъ о лучшихъ созданіяхъ искусства, которыя не усыпляютъ мысль рабочего, а заставляютъ усиленно умственно работать надъ выясненіемъ мировыхъ вопросовъ

## II.

Но не только для самостоятельного творчества в области искусства, а даже и для предварительнаго эстетическаго развитія массъ, необходимъ большій досугъ и цѣлый рядъ благоприятныхъ условій. Поэтому никакъ нельзя игнорировать предпосылокъ экономическаго характера, которые могутъ ускорить культурное развитіе пролетаріата. Дѣло вѣдь идетъ не о томъ, чтобы отдѣльныя наиболѣе энергичныя единицы достигли высокой степени развитія, а чтобы демократизація искусства и литературы коснулась широкихъ рабочихъ слоевъ. Экономическій или политическій гнетъ не можетъ остановить роста рабочего сознания, но оба эти вида угнетенія могутъ замедлять развитіе рабочей культуры.

Демократизація искусства не во всѣхъ государствахъ Европы идетъ одинаково успѣшно. Напр., во Франціи, торжество бульварнаго романа отравляетъ своимъ ядомъ весьма значительную часть пролетаріата. Но есть полное основаніе думать, что въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя усвоить цѣнности стараго искусства.

Еще до пришеетвія социалистическаго строя, будетъ возможно отвоевать у буржуазіи цѣлый рядъ реформъ в области рабочего законодательства. Это конечно отнюдь не ослабитъ классовыхъ противорѣчій, ибо ростъ потребностей матеріальной и духовной культуры среди рабочего класса, при наличности роста сознания, все острѣе будетъ подчеркивать необходимость кореннаго переворота. Рядъ социальныхъ реформъ, при наличности интенсивной работы по части демократизаціи искусства, приведетъ къ тому, что пролетаріатъ окажется подготовленныхъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, къ самостоятельному творчеству в области художества, къ началу социаль-

ной революціи. Здѣсь мы уже переходимъ въ область гадательнаго, но одно несомнѣнно: періодъ соціального переворота закончится не въ одинъ день, а растянется на значительный промежутокъ. Къ этому времени силы пролетаріата возрастуть количественно и качественно. Къ тому же помимо демократизаціи науки и искусства, *ускоренный темпъ развитія* въ этотъ длительный періодъ „кануна“ соціальной революціи, настолько обогатитъ культуру практическаго дѣйствія, что возможно будетъ перенесеніе части этихъ неизмѣримо выросшихъ силъ въ область пролетарскаго искусства. Необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что къ началу конца капиталистическаго строя жизни, процессъ культурнаго одичанія буржуазнаго общества сдѣлаетъ дальнѣйшіе, шаги и, быть можетъ, не одинъ геній, вооруженный богатымъ матеріаломъ культуры прошлаго, вродѣ современнаго Верхарна, перейдетъ изъ стана буржуазіи, въ станъ борющагося пролетаріата.

Задача передовой рабочей демократіи всѣхъ странъ стараться какъ можно интенсивнѣе и шире приобщить массу къ искусству и классической литературѣ и тѣмъ ускорить эстетическое развитіе рабочихъ массъ. А для того, чтобы умѣть отдѣлять пшеницу отъ плевель, этому авангарду, не покладая рукъ, приходится работать надъ своимъ саморазвитіемъ. Для нашей рабочей интеллигенціи эта задача облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ силу цѣлага ряда особенностей нашего историческаго развитія русская литература и искусство, за исключеніемъ новѣйшей ея модернистской вѣтви, проникнута, болѣе, чѣмъ какая другая литература, демократическими тенденціями.

При свѣтѣ соціалистическаго сознанія, нѣкоторыя, даже очень старыя произведенія искусства, могутъ получить совершенно новую своеобразную оцѣнку. И не только пролетаріатъ, но и лучшіе представители разночинной интеллигенціи, благодаря своему пониманію передовой идеи вѣка, бросаютъ иногда новый свѣтъ на то или иное произведеніе стараго искусства. Казалось бы, что новаго можно сказать о Венерѣ Милосской или Сикстинской Мадоннѣ, но вотъ подходятъ къ этимъ созданіямъ искусства два писателя-общественника и въ результатѣ мы имѣемъ глубоко волнующій очеркъ Гл. Успенскаго „Выпрямцла“, вызванный видомъ Венеры Милосской въ Луврѣ и коротенькій очеркъ Вересаева „Мать“, по поводу Сикстинской Мадонны. При видѣ картины Рафаэля въ Дрезденѣ Вересаевъ испытать „радость и гордость за человѣчество, которое сумѣло воплотить и вознести такое материнство“.

Передъ передовой рабочей демократіей Россіи и Запада стоитъ сейчасъ задача внести въ оцѣнку многихъ произведеній искусства, свои поправки и свое освѣщеніе. Какъ у насъ такъ и на Западѣ, есть много спорнаго въ оцѣнкѣ того или иного генія искусства. Бахъ приводитъ примѣръ разнорѣчивой оцѣнки Вагнера. Но то, что про-



изошло съ оцѣнкой Вагнера, можетъ произойти и съ оцѣнкой всякаго другого гения.

Не нужно обольщаться иллюзіями: сплошь и рядомъ, мы будемъ вынуждены у одного и того же художника отдѣлять золото отъ лигатуры. И въ этомъ смыслѣ никакія признанныя номенклатуры не должны быть для насъ святынями. Если мы, напр., видимъ, что у поэта Надсона есть упадочныя стихотворенія, продиктованныя трусостью передъ жизнью, разочарованіемъ и страхомъ смерти (стих. „Какъ бѣлымъ саваномъ покрытая снѣгами“), то мы прямо объявляемъ, что гниль восьмидесятыхъ годовъ коснулась души поэта и наплатала его музу ядомъ невѣрія. Этому страху передъ смертью мы находимъ противоядіе въ томъ же старомъ искусствѣ и приводимъ проникнутое свѣтлымъ взглядомъ на жизнь и смерть, пушкинское „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“. При этомъ мы ни на минуту не забываемъ, что у Надсона есть рядъ хорошихъ стихотвореній, а у Пушкина—этого величайшаго гения русской поэзіи, кромѣ дивныхъ, полныхъ человѣчности стиховъ, имѣется вульгарно узко-националистическое стих. „Клеветникамъ Россіи“.

Этотъ отборъ лучшаго въ мировомъ искусствѣ производился всегда, хотя и безсистемно, передовой демократіей. Немыслимо, напр., въ поэзіи Гейне восторгаться одинаково той поэзіей, которая была навѣяна близкимъ вліяніемъ Маркса или презрѣніемъ къ прусскому абсолютизму и тѣми стихами, которые посвящены культу Наполеона.

Во всякомъ случаѣ все, что поднимаетъ нашъ духъ (напр., лучшія симфоніи Бетховена или симфоническія поэмы Листа), возбуждаетъ чувство протеста или состраданія (напр. поэзія Некрасова и картины старыхъ передвижниковъ), заставляетъ думать надъ сложностью жизни (напр. Ибсенъ, Л. Толстой или Успенскій),—все это имѣетъ цѣнность для эстетическаго развитія рабочей демократіи. Кромѣ того остается еще міръ личныхъ интимныхъ переживаній и ихъ отраженій въ искусствѣ. Такова многочисленная область лирической поэзіи въ ея лучшихъ образцахъ, такова напр. музыка Шопена или симфоній Чайковского. На все отзовется, при благоприятныхъ условіяхъ, душа мыслящаго рабочаго и все это послужитъ матеріаломъ его будущаго самостоятельнаго художественнаго творчества.

Путь, которымъ идетъ пролетаріатъ къ царству будущаго—это тяжелый и тернистый путь. На его пути сирены буржуазнаго упадочнаго искусства стараются усыпить его усталый, послѣ тяжелой физической работы, мозгъ. И это иногда, къ величайшему несчастью для движенія, удается въ достаточной мѣрѣ. Поэтому возникаетъ вопросъ о томъ, чтобы парализовать ядъ упадочнаго искусства и противопоставить теперь же, искусству упадка, искусство, созданное буржуазіей въ періодъ ея подъема. Это искусство періода подъема, все болѣе и

болѣе, для буржуазіи настоящаго времени— „забытыя слова“. Мы должны взять эти „забытыя слова“, которыя фактомъ своего существованія обличаютъ унадокъ и лицемѣріе современнаго строя жизни. Присяжный разрушитель всѣхъ буржуазныхъ цѣнностей, анархистъ Бакунинъ, съ почтеніемъ остановился передъ „Девятою симфоніей“ Бетховена и воскликнулъ: „все погибнетъ, а 9-я симфонія останется“. Но сохранится не только „Девятая симфонія“: останутся многія дивныя созданія стараго творчества.

Когда Бетховенъ написалъ свою третью (героическую) симфонію, то онъ посвятилъ ее Наполеону, ошибочно видя въ Наполеонѣ защитника свободы. Но когда Наполеонъ окончательно выявилъ себя, какъ деспота и душителя свободы, то Бетховенъ не уничтожилъ партитуры своей симфоніи. Нѣтъ, онъ въ негодованіи разорвалъ надпись съ посвященіемъ Наполеону и написалъ просто: „Посвящается герою“, давъ этимъ понять, что его симфонія посвящается все́мъ настоящимъ и будущимъ борцамъ за свободу. Послѣдуемъ въ данномъ случаѣ бетховененскому методу, не противорѣчающему нашимъ принципамъ: борясь съ буржуазіей, не отринемъ лучшихъ созданій искусства, а принесемъ ихъ, какъ общечеловѣческую цѣнность, въ царство свободнаго будущаго.

*Иванъ Кубиковъ.*

---

## Памяти Петра Александровича Злыднева.

Смерть жатву жизни косить... Она какъ будто вступила въ союзъ съ врагами рабочаго дѣла и именно теперь, во время подъема, каждый день вырываетъ изъ нашихъ рядовъ то одного, то другого, еще молодыхъ, полныхъ силъ, едва достигшихъ расцвѣта. 30—35 лѣтъ—вотъ порогъ, перейти который не суждено многимъ и многимъ. Уходятъ изъ жизни то на тюремной койкѣ, то въ далекой ссылкѣ, то за-границей, на чужбинѣ, принужденные эмигрировать.

Какое-то повѣтріе мора, пляска смерти!

Рѣдѣютъ ряды тѣхъ, кого сплотилъ и знаменитый Совѣтъ Рабочихъ депутатовъ. Въ маѣ 1911 г. въ бакинской тюрьмѣ скончался Богданъ Кнунянцъ (С. Петровъ—Радинъ)<sup>1)</sup>. Въ январѣ 1914 г. въ Читѣ внезапно умеръ Петръ Злыдневъ. Я сопоставилъ два близкихъ, дорогихъ имени потому, что и въ жизни они стояли рядомъ. Изъ членовъ Совѣта, сидѣвшихъ въ 1906 году на скамьѣ подсудимыхъ, была пятерка особенно сблизившихся

<sup>1)</sup> См. некрологъ о немъ въ „Н. З.“ за 1911 г. № 5.

между собою товарищей, въ бесѣдахъ, спорахъ, дружескихъ пререканіяхъ коротавшихъ дни заключенія. И вотъ теперь двоихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ, а третій очень боленъ туберкулезомъ. За 7 лѣтъ процентъ огромный!

Живой, порывистый, страстный „профессиональ“—революціонеръ Богданчикъ—какъ звали близкіе Клуныяца—и спокойный, уравновѣщенный, съ малороссійской чуть-чуть флегмой, Петръ Александровичъ, сейчасъ только отъ токарнаго станка, дополнили въ нашей семьѣ другъ друга. „Не кипятись, Богданчикъ! найдемъ на чемъ столковаться!“—съ улыбкой заявлялъ Злыдневъ во время дружескихъ споровъ о с.-д. тактикѣ при 1-ой и 2-й Думахъ... Одинъ съ самаго начала былъ въ меньшевистскихъ рядахъ, другой пришелъ къ нимъ послѣ тяжелыхъ исканій, теоретическихъ мукъ и тревогъ. И обоихъ, едва перешагнувшихъ 30 лѣтъ, смерть оторвала отъ жизни...

У меня нѣтъ подъ руками точныхъ біографическихъ датъ П. А. По своей скромности—одна изъ отличительныхъ, характерныхъ чертъ покойнаго—онъ рѣдко дѣлился съ нами воспоминаніями дѣтства, рѣдко рассказывалъ о себѣ. Родился Злыдневъ въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ въ полукрестьянской, полу-рабочей семьѣ на границѣ Малороссіи, былъ годъ или два въ церковно-приходской школѣ, гдѣ дьячекъ не столько училъ, сколько изводилъ ребятъ и рано, лѣтъ съ 12, сталъ зарабатывать хлѣбъ. Работалъ сначала на брянскомъ заводѣ, кочевалъ и по другимъ мѣстамъ, проходя заводскую муштровку и потомъ къ концу 90-хъ годовъ—очутился въ Питерѣ, на Обуховскомъ заводѣ, издавна служившемъ однимъ изъ центровъ рабочаго движенія. Регулярно посѣщаетъ онъ воскресныя школы, бываетъ на очень тогда рѣдкихъ лекціяхъ и быстро выдвигается среди рабочихъ, какъ толковый, дѣльный товарищъ. При всякихъ тренингахъ и столкновеніяхъ съ администраціей П. А. неизмѣнно является представителемъ своей мастерской. Отъ конфликтовъ въ мастерской, черезъ конфликты на всемъ заводѣ Злыдневъ приходитъ къ обще-классовой позиціи пролетаріата, вступаетъ, не оставляя своей профессіи токаря, въ с.-д. организацію и становится извѣстнымъ передовымъ слоемъ петербургскихъ рабочихъ. Ни на одну іоту не раздѣляя упованій „гапоновцевъ“, онъ съ агитационными цѣлями постоянно бываетъ на собраніяхъ отдѣловъ „Общества“. Чуть не погибши 9-го января, онъ, въ рядахъ меньшевиковъ, ведетъ кампанію по поводу комиссіи Шидловскаго и является въ ней уполномоченнымъ своего завода, и здѣсь вмѣстѣ, а отчасти и во главѣ другихъ, проводить и защищаетъ извѣстныя требованія. Комиссія была сорвана, Злыдневъ очутился въ тюрьмѣ. Освобожденный въ концѣ мая П. А. сейчасъ же принимается за работу. Отъ обуховскаго подрайона онъ делегируется въ Невскій районный комитетъ тогдашней меньшевистской группы и тутъ застаютъ его октябрьскіе дни. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ Обуховскій заводъ—однимъ изъ первыхъ—бросаетъ работу. Возникаетъ, сначала для руководства всеобщей стачкой, а потомъ и какъ выразитель воли петербургскаго пролетаріата, Совѣтъ Раб. Деп. и П. А. сейчасъ же принимаетъ горячее участіе въ его дѣлахъ. Съ самаго начала онъ членъ Исполн. Комитета. Дважды Совѣтъ ко-

мандируетъ его къ премьеръ-министру гр. Витте. Послѣ 27 нояб.— день ареста предсѣдателя—Злыдневъ выбирается подавляющимъ большинствомъ въ президіумъ Совѣта и такимъ образомъ является руководящимъ лицомъ въ послѣдніе дни существованія Совѣта. На судѣ именно ему поручено было отъ лица всѣхъ подсудимыхъ передъ началомъ судебного засѣданія огласить и въ письменномъ видѣ передать предсѣдателю декларацію, въ которой заявлялось отношеніе къ суду. На вопросъ о виновности Злыдневъ отвѣтилъ: „имѣю честь принадлежать къ Росс. С. Д. Р. Партіи и быть членомъ С. Р. Д. и его Исполн. Комитета“. Въ книгѣ, написанной нами въ тюрьмѣ—Исторія Пет. Совѣта Раб. Депутатовъ—П. А. помѣстилъ отчетъ о своихъ посѣщеніяхъ гр. Витте. Вмѣстѣ съ другими Злыдневъ былъ лишенъ правъ и отправленъ въ ссылку на поселеніе въ далекой Обдорскъ. Оттуда приблизительно черезъ годъ ему удалось перебраться въ одинъ изъ южныхъ уѣздовъ Тобольской губ. и поступить тамъ на службу. Въ 12-омъ году онъ переселяется въ Омскъ...

Таковы даты жизни. Не хочу ограничиваться ими и хочу попытаться, по личнымъ впечатлѣніямъ, хотя бы отчасти, возсоздать незаурядную личность покойнаго.

Мы встрѣтились съ П. А. черезъ два—три дня послѣ его выхода изъ тюрьмы. Я уже раньше слышалъ, какую серьезную силу представляетъ Злыдневъ, какимъ большимъ влияніемъ пользуется онъ и у себя на Обуховскомъ и на сосѣднемъ Семяниковскомъ заводахъ. Понятно съ какимъ интересомъ я вглядывался въ него. Средняго роста, плотный, широкоплечій, чистенько и тщательно, но не щеголевато, одѣтый, Злыдневъ не торопясь рассказывалъ о тюремной отсидкѣ, объ этомъ рабочемъ „университетѣ“, съ легкимъ юморомъ освѣщая различныя пирепетіи тюремной жизни. И тотчасъ же онъ перешелъ къ тѣмъ очереднымъ задачамъ, которыя, по его мнѣнію, стояли передъ рабочими. „Дусима встряхнула всѣхъ и вся; градомъ сыплются резолюціи съ осужденіемъ существующаго строя отъ всевозможныхъ обществъ, союзовъ, корпорацій; печать полна ими; чего молчать намъ, рабочимъ? И мы выработаемъ нашу рабочую резолюцію; закрѣпимъ въ ней наше отношеніе къ происходящему; выставимъ наши требованія. И потребуемъ напечатать ее въ радикальной газетѣ. Она будетъ у насъ не анонимная, а самая подлинная, съ подписями тысячъ обуховцевъ. Увидите, какъ эти всколыхнетъ рабочихъ“.

Дѣло быстро наладилось. Въ сотрудничествѣ съ 20—30 передовыми рабочими былъ выработанъ и отредактированъ текстъ очень большой резолюціи, могущей служить, по тому времени, прекраснымъ матеріаломъ для агитаціи. На заводѣ шло обсужденіе по мастерскимъ, а внѣ завода шли массовки и летучки, неизмѣннымъ предсѣдателемъ которыхъ былъ Злыдневъ. Говорилъ онъ не спѣша, безъ пафоса и страстныхъ нотъ, на время захватывающихъ толпу, но толково, отчетливо и просто формулируя мысли. И была въ его рѣчахъ какая-то особая спокойная увѣренность въ правильности с.-д. пути, была та постоянная интимная связь со слушателями, которой не было и быть не могло у насъ „интеллигентовъ“.

И самые пожилые, уравновѣшенные, выдавшіе виды рабочіе, не одинъ десятокъ лѣтъ проведенные на заводѣ, склонялись на его доказательства. Недѣли черезъ двѣ-три подъ резолюціей стояли подписи около 4 тысячъ обуховцевъ. „Мы ихъ засвидѣтельствуемъ“ говорилъ Злыдневъ—пусть знаютъ, что рабочіе не только подписываютъ, но и хотятъ отвѣчать за свои мысли. А резолюцію выборные отвезутъ въ газету и попросятъ напечатать. Увидите какъ всколыхнутся питерскіе рабочіе“.

Къ сожалѣнію „безаглавная“ „Наша Жизнь“ отказалась печатать нашу резолюцію. И обижено рассказывали обуховцы: нецензурно-моль! Когда пишутъ резолюціи десятокъ инженеровъ, врачей—словомъ „господа“, то выходитъ „цензурно“, подходяще и редакция рискуетъ, а наша рабочая резолюція чистой публикѣ неинтересна, хотя бы и съ 3 тысячами подписей.

Видалъ я П. А. не только на массовкахъ и митингахъ, встрѣчался съ нимъ и на засѣданіяхъ Невскаго рйоннаго с. д. комитета и на тѣхъ собраніяхъ представителей мастерскихъ и заводовъ, начавшихъ тогда возникать профессиональныхъ союзовъ и всякихъ рабочихъ обществъ, которые должны были, по мысли меньшевиковъ, послужить ядромъ обще-россійскаго рабочаго объединенія. Раза три или четыре бывалъ у него на дому, заходя отдохнуть и перекусить. И на квартирѣ у него—тамъ жили еще трое рабочихъ, каждый въ своей комнаткѣ, а одна была общая—было какъ-то особенно спокойно, дѣловито. Книги въ порядкѣ: на стѣнѣ—гитара была и хорошая „итальянская“ гармоника. Все какъ-то подходило къ П. А., все было, какъ въ немъ самомъ, чисто, уютно и кругло.

И угощая онъ посмѣивался: иной изъ нашихъ профессионаловъ на митингѣ какъ разливается о насъ, голодныхъ, холодныхъ, бездомныхъ пролетаріяхъ, а самъ-то должно быть, кромѣ чая да колбасы рѣдко, что видитъ. Не было въ Злыдневѣ ни того щегольства мудренымъ словомъ, хлесткой фразой, что порою вырабатывали въ рабочихъ прежніе кружки, не было въ немъ ни заносчивости, вотъ моль я настоящій рабочий, ни тѣни заискиванія. Держалъ онъ себя просто и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ достоинствомъ. И я представляю себѣ, какъ просто, и увѣсисто П. А. отвѣчалъ гр. Витте на его предложеніе посѣтить по поводу предполагаемой демонстраціи Трепова: „Сов. Раб. Деп. поручилъ намъ довести до вашего свѣдѣнія то, что мы сказали и не уполномочилъ насъ ходить по петербургскимъ генераламъ“!

Съ нами, очень сблизившимися въ тюрьмѣ, онъ держалъ себя съ какой-то хорошей, ровной ласковостью. Внимательно вслушиваясь въ наши споры и толки, онъ рѣдко вмѣшивался въ нихъ, но чувствовалось, что онъ не только слушаетъ ихъ, но и знаетъ нѣчто такое, чего намъ не дадутъ никакія книги. Это нѣчто—была его кровная связь съ рабочими, интимная близость къ рабочей жизни. И эта связь, эта близость трогательно отмѣчалась его обуховцами; въ дни передачи камера П. А. заполнялась всякими коллективными приношеніями, я помню, какъ въ день его именинъ ему притащили такой огромный пирогъ, что онъ еле пролѣзъ въ узкую дверь, а на пирогъ была

надпись—дорогому П. А.—такая-то мастерская. Приносили ему и сигары, хотя онъ и не курилъ, и всякую всячину и, глядя на что-нибудь новое у него въ камерѣ, мы шутливо спрашивали—обуховскій заводъ?

И на самомъ судѣ обуховцы не только официально, такъ сказать солидаризировались со своимъ депутатомъ, предъявивъ за подписями резолюцію о томъ, что „Злыдневъ творилъ ихъ волю“, но и прохода передъ судомъ, какъ свидѣтели, подчеркивали достоинства П. А. О нихъ говорила и администрація завода: какой то полковникъ или генераль, словомъ важное лицо въ администраціи, показывалъ, что при всѣхъ столкновеніяхъ съ рабочими, контора завода вела переговоры всегда съ Злыдневымъ и привыкла считаться съ нимъ, какъ съ дѣльнымъ, толковымъ рабочимъ. И любопытно отмѣтить, что самъ онъ, несмотря на увлеченіе общественною жизнью съ удовольствіемъ говорилъ о своемъ ремеслѣ токаря и очень вкусно рассказывалъ о томъ, какъ хорошо точить на хорошо прилаженномъ станкѣ.

Вспоминается мнѣ, и огромный митингъ 6-го, кажется, ноября на Обуховскомъ заводѣ. Выступали—тогда въ первые на заводѣ—лидеры с—р—овъ, со стороны с—д. Алексинскій и я, а председательствовалъ по обыкновенію Злыдневъ. Алексинскій усомнился и имѣлъ всѣ поводы къ этому—въ подлинности постановленія одного волостного схода, оглашеннаго на митингѣ, и на этой почвѣ страсти разгорѣлись, до—нельзя. Нѣкоторое время среди колоссальнаго шума и гвалта не слышно было ни слова, но П. А. скоро успокоилъ собраніе, предложивъ выбрать комиссію для разбора инцидента. Не бѣда, говорилъ онъ мнѣ потомъ, что рабочіе такъ хлопаютъ с—рамъ, у нихъ, вѣдь, все, чего душа просить: и земля и воля. Идутъ-то все—таки рабочіе съ нами и за нами; мы дѣлаемъ рабочую политику.

Ссылка забросила его въ Обдорскъ, оторвала отъ станка и кипучей рабочей жизни и пришлось приноравливаться къ новымъ условіямъ. Уйти изъ ссылки и стать нелегальнымъ Злыдневу не хотѣлось: какой я профессиональ и нелегальный, я съ налету ничего сдѣлать не смогу, мнѣ нужно войти въ рабочую массу, сжиться съ нею, а такъ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ—не моя это работа. Ужъ лучше выждать!..

Какъ только выбрался я изъ тюрьмы, въ октябрѣ 13 года, я тотчасъ написалъ П. А., прося сообщить о себѣ. Изъ писемъ его я узналъ, что матеріально онъ устроился недурно и началъ службу на 20 р. окладѣ конторщикомъ, онъ теперь бухгалтеръ одной изъ крупныхъ фирмъ Омска.

Но въ двухъ полученныхъ мною письмахъ ясно сквозила неудовлетворенность жизнью. „Чорта—ли въ томъ—писалъ Злыдневъ—что я въ концѣ—концовъ устроился, развѣ въ этомъ мое дѣло“? И отвѣчая на мой вопросъ, какъ онъ относится къ текущимъ событіямъ, къ огромному подъему рабочаго движенія а вмѣстѣ съ тѣмъ къ неслыханной братоубійственной войнѣ среди с—д—овъ, Злыдневъ писалъ: хочется вмѣшаться—да во первыхъ негдѣ, а во вторыхъ боюсь, не потерялъ ли я за это время пониманія рабочаго, чувства близости и родства съ нимъ.

А это—главное, существенное. Эхъ! въ Питеръ бы теперь, на заводъ куда—нибудь.

• „Насчетъ „предателей“ и „измѣнниковъ“ и пр. ругани, о которой и я наслыханъ—надо пренебречь. Всякіе фрунты вырастали у насъ, но такой гадости я еще не видывалъ. Увѣренъ, однако, что рабочій янлудокъ и ихъ переварить, а пролетарское дѣло выйдеть на хорошую дорогу... О Хрусталева читалъ и не такъ ужъ удивился. Помнишь, какъ мы ему не довѣряли, ждали мы отъ него многое плохое, но такой мелкой пакости не ждали. Погибшій онъ человекъ“....

Въ январѣ П. А. собирался ѣхать въ Иркутскъ и „по душамъ“ потолковать обо всемъ. Судьба не захотѣла снова свести насъ! Въ ноябрѣ по глупому „недоразумѣнію“ я сидѣлъ уже въ иркутской одиночкѣ и выйдя, изъ нея, я узналъ, что дорогой и славный товарищъ только что умеръ въ Читѣ.

*В. Звѣздинъ.*

## Рабочая самостоятельность и рабочая демагогія <sup>1)</sup>).

Въ связи съ расколомъ во фракціи снова выплываетъ наружу старый, а для російской социальдемократіи все еще новый вопросъ объ интеллигентской и рабочей партіи. 6 депутатовъ отъ обязательной рабочей куріи стараются вездѣ, гдѣ только можно подчеркнуть, что они, не въ примѣръ остальнымъ социальдемократамъ, есть истинные представители пролетариата. Имъ и только имъ пролетариатъ поручилъ отстаивать въ Думѣ свои интересы, защищать свое право, свою честь. Свой расколъ Малиновскій и иже съ нимъ стараются представить какъ необходимость отстоять волю и желаніе рабочей массы отъ покушеній остальной интеллигентской части фракціи. Рабочіе депутаты борются за свою самостоятельность внутри фракціи, пишутъ несвѣдущая либеральная пресса о расколѣ; къ сожалѣнію и нѣкоторые рабочіе готовы видѣть въ этомъ раскольническомъ поступкѣ куріальныхъ депутатовъ борьбу за независимость и самостоятельность рабочихъ представителей. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Вѣдь если депутаты отъ рабочихъ курій подняли знамя возстанія за свою независимость, если они искренно хотятъ высвободиться, наконецъ, изъ подъ интеллигентской опеки, стать на свои ноги, то намъ, меньшевикамъ—рабочимъ, слѣдовало бы только сказать: въ добрый часъ. Мы—смѣю думать, что не только пишущій эти строки, но и большинство меньшевиковъ рабочихъ, не раздѣляемъ возрѣній Ф. Д. и С. на вопросъ о взаимоотношеніи интеллигенціи и рабочихъ въ русской социальдемократіи. Мы не видимъ ничего демагогическаго, ничего несоциальдемократическаго, ни-

**Примѣчаніе редакціи:** Печатаемая ст. Булкина, редакція помѣщаетъ отвѣтъ ему Л. М., выражающій точку зрѣнія редакціи не затронутые Булкинымъ вопросы.

чего, въ концѣ концовъ, синдикалистскаго въ томъ, что рабочіе стремятся въ своей рабочей партіи занять руководящее мѣсто. Больше того, считаемъ это явленіе вполне нормальнымъ, а при настоящихъ условіяхъ даже прогрессивнымъ. Русскимъ социальдемократамъ для подкрѣпленія своего мнѣнія часто приходится ссылаться на опытъ Западной Европы. Но все же нужно не забывать, что примѣръ Западной Европы не всегда умѣстенъ. Нельзя намъ рабски копировать Западъ. Въ каждой странѣ существуютъ и національныя и мѣстныя особенности. Вспомните, какъ неодобрительно относился Марксъ къ попыткамъ нѣмецкихъ эмигрантовъ социальдемократовъ направить американское рабочее движеніе по образцу Германіи. Россія еще далеко не достигла той ступени экономическаго развитія, какая свойственна гигантамъ капитализма—Германіи, Англіи или хотя бы даже Франціи. Тамъ на Западѣ уже болѣе или менѣе завершился процессъ классового строенія, классового группированія. Выкристаллизованныя социальныя противорѣчія тѣсно разграничиваютъ интересы каждаго класса, каждой социальной группы въ отдѣльности и заставляютъ для защиты ихъ образовывать политическія партіи. Тамъ интеллигенція стоитъ подъ буржуазнымъ, враждебнымъ пролетаріату, (флагомъ). Она часто поддерживаетъ крупный капиталъ, крупную буржуазію противъ рабочихъ; рѣже соблюдаетъ нейтралитетъ, и ужь совсѣмъ рѣдко протягиваетъ руку рабочимъ. На служеніе къ западноевропейскому пролетаріату изъ рядовъ интеллигенціи идутъ только единицы—бѣлые вороны, какъ тамъ называютъ ихъ.

И понятно, что рабочему классу не опасны эти выходцы изъ буржуазной среды, эти бѣлые вороны. Прошедшій долгую школу классовой самодѣтельности, выдвинувшій изъ своихъ рядовъ такихъ незабвенныхъ, талантливыхъ личностей, какъ Бебель, Ауэръ, Шумаеръ, и др., создавшій могущественныя политическія партіи, онъ не можетъ уже сбиться съ дороги. Ничто не въ силахъ отклонить его отъ разъ намѣченной цѣли — социализма, никто не въ состояніи заразить этотъ громадный пролетарскій организмъ, чуждымъ ему буржуазнымъ вліяніемъ. Каутскій, Адлеръ, Гэдъ и Бернштейнъ да, даже онъ,—только части самодвижущагося пролетарскаго механизма. Они растворены въ самодѣтельной пролетарской партіи, а тѣмъ самымъ, и разорвана пуповина, связывающая ихъ съ буржуазной средой. Въ Западно-европейскихъ социалистическихъ партіяхъ нѣтъ, конечно, дѣленія на интеллигента и рабочего, но только потому, что тамъ ни количественно, ни качественно интеллигенція не играетъ и не можетъ играть существенной роли. Настоящими политическими вождями германской рабочей партіи являются не Каутскіе, а Бебели—теперь Шейдеманы. Но такъ ли обстоитъ дѣло у насъ въ Россіи? Увы, далеко, далеко не такъ. Слабо выраженнымъ, не проникшимъ еще во всѣ поры хозяйственной жизни капиталистическимъ отношеніямъ вполне соответствуетъ у насъ и слабая степень классовой дифференціаціи (разслоенія) населенія.

Кадетская партія можетъ у насъ одновременно опираться и на крупную буржуазію, и на прогрессивно демократическіе слои—приказчиковъ. Ни для кого не секретъ, что русская социальдемократія и по настоящее время пользуется среди интелли-



генці и мелкой буржуазіи значительнымъ влияніемъ. Для всякаго, знакомаго съ социальнымъ составомъ избирателей въ Госуд. Думу по II-ой куріи, совершенно ясно; что полученные социальдемократіей, по приблизительному подсчету В. Левицкаго, 43.549 голосовъ при выборахъ въ IV Гос. Думу по этой куріи, за очень малымъ исключеніемъ, голоса не рабочихъ, а буржуазной демократіи. По мнѣнію тов. С., мы должны только радоваться и гордиться тѣмъ, „что къ намъ идутъ и подъ наше знамя становятся всѣ лишенные правъ, всѣ угнетенные“. Но кто въ Россіи имѣетъ права, кто въ Россіи не униженъ? Вѣдь только одно помѣстное дворянство чувствуетъ себя здѣсь прекрасно. Недовольство проникло отъ самыхъ низшихъ до самыхъ верхнихъ слоевъ населенія, отъ пролетаріата до магнатовъ капитала. И чтожь, всей этой разношерстной толпѣ мы должны открыть двери и сказать „придите къ намъ всѣ труждающіеся и обремененные“? Но чѣмъ же мы тогда отличаемся отъ кадетовъ и въ особенности отъ народниковъ, которые могутъ со слезами на глазахъ призывать къ этому трогательному объединенію? Прочитанная фраза и фактъ голосованія массы интеллигенціи за социальдемократію показываютъ, насколько слабо выражена въ русской социальдемократіи ея классовая сущность. Она скорѣе просто демократическая, чѣмъ выпукло классовая партія пролетаріата. Годы, десятилѣтія существуетъ социальдемократія, но нѣтъ еще рабочей партіи.

Десятки лѣтъ рабочій былъ для социальдемократіи только опекаемымъ, несовершеннолѣтнимъ ребенкомъ. Отъ имени рабочаго класса говорила и дѣйствовала радикальная интеллигенція. Она парализовала волю и умъ рабочаго. Эта опека привела къ тому, что сознательный рабочій не воспиталъ въ себѣ пролетарской мысли и воли, превратился въ автоматъ для интеллигентскихъ вождѣленій. Русский сознательный рабочій сошелъ со своего классоваго пути. Подъ влияніемъ радикальной интеллигенціи, онъ подмѣнилъ свою классовую задачу фракціонной борьбой. Радикальная интеллигенція, заполнившая ряды социальдемократіи, пользуясь своимъ культурнымъ превосходствомъ, пользуясь стихійнымъ революціоннымъ настроеніемъ рабочихъ, воспитала послѣднихъ въ духѣ любви и преклоненія предъ революціонной фразой. У нея нѣтъ ничего другого; она давала, что могла давать. И рабочій повѣрилъ въ революціонную фразу, можно сказать влюбился въ нее, совершенно забывая, что для него истинная революціонность заключается не въ фразѣ, а въ классовомъ строительствѣ пролетаріата, въ развитіи классоваго сознанія и классовой самодѣятельности рабочихъ массъ. Фракціонность—вотъ второе, еще горшее зло, которымъ наградила насъ „соціалистическая“ интеллигенція. Только у насъ въ Россіи можно встрѣтить такой болѣзненный, чисто интеллигентскій фракціонный фанатизмъ у рабочихъ. На Западѣ рабочій прежде всего социальдемократъ, а потомъ уже ортодоксъ или ревизионистъ. У насъ же наоборотъ. На Западѣ при выборахъ ли въ профессиональный союзъ, въ правленіе ли политической партіи, въ рабочій ли секретариатъ, въ Рейхстагъ ли, наконецъ, прежде всего цѣнится рабочій, какъ социальдемократъ, какъ цѣнный работникъ, умѣющій постоять за интересы рабочаго класса. Тамъ ревизионистская организація посылаетъ

въ Рейхстагъ радикала, тамъ ортодоксальная организація приглашаетъ на вакантное мѣсто секретаря ревизиониста. Всюду цѣнятся только специалисты, знатоки своего дѣла. Никому и въ голову не приходитъ руководствоваться при назначеніи на отвѣтственный постъ кого-либо его фракціонностью. И масса, и ея вожди въ своихъ поступкахъ исходятъ изъ интересовъ обще пролетарскихъ, а не частныхъ фракціонныхъ. У насъ, конечно, все шиворотъ навыворотъ.

Господствующая фракція проведетъ въ Думу не лучшаго рабочаго, не лучшаго защитника интересовъ рабочихъ, а заядлаго фракціонера. Какое кому дѣло, что въ Думѣ онъ окажется молчальникомъ какое кому дѣло, что онъ не можетъ использовать Думу для усиленія вліянія рабочаго класса, укрѣпленія его организацій. Зато онъ большевикъ, онъ не усилитъ вліянія меньшевиковъ—а это одно уже много, черезъ чуръ даже много значить. Проигрываетъ же при этомъ конечно пролетаріатъ. Зачѣмъ же мы призывали рабочихъ въ участію къ выборамъ? Какое дѣло широкимъ массамъ до нашихъ фракціонныхъ разногласій, какое имъ дѣло до большевиковъ и меньшевиковъ? Имъ нужно, чтобы депутаты отстаивали въ Думѣ обще пролетарскую политику. А вотъ новые недавніе перлы нашей фракціонности. Молодое, только что пустившее ростки въ рабочей массѣ, профессиональное движеніе, казалось бы, могло насъ всѣхъ объединить. Всѣмъ намъ, и темнымъ несознательнымъ рабочимъ, и народникамъ и большевикамъ, и меньшевикамъ одинаково туго приходится отъ капитала. Газеты ежедневно приносятъ извѣстія о нашихъ пораженіяхъ. Каждому ясно, что сильному, силовому, организованному капиталу должна быть противопоставлена не менѣ сильная, сплоченная профессиональная организація. Всѣ мы казалось должны были бы дорожить и заботиться о нашихъ профессиональныхъ организаціяхъ, вмѣстѣ трудиться надъ укрѣпленіемъ существующихъ и бороться за свободу союзовъ, безъ которой немислимы сильныя профессиональныя организаціи. Но не такъ представляютъ себѣ дѣло зараженные фракціонной болѣзью, ослѣпленные фракціоннымъ фетишизмомъ, потерявшіе свое классовое чутье въ мусорѣ радикальныхъ фразъ нѣкоторые „сознательные“ рабочие. Для нихъ бороться за свободу союзовъ, значитъ отказаться отъ марксизма, итти нога въ ногу съ либерализмомъ.

Какое имъ дѣло, что въ свое время западно-европейскіе рабочіе боролись за свободу коалиціи, видѣли въ ней не буржуазное, а свое пролетарское дѣло; какое имъ дѣло, что ни одинъ сознательный ортодоксальный рабочій Германіи не можетъ понять, почему борьба за свободу союзовъ есть либерализмъ, и настойчиво твердить—что это наша пролетарская задача. У насъ вѣдь свое самобытное интеллигентское, а не пролетарское, толкованіе марксизма. Классовой инстинктъ нашему „сознательному“ рабочему ничего не говоритъ, онъ потерялъ свою волю, автоматически повторяетъ избитыя радикальныя, интеллигентскія фразы, вмѣстѣ съ анархистами твердить: все или ничего. Вооружившись этимъ дешевымъ, сильно устарѣвшимъ оружіемъ, онъ борется, мѣшаетъ, всѣми силами препятствуетъ настоящей пролетарской борьбѣ—борьбѣ за свободу сою-

зовъ. И ему удалось дезорганизовать коалиціонную кампанію. Но не за счетъ своего оружія онъ побѣдилъ. Вѣдь это было разрушеніе, а не созиданіе; давно извѣстно,—что разрушать куда легче, чѣмъ созидать. Ослѣпленные фракціонеры идутъ дальше. Потерявшіе рассудокъ, запуганные словомъ „ликвидаторъ“, загнипнотизированные, они не разбираютъ уже ничего, и на алтарь своей фракціонности несутъ и закалываютъ новыя жертвы: существующія профессиональныя и просвѣтительныя организаціи. Всякому маломальски знакомому съ теоріей и практикой профессиональнаго движенія извѣстно, что тутъ не можетъ быть никакихъ разногласій между большевиками и меньшевиками. Всякому ясно, какъ дороги и неоцѣнимы для профессиональной организаціи старыя, опытные, дѣятельные работники. И меньшевики рабочіе строго соблюдали эти истины. Всякому также извѣстно, что вынесшимъ въ значительной степени на своихъ плечахъ, оберегавшимъ въ трудную годину реакціи профессиональное движеніе и отъ апатіи рабочихъ массъ, и отъ полицейскихъ преслѣдованій меньшевикамъ чужда была фракціонная политика. Имѣя большинство въ районахъ, они выбирали большевиковъ въ центральное правленіе; имѣя большинство въ центральномъ правленіи, они выбирали на отвѣтственный постъ секретаря большевика.

Но измѣнились времена. Лучшая часть профессиональныхъ работниковъ меньшевиковъ волею судебъ пребываетъ—кто за границей, кто въ ссылкѣ, кто въ тюрьмѣ.

Новый элементъ, вошедшій въ профессиональные союзы лишь въ послѣднее время—въ періодъ новаго расцвѣта промышленности и оживленія рабочаго движенія, не знакомъ ни съ практикой, ни съ исторіей, ни съ традиціями профессиональнаго движенія. А демагоги между тѣмъ не дремлютъ и пользуются удобнымъ случаемъ нанести новый ударъ рабочему классу. Фракціонное чудовище требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Ему мало, что посѣяна вражда и рознь въ политическихъ организаціяхъ. И вотъ его агенты работаютъ въ профессиональныхъ союзахъ, вооружаютъ одну часть рабочихъ противъ другой. Демагоги не стѣсняются, въ ихъ изображеніи „ликвидаторъ“—это классовый врагъ рабочихъ. Лютятъ помой на голову лучшихъ рабочихъ, играютъ на темнотѣ и неосознанности рабочихъ. Дѣло сдѣлано, успѣхъ обезпеченъ. Въ одинъ прекрасный день наверху одного изъ самыхъ старыхъ и сильныхъ профессиональныхъ союзовъ—металлистовъ—взвился фракціонный большевистскій вымпелъ. Демагоги радуются, ликвидаторы разгромлены, лучшіе работники устранены отъ работы. Радуются и большевики рабочіе, и въ ослѣпленіи не видятъ, что профессиональный союзъ бьется въ судорогахъ, что они сами собственными руками вонзили кинжалъ въ сердце союза. Въ этотъ день положенъ конецъ единству профессиональнаго движенія, а значитъ и его силѣ, его росту.

Изъ рукъ рабочаго класса фракціонеры выбили одно изъ самыхъ сильныхъ оружій пролетаріата въ борьбѣ съ капиталомъ: сплоченный и сильный единствомъ профессиональный союзъ. Рабочіе этого не забудутъ. Этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ дней въ исторіи рабочаго движенія Россіи.

Какое еще нужно доказательство того, насколько вредно отражается на судьбах рабочего движения руководящая роль интеллигенции в рядах социалдемократии. Кому еще не ясно, что сознательный большевик рабочий сошел с своего классового пути и предает интересы рабочего класса во имя интересов своей фракции. А что интересы класса и фракции не совпадают, это видно хотя бы из вышеописанных примѣровъ. Классу важно прежде всего, чтобы союзъ былъ единъ—фракции, чтобы онъ былъ фракціоннымъ.

Мнѣ скажутъ, что у насъ не только интеллигенція, но и рабочіе фракціонны. Не оспариваю этого. Узкая конспиративная организація по существу своему враждебна классовой самодѣятельности. А традиція прошлой чисто интеллигентской социалдемократіи, психологія настоящаго полуинтеллигентскаго по своему вліянію подполья, безусловно накладываютъ отпечатокъ на многихъ сознательныхъ рабочихъ. Русскій сознательный рабочий еще и теперь не окончательно отрѣшился отъ рабской психологіи, и часто безъ всякаго критическаго анализа на вѣру принимаетъ слова новаго барина-интеллигента. Еще хуже дѣло обстоитъ среди полусознательныхъ и совершенно несознательныхъ рабочихъ. Мнѣ, да и многимъ, вѣроятно, приходилось встрѣчать какого либо Оому или Ерему, совершенно несознательнаго, часто даже неграмотнаго рабочаго. Этотъ рабочий совсѣмъ не разбирается въ вопросахъ классовой политики, теорія классовой борьбы для него недоступная книга. Но онъ по своему преданъ социалдемократіи, онъ энергиченъ. И посмотришь, для чего использована у насъ энергія этого неграмотнаго, неразбирающагося рабочаго. Вонъ онъ стоитъ посреди кучки такихъ же, какъ и онъ, несознательныхъ рабочихъ и ораторствуетъ. Толпа жадно внимаешь. Казалось бы, о чемъ можетъ говорить этотъ несознательный рабочий? Но онъ говоритъ, говоритъ горячо и увлекательно о классовыхъ врагахъ пролетаріата. Кто же въ его представленіи врагъ рабочихъ—правительство, буржуазія? Нѣтъ, меньшевики—ликвидаторы. Со всей силой, со всей своей страстностью и подкупающей искренностью онъ обрушивается на меньшевиковъ рабочихъ. Изъ устъ этого оратора то и дѣло вылетаютъ энергичныя фразы: „предатели рабочихъ“, изменники, слуги хозяевъ, буржуазіи. Они, т. е. меньшевики рабочіе, хотятъ уничтожить социалдемократію и просить правительство открыть новую партію. И окружающіе въ знакъ согласія со словами оратора киваютъ головами . . . Въ сторонѣ стоятъ истинные вдохновители этого Оомы—Каменевы, Зиновьевы, и отъ удовольствія потираютъ руки. Они прекрасно поняли, что этотъ Оома можетъ оказать весьма цѣннымъ орудіемъ ихъ фракціонныхъ вождельній, недаромъ они такъ старались надъ его воспитаніемъ и просвѣщеніемъ, недаромъ они постарались провести этого несознательнаго рабочаго въ комитетъ. Такъ подпольная, интеллигентская по своему вліянію, социалдемократія воспитываетъ изъ рабочихъ не борцовъ за классовые интересы пролетаріата, а узкихъ фанатиковъ—фракціонеровъ.

И виною здѣсь, конечно, не злая воля Зиновьевыхъ и Каменевыхъ, а желѣзная логика подполья, изолирующаго своихъ обитателей отъ живой общественной жизни и пріучающаго ихъ

ставить свои кружковые интересы и переживания выше реальной политической работы. И не только несознательные Фомы и Еремы, но и цѣлый рядъ широко образованныхъ, могущихъ быть украшеніемъ даже для западно-европейскихъ партій, рабочихъ, вращаясь въ пропитанной фракціонной атмосферой организаціи, отдають свои силы, свой умъ, свою энергію и знаніе на служеніе фракціонному Молоху. Сотни лучшихъ рабочихъ ежемѣсячно вырываются изъ рядовъ пролетаріата и наполняютъ собою тюрьмы, идутъ въ ссылку, идутъ на поселеніе, идутъ на каторгу не за то, что они служили интересамъ своего класса, развивали его сознаніе, укрѣпляли его мощь, не за то, что они боролись съ правительствомъ, съ буржуазіей, а за то, что они боролись съ рабочими меньшевиками, или наоборотъ. Возможно что либо подобное на Западѣ? Можно ли при такихъ условіяхъ закрывать глаза на интеллигентскую опасность въ русской социальдемократіи. Социальдемократія, строго классовая партія, защитница интересовъ пролетаріата; развитіе классового сознанія пролетаріата, развитіе его самодѣятельности и группированіе его въ классовую партію она считаетъ своей главнѣйшей задачей. И поскольку интеллигенція бозсознательно мѣшаетъ выполненію этой исторической задачи, мы не можемъ быть равнодушными, мы должны активно вмѣшиваться въ ходъ событій и взять бразды правленія съ собственныхъ руки. Борьба идетъ не противъ отдѣльнаго интеллигента, не противъ отдѣльнаго инженера, адвоката, редактора и т. п., борьба происходитъ за то, чѣмъ должна быть социальдемократія: классовой ли рабочей партіей или интеллигентской сектой, хотя бы и группирующей вокругъ себя рабочихъ. До сего времени пролетаріатъ поддерживалъ социальдемократію лишь въ качествѣ наиболѣе демократической партіи, но никогда не считалъ ее своей собственной партіей. Въ ряды социальдемократіи входили только отдѣльные представители рабочаго класса, совершенно растворяясь въ этой радикальной интеллигентской организаціи, подчиняясь ея вліянію. Но, по мѣрѣ роста классового сознанія пролетаріата, пробуждалось среди социальдемократическихъ рабочихъ какое то инстинктивное недовѣріе къ интеллигенціи. Вѣдь если о исторіи социальдемократіи говорятъ, что это исторія фракціонной борьбы, то съ такимъ же правомъ о ней можно сказать, что это непрерывная борьба рабочихъ съ интеллигенціей внутри социальдемократіи за власть, за превращеніе социальдемократіи въ рабочую партію. Эта борьба, начатая вскорѣ же послѣ образованія социальдемократіи, то затихая на время, то разгораясь съ новой силой, продолжается и до нашихъ дней. Обыкновенно знамя возстанія поднимали наиболѣе сознательные рабочіе, но попытки ихъ всегда подавлялись въ самомъ зародышѣ. Борьба съ чрезмѣрнымъ интеллигентскимъ вліяніемъ внутри социальдемократіи, призывъ къ рабочей самодѣятельности объявлялись—синдикалистскими; самихъ рабочихъ—иниціаторовъ этой кампаніи клеймили, какъ демагоговъ. Но вотъ въ 1906—07 году, въ связи съ выступленіемъ извѣстнаго вождя меньшевизма П. Б. Аксельрода, открыто признаннаго, что социальдемократія есть партія радикальной интеллигенціи, а не рабочихъ, и призывавшаго къ построенію рабочей партіи, лозунгъ самодѣятельность рабочихъ дѣлается

популярнымъ. Большевики рабочіе начинаютъ подготовительныя работы къ созыву рабочаго съѣзда; ихъ самоотверженно поддерживаетъ большинство меньшевистской интеллигенціи; среди большевистскихъ рабочихъ замѣтно колебаніе, и только большевистская интеллигенція дружно выступила на защиту старой социальдемократіи. Разразившаяся реакція сдѣлала немислимымъ какое бы то ни было проявленіе общественной самодѣятельности. вмѣстѣ съ многими вопросами русской общественности, временно сошелъ со сцены и вопросъ о рабочемъ съѣздѣ.

Товар. С. заявляетъ, что социальдемократія „въ своихъ собственныхныхъ рядахъ не признаетъ раздѣленія на рабочихъ и не рабочихъ“. Для Запада это утвержденіе пожалуй будетъ вѣрно, и мы говорили выше, почему.

Зато для Россіи оно безусловно невѣрно. Вѣдь, что изъ себя представляла агитація за созывъ рабочаго съѣзда, какъ не та же борьбу рабочихъ съ интеллигентскимъ вліяніемъ внутри социальдемократіи? Вѣдь конечная цѣль рабочей агитаціи за съѣздъ была или созданіе особой рабочей партіи помимо социальдемократіи, или превращеніе послѣдней изъ интеллигентской въ самодѣятельную пролетарскую партію. И при той и при другой постановкѣ вопроса всѣ защитники рабочаго съѣзда одинаково исходили изъ того, что социальдемократствующая интеллигенція мѣшаетъ развитію и проявленію классовой самодѣятельности пролетаріата. Какъ видите, тов. С., былъ моментъ, когда огромная часть социальдемократовъ признавала эту разницу между рабочими и не рабочими. Да помнится, что и вы были тогда въ числѣ защитниковъ рабочаго съѣзда, т. е. въ числѣ при знававшихъ эту разницу, вмѣстѣ съ ними боролись за рабочую партію.

Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ? Какъ и тогда, въ Россіи нѣтъ еще самодѣятельной пролетарской партіи. вмѣсто единой большой социалистической подпольной секты, гдѣ боролись лишь два направленія—меньшевики и большевики, теперь существуетъ нѣсколько самостоятельныхъ маленькихъ подпольныхъ сектъ. Подполье сузилось, его вліяніе на рабочихъ уменьшилось. Всѣ вмѣстѣ взятая существующія теперь подпольныя организаціи не представляютъ и  $\frac{1}{10}$  той силы, которая присуща была подполью 1906-07 года. Вліяніе интеллигенціи попрежнему, въ этихъ организаціяхъ преобладающее. По прежнему защита интересовъ пролетаріата, борьба за его организацію подмѣнены фракціонной междуусобицей. Насколько социальдемократія еще интеллигентская организація, видно опять таки изъ фактовъ послѣдней избирательной кампаніи. Избирательная кампанія одинъ изъ самыхъ удобныхъ поводовъ для политическаго выступленія пролетаріата, одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ для его классового самоопредѣленія. Тутъ должно было быть выдвинуто одно изъ кардинальнѣйшихъ требованій пролетаріата въ настоящій моментъ—свобода коалицій и на немъ сосредоточено все вниманіе. Мы должны были мобилизовать всѣ свои силы, требовать отъ буржуазіи, чтобы въ Думѣ она поддержала это требованіе нашихъ депутатовъ. По ироніи судьбы мы сами разодрались именно изъ за лозунга свободы коалицій. вмѣсто политической кампаніи выборы въ Думу превратились въ фракціон-

ное заушеніе. Еще разительнѣе примѣръ съ кандидатами въ выборы.

В. Левицкій съ радостью констатируетъ, что при выборахъ въ 4 Думу социальдемократія выставяла кандидатами по II гор. курій рабочихъ и приказчиковъ. Но увы! изъ 53 случаевъ самостоятельнаго выступленія социальдемократіи, считая въ среднемъ на каждое выступленіе по 2 кандидата, т. е. изъ 106 социальдемократическихъ кандидатуръ ему удалось зарегистрировать рабочихъ и приказчицкихъ только 15 (14%). Мало, очень, мало для рабочей партіи. Гдѣ же здѣсь мѣсто самостоятельности пролетаріата? Видимо въ рядахъ социальдемократіи все осталось по старому, она, какъ была интеллигентской по своему вліянію, по своей психологіи, такъ и осталась. И это нужно смѣло признать, не боясь того, что скажетъ по этому поводу княгиня Марья Алексѣевна—буржуазная печать.

Ну, а если все осталось по старому внутри социальдемократіи, то по прежнему будетъ вестись и борьба рабочихъ за превращеніе социальдемократіи въ рабочую партію. Рѣчь идетъ конечно не о простой замѣнѣ Зиновьева Томою, не просто мозолистая рука смѣняетъ бѣлоручку. Вопросъ куда сложнѣе. Для насъ центръ тяжести, вся суть вопроса въ томъ, чтобы смѣняющія лица могли смѣнить и политику и направленіе социальдемократіи. Мы хотимъ, чтобы превращенная въ рабочую, социальдемократія сумѣла бы ликвидировать фракціонность во имя фракціонности, сумѣла бы отказаться отъ преклоненія предъ радикальной фразой, поставила во главу угла своей дѣятельности развитіе самостоятельности рабочаго класса, организацию пролетаріата въ единую партію. Словомъ мы хотимъ, чтобы рабочая партія ставила интересы рабочаго класса выше интересовъ своей фракціи, своего кружка, своей секты.

Имѣются ли въ наличности въ рабочемъ классѣ силы, способныя выполнить эту программу. Да, имѣются. Они находятся за дверьми подполья, внѣ официальной социальдемократіи, въ легальномъ рабочемъ движеніи. Легальное рабочее движеніе развивалось подъ лозунгомъ самостоятельности рабочихъ, оно не находилось подъ вредной опекой интеллигенціи, рабочіе тамъ не принижены такъ, какъ въ подпольѣ и сумѣютъ постоять за себя. Пусть раскольникамъ и демагогамъ удалось внести сюда дозу фракціоннаго яда, пусть имъ удалось привлечь на свою сторону легальныя организациі. Побѣда эта временная. Рабочіе скоро на своей спинѣ почувствуютъ весь вредъ раскольнической политики и повернутся спинами къ нынѣшнимъ руководителямъ. Нельзя долго кормить легальное рабочее движеніе вреднымъ суррогатомъ классовой политики—фракціонностью. Рабочимъ, организованнымъ въ профессиональные союзы, просвѣтительныя организациі, больничныя кассы, нужна и положительная программа дѣйствій. А ее то и не смогутъ дать фракціонные демагоги. Въ запасѣ у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ хлесткихъ революціонныхъ фразъ. Да, политическая дѣятельность, дѣйствительное проведеніе классовой политики находится въ прямомъ противорѣчьи съ ихъ фракціонными интересами. Правда, правдисты всячески подлаживаются подъ настроеніе этихъ рабочихъ. Они заговорили о популярной-литературѣ, популярно ведутъ свою га-

зету, вездѣ стараются подчеркнуть, что въ отличіе отъ меньшевиковъ они являются настоящей рабочей фракціей. Но вѣдь мало сказать, нужно на дѣлѣ показать и зарекомендовать себя защитникомъ пролетарской самодѣятельности. А то иначе можетъ получиться конфузъ. При внимательномъ осмотрѣ окажется, что подъ грязной рабочей блузой стоитъ заправскій ряженный интеллигентъ.

Мало повторять „мы рабочіе“ и говорить о самодѣятельности; нужно сознательнымъ рабочимъ перестать ждать, когда интеллигенція разчиститъ имъ путь, а теперь же приняться за созданіе условій, въ которыхъ могла бы развиваться самодѣятельность рабочихъ массъ. По мѣрѣ того, какъ усиливается бѣніе пульса общественной жизни, массы приходятъ въ движеніе. И дѣло рабочей интеллигенціи придать этому движенію плоть и кровь, создать и укрѣпить тѣ учрежденія, которыя могутъ служить ему опорнымъ пунктомъ, вдохнуть въ нихъ пролетарскій духъ и путемъ живой и плодотворной дѣятельности приобрѣсти довѣріе массъ и стать истинными руководителями рабочаго движенія и будущей рабочей партіи. И путь, на который мы призываемъ встать рабочую интеллигенцію, такимъ образомъ діаметрально противоположенъ тому, на который вступили Малиновскій и его товарищи: они желаютъ сплотить рабочихъ не вокругъ классовой работы, а вокругъ фракціи, и покрываютъ авторитетомъ рабочихъ представителей разгромъ и дезорганизацію рабочихъ учреждений и организацій во имя подавленія ликвидаторства. Тамъ царитъ рабочая демагогія во имя торжества фракціоннаго кружка Ленина и Малиновскаго, здѣсь объединеніе рабочей интеллигенціи во имя торжества пролетарскаго дѣла.

*Булкинъ.*

## Отвѣтъ Булкину.

Тов. Булкинъ является однимъ изъ видныхъ представителей пролетарской интеллигенціи, созданной развитіемъ рабочаго движенія въ прошломъ десятилѣтіи. Это обстоятельство даетъ основаніе думать, что выражаемые имъ взгляды могутъ встрѣтить сочувственный откликъ среди передовыхъ рабочихъ. Именно поэтому мы не можемъ оставить ихъ безъ возраженія. Ибо даваемая имъ постановка вопроса теоретически невѣрная, фактически не обоснованная и практически — бесплодная, не можетъ дать передовымъ рабочимъ надежнаго компаса для выхода изъ тѣхъ дебрей, въ которыя заведено движеніе ихъ класса.

Русская демократическая интеллигенція, ходомъ исторіи брошенная въ объятія социализма и вынужденная идти къ пролетаріату, создала социалдемократическую партію по своему образу и подобию, придала ей опредѣленные организаціонныя



формы и наложила печать своего вліянія на содержаніе ея дѣятельности. Это—историческій фактъ. Констатируя его, т. Булкинъ движется въ кругу традиціонныхъ представленій „меньшевизма“.

Онъ выходитъ изъ этого круга, когда задачу преодоленія „фракціонной“, сектантской стадіи социалдемократическаго движенія пытается рѣшить въ плоскости борьбы рабочихъ за отстраненіе „интеллигентовъ“ отъ руководящаго вліянія на ходъ рабочаго движенія. Это значитъ—рубить сучья, не трогая корней. Выходя въ этомъ пунктѣ изъ круга „меньшевистскихъ“ идей, т. Булкинъ возвращается къ элементарной позиціи „Рабочей Воли“, комитетскихъ „оппозицій“ 1902—3 гг. „Харьковскаго пролетарія“, Бойкова („Кузнецъ“) и другихъ рабочихъ той эпохи, потому именно и стертыхъ, какъ особое теченіе, „искровствомъ“—этой интеллигентски — окрашенной формой социал-демократизма, что, при всей своей исторической ограниченности, „искровство“ лучше, полнѣе и шире выражало (или отражало) потребности классоваго движенія пролетаріата, чѣмъ упомянутыя группы, пытавшіяся маленькими средствами сектантскаго арсенала рѣшить большую политическую задачу.

Русское общество не дифференцировано въ достаточной мѣрѣ, заявляетъ тов. Булкинъ, а потому интеллигенція — слой мелкобуржуазный — можетъ въ значительной своей части стать подъ знамя социалдемократіи. Совершенно вѣрно. Но т. Булкинъ не видитъ, къ какимъ выводамъ обязываетъ его это положеніе.

Недифференцированность общества выражается не только въ возможности для массовой интеллигенціи „заражаться“ социалистическими настроеніями. Она находитъ свое выраженіе также и въ социальнo-политической физиономіи русскаго рабочаго. И при томъ въ двухъ смыслахъ. Во первыхъ—это особенность Россіи — русскій рабочий, въ общемъ и цѣломъ, сильно пропитанъ настроеніями и предрасположеніями, вытекающими изъ не вполне порванной социальной связи съ *крестьянствомъ*. Во вторыхъ — и здѣсь черты русскаго рабочаго схожи съ чертами пролетарія въ нѣкоторыхъ другихъ, менѣе дифференцированныхъ странахъ какъ Франція, — во вторыхъ, русскій рабочий на нынѣшней стадіи классоваго своего развитія упрощенно, по сектантски мыслить свой классовый антагонизмъ съ буржуазнымъ обществомъ и свою классовую борьбу съ нимъ (предрасположеніе къ бланкизму, анархизму и синдикализму).

Если русская демократическая интеллигенція создала с.-д. партію по своему образу и подобию, то создавала она эту партію изъ матеріала, даваемаго русскимъ рабочимъ классомъ, опредѣленными очень широкими его слоями.

„Большевизмъ“ не былъ „привитъ“ къ русскому рабочему движенію. Онъ привился къ нему, найдя въ немъ благоприятную почву для своего развитія. Эволюція одного крыла „искровства“ къ „последовательному марксизму“ нашихъ дней происходила въ процессѣ приспособленія чисто-интеллигентской идеологіи „профессиональныхъ революціонеровъ“ къ психологіи опредѣленныхъ низовъ пролетаріата.

Нельзя игнорировать такихъ фактовъ, какъ прочное и долговременное господство „большевизма“ въ с.-д. организаціяхъ Иваново-Вознесенска, подмосковнаго района, Урала. Здѣсь менѣе,

чѣмъ гдѣ либо въ Россіи (кромѣ Донецкаго бассейна), менѣе, чѣмъ даже на Кавказѣ и въ Ригѣ, рабочій составъ организацій былъ смѣшанъ съ «интеллигенціей». Здѣсь партійная самостоятельность не была скована опекой интеллигентовъ. Въ 1905 году иваново-вознесенская организація была единственной (кромѣ окраинъ), въ которой членскіе взносы рабочихъ составляли большую половину бюджета организаціи. А, между тѣмъ, и тогда, и послѣ указанные районы неизмѣнно давали ультра-большевистскій типъ социалдемократовъ.

Безспорно, этотъ самый типъ одной изъ основныхъ чертъ своихъ имѣетъ ту степень политической и культурной *пассивности*, при которой опека надъ этимъ слоемъ рабочихъ со стороны посторонняго пролетаріату общественнаго слоя является почти неизбѣжной. Въ этомъ смыслѣ опять таки интересенъ примѣръ Иваново-Вознесенска. Съ самаго зарожденія с.-д. кружковаго движенія въ этомъ центрѣ въ 90-хъ гг. оно было пропитано сильнымъ стремленіемъ къ организаціонной самостоятельности, къ «чисто-рабочему» характеру движенія. И, какъ указано выше, мѣстныя условія ослабляли здѣсь непосредственное вліяніе «интеллигенціи». И что-же? Высланные и разбрѣдшіеся по разнымъ концамъ Россіи «иваново-вознесенцы» стали въ концѣ 90-ыхъ годовъ нарицательнымъ именемъ для особаго, почвеннаго, анти-интеллигентскаго теченія въ рабочей средѣ, выдвигавшаго всюду стремленіе къ независимости движенія отъ интеллигентовъ. Отъ „иваново-вознесенскаго толка“ пошла на югѣ струя анти-интеллигентскаго „Харьковскаго пролетарія“ и первой открытой рабочей организаціи въ Россіи („Общество взаимопомощи“ въ Харьковѣ). А на мѣстѣ, въ самомъ Ив.-Вознесенскѣ, съ вовлеченіемъ въ движеніе массъ, создавался, при почти полномъ отсутствіи непосредственнаго вліянія интеллигентовъ, одинъ изъ очаговъ рабочаго „большевизма“, слѣпо повинующагося идейной диктатурѣ Парижа, Кракова или Петербурга.

Опека интеллигенціи, говоритъ т. Булкинъ, привела къ тому, что пролетаріатъ „не воспиталъ въ себѣ пролетарской мысли и воли“. Но, вѣдь, можно сказать и на оборотъ: отсутствіе самостоятельной мысли и воли, отсутствіе классоваго воспитанія сдѣлало возможной и при данныхъ историческихъ условіяхъ неизбѣжной опеку интеллигенціи. Здѣсь причина переплетается съ слѣдствіемъ, между ними происходитъ взаимодѣйствіе, обусловленное факторомъ, питающимъ и причину, и слѣдствіе—малой дифференцированностью общества. Съ своей односторонней постановкой вопроса т. Булкинъ опоздалъ на 10 лѣтъ. Въ былыя времена на лицо былъ очевидный фактъ: громадная сила интеллигентской организаціи, дающая на передовой слой рабочихъ всей своей коллективной массой, несомнѣннымъ и значительнымъ теоретическимъ превосходствомъ, несомнѣннымъ перевѣсомъ политической умѣлости; даже специфическій литературный жаргонъ революціонной интеллигенціи, жаргонъ резолюцій и передовицъ, представлялъ собой факторъ, обезпечивающій преобладающее вліяніе за посвященными. Эта большая сила парализовала процессъ политическаго самоопредѣленія передовыхъ рабочихъ, развитіе навыковъ къ коллективной самостоятельности. Но, вѣдь, послѣ 1907 года всѣ эти условія исчезли совершенно. Въ тече-

нѣ долгаго времени «начальство ушло» изъ нашего рабочаго движенія. Революціонная интеллигенція разсѣялась. Былъ періодъ, когда этотъ уходъ интеллигенціи ощущался рабочими не какъ благо, а какъ большое зло. 5 лѣтъ назадъ рабочіе кружки и союзы готовы были *платить* «профессіоналамъ» за то, чтобы они не уходили отъ движенія. За этотъ періодъ, казалось бы, слѣды зависимости пролетарскаго авангарда отъ долго опекавшей его интеллигенціи должны были бы стереться. И они значительно стерлись для части пролетаріевъ, — для той его части, которая носитъ названіе «ликвидаторской». Но для другой части часъ освобожденія еще не наступилъ. И причины этого приходится искать не въ обратномъ пришествіи «интеллигенціи», какъ опекающаго слоя, что, повидимому, думаетъ т. Булкинъ. Такого „второго пришествія“ нѣтъ. Гдѣ та „большевистская“ интеллигенція, которая теперь, въ наши дни, сидѣла бы на плечахъ большевистской части пролетаріата, какъ сплоченный общественный слой? Ея нѣтъ: большевистская интеллигенція ушла отъ „ленинизма“. Ушли Богдановы, Луначарскіе, Рोजковы, Покровскіе, Базаровы и мн. другіе; даже Алексинскіе отъ него ушли. Побѣды „Правды“ надъ организованнымъ рабочимъ движеніемъ не суть побѣды какаго-нибудь слоя интеллигенціи съ опредѣленной стройной идеологіей. Вѣдь, для этихъ побѣдъ то и характерно, что кучка людей въ буквальный смыслъ слова безъ имени или съ именами неудобно-называемыми, кучка, представляющая собой не интеллигенцію, а скорѣе интеллигентскій люмпенъ-пролетаріатъ, беретъ въ руки палку и становится „капраломъ“, имѣя въ качествѣ идейнаго знамени имя одного интеллигента—Ленина. Но, если она, взявъ палку, могла стать капраломъ, значитъ, была—въ большевистской части пролетаріата—потребность въ такой палкѣ и въ такомъ капральствѣ. Вѣдь, чтобы въ своемъ родѣ сознательные рабочіе „приняли“ все, что имъ навязываютъ эти капралы, приняли даже пресловутаго „икса“, въ качествѣ командира, — для этого нужно было, чтобы эти рабочіе *жаждали* „крѣпкой власти“ надъ собой. Пусть это будетъ жажда интеллигентской власти — по старой памяти о лучшихъ дняхъ интеллигентской власти, — но на дѣлѣ они удовлетворили свою жажду, получивъ диктатуру не интеллигенціи, какъ цѣлаго обширнаго слоя, а отдѣльныхъ, повторяемъ, скорѣе люмпенскихъ кружковъ, откровенно-демагогическихъ и свободныхъ отъ „идеализма“, характернаго для русской революціонной интеллигенціи. И тов. Булкину надо было бы не изображать положеніе дѣлъ въ современномъ рабочемъ движеніи въ краскахъ 1904—6 гг., а поставить себѣ прежде всего вопросъ: какія спеціальныя причины — на фонѣ несамостоятельности классоваго мышленія, укрѣпленной годами интеллигентской опеки—вызвали такую сильную тягу части пролетаріата къ новому „начальству“, къ новой „сильной власти“.

Если-бъ тов. Булкинъ этотъ вопросъ поставилъ и на него отвѣчалъ безъ предвзятаго мнѣнія, онъ долженъ былъ бы сказать: то романтически, бунтарски настроенная часть пролетаріата возмутилась противъ „ликвидаторовъ“, противъ обнаружившейся въ рабочемъ движеніи 1907—11 гг. европейской социалдемократи-

ческой струи, противъ начавшагося строительства „открытой рабочей партіи“ марксистки-воспитанными элементами пролетаріата.

Противъ *вась* т. Булкинъ, противъ васъ и подобныхъ вамъ руководителей рабочаго движенія послѣднихъ лѣтъ направлень этотъ „бунтъ“, и онъ имѣетъ свои глубокіе корни. Вы не смотрите на то, что сбитый „правдизмомъ“ съ толку рабочій—романтикъ проклинаетъ Потресова, обвиняетъ „измѣнникомъ“ Череванина, грозитъ убить Ежова и т. д., никогда, быть можетъ, не читая этихъ писателей: романтизмъ всегда немного склоненъ къ „символизму“ и не можетъ называть вещи своими именами. Онъ говоритъ „Ежовъ“, а имѣетъ въ виду тотъ скептицизмъ, съ которыми рабочіе—марксисты отзывались на разговоры о „возстаніи“, могущемъ произойти въ любую осень; онъ кричитъ: „Потресовъ“, а таитъ въ сердцѣ обиду за развѣнчиваніе всесторонняго „бойкота“; онъ ругаетъ Череванина, а вспоминаетъ призывы къ организаціи, рѣзкую критику „партизанства“, борьбу противъ „стачечнаго азарта“, увѣщанія не игнорировать реального соотношенія общественныхъ силъ, призывы къ теоретическому углубленію своихъ политическихъ позицій. Это—бунтъ противъ Дементьевыхъ, Гвоздевыхъ, Чиркиныхъ, Романовыхъ, Булкиныхъ, Кабановъ и т. д.—какъ представителей цѣлага, въ столпцахъ довольно густого, слоя марксистовъ—рабочихъ, пытавшихся и пытающихся „ликвидировать“ младенческо—романтическую стадію русскаго рабочаго движенія. Въ борьбѣ противъ этого слоя пробужденные общественнымъ подъемомъ романтическіе элементы хватаются за люмпенскіе кружки „правдивоствъ“, какъ за вѣншую силу, могущую придать имъ недостающую—именно вслѣдствіе ихъ незрѣлости—политическую оформленность и дисциплину. Не будь этихъ кружковъ, они потянулись бы къ Плеханову, къ лѣво-народникамъ, къ синдикалистамъ. Впрочемъ, если именно правдивостское люмпенство притянуло ихъ сильнѣе, чѣмъ могли это сдѣлать Плехановъ, синдикалисты и (пока!) народники, то это снова доказываетъ, что „правдизмъ“ самъ въ себѣ имѣетъ извѣстныя, недостающія его конкурентамъ, свойства приспособляемости, дѣлающія его въ русскіхъ условіяхъ наиболѣе жизнеспособной изъ демагогическихъ группъ (и это несмотря на испускаемые имъ „иксы—лучи“).

Тов. Булкинъ не имѣлъ теоретической рѣшимости взглянуть въ глаза этой истинѣ, этому весьма вѣрному факту серьезной и глубокой идейной борьбы, которая охватываетъ широкіе слои пролетаріата и въ которой онъ долженъ будетъ изжить свои романтическія иллюзіи, ибо нѣтъ силы, которая могла бы надолго остановить ростъ марксизма, марксистскаго социалдемократизма въ разъ пробудившемся рабочемъ классѣ. Не рѣшившись взглянуть въ глаза этому факту, т. Булкинъ пытается, реконструировавъ картину движенія, какою она была въ 1905—7 гг., искать исхода въ организаціи, такъ сказать, классовой борьбы внутри социалдемократіи: рабочіе (съ марксистской по духу интеллигенціей) противъ мелкобуржуазныхъ элементовъ! Тутъ на первыхъ же порахъ т. Булкинъ сталкивается съ тѣмъ неприятнымъ для него фактомъ, что эта форма уже предвосхощена... тѣмъ самымъ большевизмомъ, противъ котораго онъ борется. Какъ все, могущее быть превращеннымъ въ якобы—

марксистскій шаблонъ, и эта формула не безъ успѣха использована „правдистами“. И тов. Булкинъ начинаетъ съ первой уступки имъ—съ признанія пѣкоторой правильности ихъ дѣленія с.д. фракціи на куріальныхъ и не-куріальныхъ депутатовъ, съ выраженія не-согласія съ доводами Ф. Д. С. и другихъ публицистовъ „Нов. Р. Р.“ противъ этого дѣленія. Онъ дѣлаетъ имъ вторую уступку, когда источниковъ не чисто пролетарскаго характера современнаго социалдемократіи ищетъ въ вліяніи ея въ отдѣльных мѣстахъ на демократическіе слои избирателей, на тѣхъ самыхъ „попутчиковъ“, которыми Г. Зиновьевы играютъ для того, чтобы объяснить наличность „ликвидаторства“ въ нашемъ движеніи. Между тѣмъ, совершенно ясно, что именно „куріальное“ существованіе русскаго фабрично-заводскаго пролетаріата, то есть его полная общественная и культурная оторванность отъ другихъ демократическихъ классовъ,<sup>1)</sup> выработка имъ своей политической фizioноміи внѣ повседнежнаго общенія и тренія съ другими общественными слоями создавало и создаетъ всѣ тѣ предпосылки, которыми питается однобокость и упрошенность его политическаго міровоззрѣнія, сдѣлавшія возможнымъ въ 90-ыхъ годахъ претвореніе въ его средѣ марксизма въ „экономизмъ“, а въ 900-ыхъ—въ большевизмъ и неизмѣнно обрекавшія его на роль наковальни для молота демагогіи. Вѣдь, еще съ 90-ыхъ П. Б. Аксельродъ подчеркивалъ и указывалъ, что выработка дѣйствительно классового самосознанія при условіяхъ слабой дифференцированности общества, пойдетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ успѣшнѣе втянемъ мы передовые слои пролетаріата въ тѣ сферы общественныхъ интересовъ, въ которыхъ бьется пульсъ русской политической жизни; чѣмъ, слѣдовательно, скорѣе удастся намъ разбить стѣну, отгораживающую фабрично-заводскую жизнь отъ остальной жизни страны. Много было сдѣлано въ этомъ отношеніи „Искрой“ и ея послѣдователями; гораздо больше—„инородческими“ с.д. партіями, для которыхъ старалось само правительство: у нихъ съ самаго начала этой разобщенности не было, и въ значительной мѣрѣ, этимъ объясняется другой ходъ развитія пролетарскаго движенія. У насъ и послѣ „Искры“ меньшевикамъ пришлось опять выдвигать ту же задачу и при „земской кампаніи“, и тогда когда они звали рабочихъ къ выборамъ въ Думу и тогда, когда „ликвидаторы“ усиленно привлекали рабочихъ къ участию въ „общественныхъ сѣздахъ“. Отказомъ отъ этой традиціи, тѣсно связанной съ стремленіемъ отстоять марксизмъ въ рабочемъ движеніи отъ всѣхъ видовъ романтической реакціи, является капитуляція тов. Булкина передъ „куріальнымъ аргументомъ“. Нѣтъ: именно потому, что выборы въ рабочей куріи происходятъ не на почвѣ *классовой борьбы*, внѣ соприкосновенія пролетаріата съ организованными общественными силами, а лишь въ плоскости его соприкосновенія съ аппаратомъ полицейскаго государства, какъ таковымъ, какъ аппаратомъ голагаго насилія—именно поэтому, въ этихъ выборахъ классовое содержаніе выражено лишь элементарно, односторонне, неполно, и постольку ими дается лишь слабая гарантія дѣйствительной партійности,

1) Кроме политически и культурно—отсталого крестьянства.

то есть марксистской устойчивости избранниковъ рабочей курии, какъ таковыхъ. И именно потому, что выборы по городской курии, при всѣхъ неблагоприятныхъ для пролетаріата и социалдемократіи условіяхъ, даютъ возможность болѣе разностороннему развитію классового содержанія политической борьбы,—именно поэтому въ извѣстныхъ случаяхъ с.д.-успѣхи въ этой курии означаютъ дѣйствительный прогрессъ движенія, какъ движенія классового.

Резюмируемъ: тов. Булкинъ пытается бороться съ большевистской „простотой“ путемъ извѣстнаго „опрошенія“ меньшевизма, путемъ возвращенія рабочаго „ликвидаторства“ къ его провозвѣстникамъ прошлаго десятилѣтія въ лицѣ „антиинтеллигентскихъ“ противниковъ тогдашней партійной организаціи. Но рабочее движеніе дѣйствительно выросло и усложнилось. Орудія идейной борьбы не могутъ браться теперь изъ арсенала первой половины 90-ыхъ годахъ, тѣмъ болѣе, что и противникъ вооруженъ лучше, чѣмъ тогда. Противъ пулеметовъ правдистской демагогіи нельзя идти съ кремневымъ ружьемъ „Рабочей воли“. Идейная борьба, возникающая теперь въ болѣе широкихъ кругахъ пролетаріата, должна быть изжита до конца, которымъ не можетъ не быть ликвидація политическаго романтизма. Въ этой борьбѣ марксистская рабочая интеллигенція побѣдитъ не какъ фракція, организующая классовую борьбу внутри социалдемократіи между пролетаріатомъ и мелкой буржуазіей, но какъ авангардъ классовой борьба пролетаріата, мобилизующій его классовой разумъ противъ эксплуатируемыхъ извнѣ и извнутри проявленій унаслѣдованной пролетаріатомъ „мелкобуржуазной“ стихіи.

Л. М.

## На что они рассчитываютъ?

(Кадетская дискуссія).

„Особенность нашего времени“ пишетъ въ „Рус. Вѣд.“ по поводу кадетской партіи В. Маклаковъ,—„броженіе среди единомышленниковъ... Если пресса, которая грѣшитъ скорѣе склонностью скрывать ошибки своихъ, рѣшилась высказать неудовольствіе, значитъ неудовлетворенность дошла до того напряженія, когда замалчивать ее только опасно. Наступилъ предѣлъ, когда тайное становится явнымъ...“ Фактъ, отмѣчаемый Маклаковымъ, очень симптоматиченъ. Благодаря нарастанію общественнаго движенія и значительному сдвигу въ политической подпочвѣ недавно произошелъ обвалъ—раскололась на три части партія октябристовъ. Теперь по той же причинѣ нарушился внутренний миръ кадетской партіи. Ей не грозитъ расколъ, но распря въ ея рядахъ приняла уже такіе размѣры, что приходится вы-

нести споръ на судъ общественнаго мнѣнія. На вождей нападаютъ въ партіи и слѣва и справа. Лѣвые кадеты на страницахъ хотя и сугубо умѣреннаго, но менѣе „отвѣтственнаго“ либеральнаго органа — „Русскихъ Вѣдомостей“ забили тревогу по поводу того, что кадетская фракція въ Думѣ слишкомъ вяло, слишкомъ неэнергично дѣлаетъ оппозицію правительству. Такіе же голоса раздавались на совѣщаніи земскихъ дѣятелей по адресу дипломатическаго кадетскаго оратора: „Мы не должны прятать наше программное требованіе всеобщаго избирательнаго права, намъ нужно быть принципиальными“, шумѣли кн. Шаховской и др. Раньше, чѣмъ обнаружилось это недовольство на лѣвомъ флангѣ, подѣ влияніемъ того же общественнаго сдвига, того же наростанія общественнаго движенія, стали раздаваться тревожные гудки на крайне правомъ крылѣ партіи.

Отдаленная перспектива новой „смуты“ всполошила „вѣщаго“ Петра Струве, который по сему случаю началъ кликушествовать на страницахъ „Русской Мысли“. Господинъ Струве тоже хочеть использовать наростаніе недовольства въ странѣ для „достиженія“ свободы, но свободы, примѣнительной къ... традиціонной власти. По этому сей, нынѣ славянофильствующій, декадентъ торопится преподать свои мудрые совѣты „больной власти“, предлагая ей для исцѣленія снадобье, изготовленное въ „вѣхистской“ аптекѣ.

„Въ 1904—1906 г.г.—пишетъ онъ въ „Русской Мысли“—произошелъ великій переломъ, который состоялъ въ томъ, что интеллигенція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ химически соединилась съ народомъ... Былое пассивное содружество власти и народа рушилось“. „Это неестественное положеніе власти въ безвоздушномъ пространствѣ чрезвычайно опасно и для власти и для страны“. Отсюда проистекаетъ „проблема, которая должна быть осуществлена совокупными усиліями вѣхъ прогрессивныхъ и въ тоже время охранительныхъ силъ“—проблема „оздоровленія власти“. Эта проблема рѣшается приобщеніемъ къ властвованію „среднихъ элементовъ страны“, созданіемъ опоры для власти „въ среднихъ слояхъ, въ земледѣльческомъ (читай—землевлдѣльческомъ! А. М.) и буржуазномъ классѣ“. Задача эта уже поставлена была въ 1907—1913 г. въ эпоху „успокоенія“. „Въ этомъ, говоритъ Струве, было историческое призваніе Столыпина и тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые шли подъ флагъ октябризма(!)“. „Но эпоха успокоенія была потеряна въ смыслѣ органическаго укрѣпленія власти“. Власть проявила до сихъ поръ еще слишкомъ мало охоты къ „самоограниченію“, ибо она въ борьбѣ съ революціей покинула „нейтральную“ позицію и прониклась „политическимъ направленствомъ“. Отъ этого увлеченія „политикой“, однако, власть можетъ излечиться, ибо „сдѣлалась современной реакціи находится внѣ бюрократіи, какъ таковой“; оно находится въ объединенномъ дворянствѣ“. „Въ общемъ и цѣломъ русской чиновникъ—такой же обыватель, какъ и всѣ прочіе, и поскольку... это обывательство не преодолѣвается профессионально—служебной тенденціей... бюрократія въ массѣ не идетъ съ реакціей“. Что „оздоровленіе власти“ возможно частично уже сейчасъ, показываетъ примѣръ „либеральнаго“ режима, который утвердился на Кавказѣ при намѣстничествѣ графа Воронцова-Дашкова, несмотря на то, „можетъ быть, именно потому, что Воронцовъ—Дашковъ старозавѣтная фигура“.

Таковъ охранительно-прогрессистскій, бюрократически-конституціонный рецептъ для обновленія Россіи, прописанный вѣщимъ знахаремъ Петромъ Струве!

Туда же, хотя и болѣе окольными путями, зоветъ сейчасъ кадетскую партію сладкорѣчивый Маклаковъ. „Кто еще не утратилъ“, пишетъ онъ, „если не вѣры (вѣра уже утрачена), то по

крайней мѣрѣ желанія найти выходъ изъ тупика безъ революціонныхъ взрывовъ, безъ помощи внѣшнихъ неудачъ и катастрофъ“, тотъ долженъ избрать новый путь, соотвѣтствующій измѣнившейся ситуаціи. Въ третьей Думѣ, послѣ того, какъ Столыпинъ освободился отъ «безразличной (!) или, пожалуй, прогрессивной (!) политики», послѣ того, какъ «открылся націоналистическій курсъ» и когда думское большинство этотъ курсъ, «быть можетъ, скрѣпя сердце поддерживало», оппозиціи приходилось бороться и съ правительствомъ и съ самой Думой. Въ четвертой Думѣ мы по прежнему, даже больше прежняго, должны быть въ оппозиціи правительству и его политикѣ. Но теперь, «за 1½ года въ Думѣ правительственнаго большинства не нашлось», теперь и «октябристы идутъ въ томъ же направленіи, какъ оппозиція»; по этому теперь намъ приходится бороться не противъ нихъ, а вмѣстѣ съ ними». Чтобъ изолировать реакцію и толкнуть власть на путь реформъ, кадеты должны заключить съ октябристами «соглашеніе на конкретной программѣ, хотя и не кадетской, но прогрессивной»; это «создастъ правовое и психогическое давленіе на власть». Такое «превращеніе Думы 3-го іюня въ прогрессивную Думу подниметъ интересъ къ ней и симпатіи страны больше, чѣмъ краснорѣчіе оппозиціи»... И съ этимъ нужно торопиться, иначе будетъ поздно...

Нынѣшнія платформы Струве и Маклакова есть по существу старая идеологія «Вѣхъ», переложенная на языкъ практической политики. Но «Вѣхи» писались въ моментъ буржуазнаго испуга; поэтому авторы ихъ выдвигали на первый планъ отрицательную, «успокоительную» сторону своей программы и злобно обрушивались на предполагаемаго виновника всѣхъ бѣдъ — на „интеллигенцію“, т. е. на революціонныхъ идеологовъ. Теперь ситуація измѣнилась. Страна начинаетъ лѣзвѣть, буржуазія начинаетъ оправляться отъ испуга. По этому «вѣхисты» сейчасъ утратили свой воинственный пылъ и выдвигаютъ на первый планъ положительныя задачи. Они теперь не говорятъ открыто о крестовомъ походѣ противъ интеллигенціи, и жалобно и меланхолически зываютъ лишь къ заключенію мира съ «нейтральными» элементами бюрократіи и съ «полѣвѣвшимъ» октябризмомъ. Меланхолическіе призывы Струве и Маклакова сейчасъ, однако, никакого отклика не находятъ въ кадетской партіи.

Даже товарищъ Струве по „Вѣхамъ“ — А. Изгоевъ въ той самой книжкѣ „Русской Мысли“, въ которой выдвигается «проблема оздоровленія власти», пишетъ:

„Черезъ IV Думу обновленіе не совершится. Политика береженія ея никакихъ за собой разумныхъ основаній не имѣетъ... Неудача „лѣвыхъ октябристовъ“ не есть ихъ личная неудача. Она знаменуетъ собой крахъ цѣлой идеи. Обновленіе Россіи не можетъ совершиться силами помѣстнаго класса. Лучшіе люди его безсильны. 1861 г. не повторится. Рѣшеніе общественной задачи переходитъ въ другія руки: „идетъ демократія“.

Слово «демократія» въ устахъ Изгоева имѣетъ, конечно, специфическій смыслъ. Одинъ фактъ возрожденія рабочаго движенія не побудилъ бы Изгоева говорить такія рѣчи. Если Изгоевъ констатируетъ, что «идетъ демократія», то это значитъ, что



слышенъ голосъ уже не только рабочихъ, что изъ всѣхъ щелей начинаютъ уже выползать на свѣтъ запуганные либеральные обыватели. Именно это послѣднее «движеніе» и подсказываетъ Маклакову, что «положеніе Думы теперь благодарнѣе», именно это побуждаетъ его и Струве горопитаться со своими совѣтами, ибо кто знаетъ, что день грядущій намъ готовить, кто знаетъ, не превратится ли «движеніе» въ смуту?

Но па бѣду ни «больная власть» ни «земцы-октябристы» не обнаруживаютъ пока никакого желанія идти на встрѣчу правымъ кадетамъ. Пока „движеніе“ наблюдается только въ странѣ, а правящіеся сферы остаются неподвижно въ своей охранительной позѣ. При такихъ условіяхъ рѣчи Струве и Маклакова, не суля и «клока шерсти», лишь компрометируютъ кадетскую партію въ глазахъ тяготящей къ ней обывательской массы.

Это хорошо понимаютъ менѣе «импрессионистскіе» кадетскіе вожди и особенно хитроумный Милюковъ, котораго прямо такъ разсердили эти «безтактные» совѣты. П. Милюковъ, очень мягко возражая на нападки друзей слѣва, обрушивается въ «Рѣчи» двумя сердитыми фельетонами противъ Струве и Маклакова. «Упреки», обращенные къ оппозиціи,—въ ослабленіи опредѣленности и энергіи», пишетъ онъ, «должны удесятериться въ случаѣ принятія совѣтовъ В. А. Маклакова, ибо именно на подозрѣніи въ склонностяхъ къ этого рода совѣтамъ они и основываются». Конечно, эти упреки сами по себѣ не смутили бы Милюкова и К°, если-бъ совѣты Маклакова имѣли какое либо практическое значеніе, но они безплодны:

„Попытка соглашенія, о которомъ говорить В. А. Маклаковъ, только что была сдѣлана по инициативѣ А. И. Коновалова... Всѣмъ извѣстно, что попытка эта оборвалась не на сопротивленіи слѣва... Когда очередь дошла до земцевъ-октябристовъ... эта группа отвѣтила на предложеніе слѣва—декларацией независимости“... Очевидно, продолжаетъ съ досадой Милюковъ, что „власть обладаетъ несравненно большими средствами, чтобы дать почувствовать этимъ дѣятелямъ зависимость отъ себя, чѣмъ имѣютъ они, чтобы держать въ зависимости власть... Въ процессѣ „изоляция“ власти эти люди будутъ послѣдними, которые отпадутъ. И они отпадутъ тогда, когда въ нихъ никакой надобности не будетъ для общества“.

Милюковъ сердится—зелепъ виноградъ!..

Еще рѣшительнѣе Милюковъ отвергаетъ совѣты Струве. Почему, спрашиваетъ Милюковъ, Струве считается только съ однимъ выходомъ изъ настоящаго положенія—съ „оздоровленіемъ власти“? Почему онъ игнорируетъ другую имъ же начертанную перспективу—„постепеннаго нарастанія государственной смуты, въ которой средніе классы... будутъ оттѣснены на задній планъ стихійнымъ напоромъ народныхъ массъ“? Вѣдь, какъ бы не былъ „желателенъ“ первый выходъ, нельзя же отрицать, что при „русскихъ условіяхъ“, когда по признацію Струве „изъ потрясеній не выносятся никакихъ уроковъ“, наиболѣе вѣроятенъ какъ разъ путь, ведущій черезъ „великія потрясенія“? Далѣе, Милюковъ подвергаетъ критикѣ и то, что „желательно“ Петру Струве. Еслибъ Струве, говоритъ онъ, захотѣлъ быть послѣдовательнымъ, еслибъ онъ осмѣлился ясно формулировать свой совѣтъ, онъ бы сказалъ: „Дайте участіе во властвованіи

среднимъ классамъ (именно „классамъ“) и съ ихъ помощью держите въ повиновеніи народныя массы“. Но даже эта формула слишкомъ радикальна для словянофильствующаго Струве. „Казалось, предлагая власти опираться на болѣе широкій социальный базисъ, чѣмъ „объединенное дворянство“, П. Б. Струве предлагаетъ ей все таки нѣкоторый базисъ, .. обязывающій къ определенной социальной политикѣ. Но „чтобы сдѣлать свою мысль болѣе пріемлемой для власти“, онъ дополняетъ ее теоріей политической „нейтральности“ власти, теоріей, вовсе не чуждой и современной „больной власти“ и совершенно несомнѣстимой съ какимъ бы то ни было конституціонализмомъ:

„Что скажетъ П. Б. Струве“, спрашиваетъ Милюковъ коварно, „если И. Л. Горемыкинъ выйдетъ въ Г. Думѣ съ деклараціей... что власть выше партій, такъ какъ исходитъ изъ одного источника, что никакое участіе общественныхъ элементовъ въ „властвованіи“ для нея „недопустимо“, и это въ своей „нейтральности“ она усматриваетъ связь свою съ тѣми традиціями, въ которыхъ нѣтъ мѣста никакимъ „новымъ явленіямъ“?..

Я думаю, что оставаясь послѣдовательнымъ, П. Б. Струве долженъ будетъ признать такую декларацію вполне совмѣстимой со своими принципами „оздоровленія власти“, особенно... если будетъ прибавлено еще нѣсколько теплыхъ словъ о „развитіи производительныхъ силъ“.., какъ это сдѣлано въ деклараціи „Новаго Времени“.

Очень ехидные вопросы Милюковъ предлагаетъ Петру Струве!.. Но эти ехидные вопросы обязываютъ и мы вправѣ спросить самаго Милюкова, какіе же онъ дѣлаетъ практическіе выводы изъ того, что на октябристовъ нечего рассчитывать, что вѣроятнѣе всего „они отпадутъ отъ власти, когда въ нихъ никакой надобности не будетъ для общества“, что соглашеніе власти со средними классами („именно классами“) предполагаетъ недоброе намѣреніе „и [съ помощью держать въ повиновеніи народныя массы“, что „при русскихъ условіяхъ“ путь къ обновленію вѣроятнѣе всего лежитъ „черезъ постепенное нарастаніе государственной смуты“?

Изъ фельетоновъ Милюкова видно только, чего не слѣдуетъ дѣлать, что совѣты Струве и Маклакова нужно рѣшительно отвергнуть. Но вопросъ въ томъ, что же дѣлать? По этому вопросу дипломатическій лидеръ кадетской партіи хранить загадочное молчаніе.

Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ дастъ, однако, другой представитель кадетскаго центра—Шингаревъ, который тоже принялъ участіе въ этой тактической дискуссіи, который также, какъ и Милюковъ, отвергаетъ соглашеніе съ октябристами: „Оппозиція“, пишетъ онъ въ „Рѣчи“, „должна оставаться не только оппозиціей, направленной противъ реакціонной власти, но и оппозиціей рыхлымъ, неустойчивымъ, приспособляющимся .. теченіямъ октябризма, которыя мѣшаютъ политическому освобожденію Россіи, и не помогаютъ ему“. Что же непримиримый Шингаревъ совѣтуетъ дѣлать? Объ этомъ онъ говоритъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 45) Послушаемъ его:

„Безсиліе оппозиціи Думы есть результатъ безсилія страны. Безъ поддержки организованнаго общества законодательныя учрежденія будутъ еще

болѣе неустойчивыми.. Одно для всѣхъ должно быть ясно... Равно обязательна при всякихъ условіяхъ громадная организаціонная работа въ странѣ, которая до сихъ поръ еще проводится слабо, безъ должной энергіи и упорства... Работа въ странѣ во много разъ тяжелѣе, чѣмъ въ Думѣ, но именно сюда начинаетъ переходить центр тяжести политической борьбы“.

Отвѣтъ какъ будто вполне удовлетворительный: но отвѣтъ этотъ данъ въ общихъ, отвлеченныхъ выраженіяхъ, а намъ желательно было бы знать, кого или что Шингаревъ подразумеваетъ, говоря о „странѣ“, о какомъ „организованномъ обществѣ“ или организованныхъ общественныхъ силахъ онъ говоритъ, какую политическую борьбу „въ странѣ“ онъ имѣетъ въ виду? И вотъ, если мы раскроемъ скобки формулы Шингарева, то окажется, какъ видно изъ контекста его статьи, что подъ „организаціонной работой“ и „политической борьбой“ въ „странѣ“ здѣсь подразумѣвается всего на всего лишь—борьба на аренѣ мѣстнаго самоуправления. Но вѣдь въ мѣстномъ самоуправленіи населеніе такъ же худо или, вѣрнѣе, еще хуже представлено лишь въ Гос. Думѣ, вѣдь тамъ „оппозиція“ еще малочисленнѣе, вѣдь на дверяхъ этихъ учреждений висятъ еще болѣе тяжелые „замки“, чѣмъ тѣ, которыми, по выраженію Милокова, „заперто дѣло прогрессивнаго законодательства“ въ Россіи? Увы Шингаревъ это и самъ знаетъ и говоритъ поэтому съ грустью: „Органы самоуправления еще все переживаютъ періодъ затянувшагося исцѣленія послѣ серьезной болѣзни 1906—1907 г. Въ нихъ все еще преобладаютъ испуганные собственники, не видящіе новой надвигающейся опасности, готовые „работать“ съ властью. Борьба въ странѣ еще болѣе трудна ...чѣмъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ.“

Получается какой то заколдованный кругъ! Выходъ изъ этого круга, однако, вполне возможенъ и на него неоднократно указывали кадетамъ послѣдовательные демократы (безъ кавычекъ!). Стоитъ расширить понятіе „страна“ за предѣлы „payslégal“, за предѣлы населенія, надѣленнаго правами по 3-іюньской конституціи, стоитъ пойти съ призывомъ къ политической самодѣятельности въ эту настоящую „страну“, стоитъ отказаться отъ самоприспособленія къ „испуганнымъ собственникамъ“ и принятъ за приспособленіе всяческихъ собственниковъ къ движенію демократіи: стоитъ либераламъ использовать выгоды и преимущества своего социальнаго положенія для поддержки и въ Думѣ, и въ печати и другими путями той политической борьбы, которая уже ведется съ великими трудностями и съ немалымъ успѣхомъ въ рабочемъ классѣ, стоитъ все это сдѣлать—и заколдованный кругъ будетъ прорванъ. Думская „оппозиція“, найдетъ опору въ „народѣ“. Удобный случай для такой поддержки представлялся, между прочимъ, недавно, когда пролетаріатъ началъ борьбу за свободу печати. Извѣстно, какъ кадеты на нее реагировали. Тутъ, когда рѣчь шла о реальной „поддержкѣ страной“ думской оппозиціи, они даже самаго этого слова испугались, боясь компрометирующаго сосѣдства съ рабочими.

Спрашивается, почему же послѣ этого Милоковъ усердно подчеркиваетъ, что выходъ изъ тупика вѣроятнѣе всего лежитъ,

черезъ „постепенное нарастаніе государственной смуты“ и „напоръ народныхъ массъ, вдохновляемыхъ крайними элементами“? Спрашивается, почему же онъ упрекаетъ Струве за то, что тотъ изъ „вѣхистаго“ доктринерства игнорируетъ эту перспективу? Не есть ли эта перспектива въ устахъ Милокова просто „жупель“, которымъ онъ пугаетъ реакціонеровъ, и на осуществленіи которой онъ вовсе не разсчитываетъ? Этого мы не думаемъ. Милоковъ и уже съ нимъ сейчасъ, при создавшихся условіяхъ, при твердости реакціоннаго курса, какъ видно, дѣйствительно строить свои расчѣты на „постепенномъ нарастаніи смуты“ и еще больше на *ростъ внѣшнихъ государственныхъ осложненій*, что не мѣшаетъ Милокову искренне говорить: „никто, конечно, не желаетъ великихъ потрясеній и всякій изъ насъ предпочелъ бы дѣйственно стремиться къ иному исходу“. Мы вполне допускаемъ, что кадеты въ настоящій моментъ строить свои расчѣты на этой перспективѣ. *Но это и не противорѣчитъ ихъ теперешней тактикѣ*. Вѣдь тактика партіи опредѣляется не только ея взглядомъ на объективный ходъ вещей, не только рисующейся ей исторической перспективой, но и *той ролью, которую она себѣ уготовляетъ въ этихъ будущихъ историческихъ событіяхъ*. Но какъ разъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ Милоковъ благоразумно умалчиваетъ въ своемъ спорѣ съ Маклаковымъ и Струве.

Это, однако, не трудно отгадать на основаніи всего поведенія кадетской партіи. Особенно показательна въ этомъ отношеніи позиція, занятая кадетами въ вопросѣ о русско-германскомъ конфликтѣ, возбужденномъ нѣмецкой печатью. „Близжайшіе годы“, пишетъ Шингаревъ въ цитированной выше статьѣ, „когда Россіи въ 1914 г. необходимо подготовить и заключить новый торговый договоръ съ Германіей, могутъ стать годами крупныхъ внѣшнихъ осложненій и затрудненій, къ которымъ надо подготовиться, быть организованными и сплоченными, если желаемъ успѣха. А между тѣмъ, что дѣлается, ведетъ... къ нарушеніи внутренняго мира“...

Вы видите, г. Шингаревъ уже хочетъ „приготовиться“ къ крупнымъ внѣшнимъ осложненіямъ“ вмѣсто того, чтобы приготовиться къ ихъ предупрежденію и устраненію. Отчего же миролубивый г. Шингаревъ загорѣлся такимъ воинственнымъ пыломъ? Неужели изъ за торговаго договора? Какіе пустяки! „Умысль другой тутъ былъ“ и этотъ, умысль намъ открываетъ „Рѣчь“. „Пусть наша дипломатія не будетъ слишкомъ пуглива“, пишетъ по вопросу о русско-германскомъ конфликтѣ „Рѣчь“. „Но вступая въ полосу испытаній, пусть наше правительство подумаетъ—объ укрѣпленіи „глиняныхъ ногъ“. Справедливо говорить... „Berliner Tageblatt“, что войны нашего времени суть массовыя войны и мудрое государственное искусство должно возбудить одушевленіе и любовь къ родинѣ въ массахъ... Если этотъ добрый совѣтъ ..былъ бы услышанъ у насъ, то не пришлось бы, пожалуй, жалѣть даже и о начавшейся травлѣ. И такъ, ларчикъ просто открывается: „Крупныя внѣшнія осложненія“ имѣютъ выгодную свою сторону; ставя правительство въ затруднительное положеніе, они могутъ „оздоровить власть“ и заставить ее позаботиться „объ укрѣпленіи гли-

няныхъ ногъ“. Этими соображеніями кадеты и руководились, когда они шли недавно на пресловутое „совѣщаніе“ съ Горемыкинымъ, на которомъ они предлагали „пушки за реформы“. Имъ тамъ основательно отвѣтили, что „реформы не стоятъ въ порядкѣ дня совѣщанія“. Но этотъ отвѣтъ ихъ не смутилъ и не смутить. Исходя изъ „революціонныхъ“ перспективъ Милокова, они тонко рассчитываютъ, что по мѣрѣ „постепеннаго нарастанія смуты“, а особенно по мѣрѣ того, какъ будетъ запутываться узелъ внѣшнихъ осложненій, будетъ приближаться моментъ, когда изолированная власть почувствуетъ въ нихъ нужду, когда въ „сферахъ и цѣна на кадета и на „средніе классы“ пойдетъ въ гору, если, конечно, кадеты до того не слишкомъ скомпрометируютъ себя въ глазахъ власти, если они до того не слишкомъ переусердствуютъ въ дѣлѣ ея изоляціи.

Въ результатѣ мы видимъ, что не такая уже большая пропасть отдѣляетъ Милокова отъ Струве и Маклакова. И Милковъ мечтаетъ объ „оздоровленіи власти“ и онъ мечтаетъ о соглашеніи между властью и „средними классами“. Онъ только хочетъ совершить эту сдѣлку на болѣе выгодныхъ для „общества“ условіяхъ; онъ только ждетъ для этого болѣе благопріятнаго момента; онъ только съ меньшимъ страхомъ смотритъ въ глаза грядущимъ „великимъ испытаніямъ“, которымъ не онъ и не его партія, а другіе могутъ подвергнуть упрямую власть.

Сейчасъ, подъ вліяніемъ нарастанія движенія въ странѣ и сгущенія правительственной реакціи, въ большинствѣ своемъ лѣвѣютъ, но лѣвѣя они все же остаются вѣрными нашей старой либеральной традиціи, которую еще въ 1859 г. Добролюбовъ мѣтко характеризовалъ эпиграфомъ, взятымъ у Гоголя—„Я уже мигаю Лукьяну Федосѣвичу, чтобы онъ козырялъ—нѣтъ... А вѣдь тутъ только козырни, валеть мой пикъ и беретъ“.

Къ счастью, и у русской демократіи есть столь же старая традиція—зорко слѣдить за тѣмъ, какъ либералы ведутъ свою игру.

*А. Мартыновъ.*

## Огненное слово.

*(къ столѣтію со дня рожденія Т. Г. Шевченко  
25 ф. 1814—25 ф. 1914 г.).*

„Подалъ дуні убогій силу  
Щобъ огненно заговорила,  
Щобъ слово пламенемъ взялось  
Щобъ людямъ, серце разгонило  
І на Україну понеслось  
І на Україні святилось  
Те слово—Божее кадило  
Кадило истини!“

Бываютъ поэты, влюбленные въ «звоны-перезвоны», въ холодныя слова. Они пишутъ по формулѣ «быть можетъ, все въ мірѣ

лишь средство для ярко пѣвучихъ стиховъ». Это пѣвцы для гостиной, «пѣвцы, которые правятся» по выраженію пѣвца демократіи Уитмана. Они заняты только собой, въ ихъ груди бьется «холодное сердце русалки», они ищутъ «сочетанія словъ», ихъ единое отечество—«пустынная душа».

Отъ стоновъ, страданій людскихъ убѣгаютъ они на высоты Парнаса или удаляются „подъ сѣнь струй“.

Но бываютъ „поэты—отвѣчатели“, поэты „поборники воли“, апостолы великихъ завѣтовъ, которые, какъ Шелли, „горятъ желаньемъ преобразовать міръ“. Они не удаляются на Парнасъ, а вмѣстѣ съ обездоленнымъ людомъ, совершаютъ крестный путь на Голгофу. Прометей, похитившій огонь у боговъ, чтобы принести его людямъ и прикованный за это къ скалѣ — духовный отецъ этихъ поэтовъ. Они приходятъ „глаголомъ жечь“ сердца людей. Они приносятъ міру благу вѣсть братства и человѣчности, они захватываютъ своимъ порывомъ даже равнодушныхъ. Каждый изъ нихъ можетъ сказать о себѣ: „слава моей книги — ничто, порывъ ея—все“.

Стихи ихъ „жгутся“, волнуютъ, мучатъ, поэзія ихъ прошла «сквозь строй», они говорятъ, когда нельзя молчать отъ избытка сердца.

Такимъ поэтомъ былъ Т. Г. Шевченко, бывшій крѣпостной Энгельгарда.

Поэтъ и художникъ, выкупленный въ 1838 году у барина прожилъ на свѣтѣ всего 47 лѣтъ, изъ нихъ 24 года былъ крѣпостнымъ, а 10 лѣтъ содержался въ крѣпостяхъ и казармахъ.

По словамъ поэта Н. А. Некрасова.

Все онъ извѣдалъ, тюрьму петербургскую.  
Справки доносы; жандармовъ любезности—  
Все—и раздольную степь Оренбургскую,  
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, въ неизбѣжности  
Жилъ онъ солдатомъ съ солдатами жалкими.  
Жилъ оскорбляемый всякимъ невѣждою,  
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками,  
Можетъ и жилъ только съ этой надеждою.

Въ всемъ посвященіи сестрѣ поэтъ замѣчаетъ съ грустью, что ему нравилось пройти „ще зѣ-малечку колючу ниву“.

Ребенокъ-пастухъ, потомъ казачекъ у барина въ передней, потомъ школьный «попихачъ», крѣпостной, политическій узникъ, штрафованный солдатъ, которому втеченіе шести лѣтъ запрещали рисовать, Т. Г. Шевченко всю свою жизнь шелъ по колючему полю.

Поэтъ затрачивалъ по его признанію огромныя усилія «чтобы не погибнуть», года неволи надломили его чуткую, нѣжную душу, но эти же годы выковали пламенную ненависть къ притѣснителямъ. Онъ сталъ суровымъ обличителемъ «жестокихъ, людей неситихъ».

Черезъ великія, незабываемыя муки онъ пришелъ «къ страшному уразумѣнію своего прошлаго». Огненное слово поэта—

*выстрадавшее слово.* Не холодная русалка, а кнутомъ изсѣченная муза подсказала поэту черныя страницы и горькія думы.

Но у Т. Г. Шевченко вы никогда не найдете пессимистической просебятны, причитаній и жалобъ. Крѣпостной людъ скорбитъ, мечтаетъ, отдается воспоминаніямъ, и протестуетъ въ каждомъ стихотвореніи, въ каждой поэмѣ Шевченко.

О немъ говорить біографъ: „Душа його боліла за увесь замученій рідній йому людъ і голосъ його — то бувъ голосъ того люду“.

Вмѣстѣ съ народомъ онъ жаждетъ пришествія правды.

• Выстрадавшее слово поэта было стономъ и протестомъ замученнаго народа. Т. Г. Шевченко, какъ пророкъ Іезекиль, котораго онъ иногда вспоминалъ, обращался къ людямъ, какъ власть имущій, забывая о себѣ.

„Слова його лились, текли  
і въ сердце падали глибоко,  
і ніби тимъ огнемъ пекли  
Холодні душі“.

Не кающійся дворянинъ оплакивалъ долю Антона Горемыки и взывалъ къ состраданію, а протестовалъ, вчерашній крѣпостной, вчерашній рабъ и каждое слово его горѣло краской стыда и кипѣло негодованіемъ противъ тѣхъ, кого онъ называлъ: „коты“, „людоѣды“, „пани лукави“, „псари и псарята“.

Каждое его слово, каждый образъ, это—„слезы—кровь“.

Родная хата и степная могила давали поэту богатѣйшій матеріалъ для его творчества. *Воспоминанія* о прошломъ Украины, съ одной стороны и личныя *переживанія* съ другой — рисовали въ его воображеніи и картины былого и образы настоящаго. Разсказъ дѣда, пѣсни кобзарей превращали самого поэта въ кобзаря—не слѣпого, а зрячаго.

Первый, великій, народный поэтъ былъ послѣднимъ великимъ кобзаремъ и въ его поэзіи переплелись красными кровавыми нитями легенда о были.

Т. Г. Шевченко былъ поэтомъ романтикомъ, онъ весь былъ захваченъ національнымъ романтизмомъ, мечтой о великомъ прошломъ. Этой мечтой овѣяны его поэмы „Гайдамаки“, „Гамалія“, „Чернецъ“, „Невольникъ“, его многочисленные лирическія стихотворенія. Поэтъ любилъ *вспоминать* о томъ, что „було, колись, минулося, не вернется знову“. Онъ съ восторгомъ воспѣвалъ героическій періодъ казачества и самый Днѣпръ въ это поэзіи становился сѣдымъ казакомъ.

Степная могила переговаривается съ вѣтромъ, поэтъ плачетъ, а въ его воображеніи.

„Пишними рядами  
Вступають Отамани . . .  
і гетьмани всі въ золоті“

Призраки героическаго прошлаго приходятъ къ поэту въ его „хатину“. садятся подлѣ него.

„И про Украину  
Разговляють, розказують“

Этот романтизм отражал настроенія народовъ, его мечты о прошломъ, но В. Короленко правъ былъ, когда этому „очарованію національнаго романтизма“, этой глубокой тоскѣ о прошломъ славной Украинѣ (противопоставлялъ горячую любовь ко всей странѣ и ея грядущему.

„Козакъ Шевченко, его гайдамаки, его мужикъ и дивчина—представлялись для меня напримѣръ красивой отвлеченностью—пишетъ Короленко. Его „разноплеменная душа“ „протестовала противъ рѣзко подчеркнутаго націонализмъ поэмы Гайдамаки“.

Но мечта о прошломъ переплеталась въ поэзіи Т. Шевченко съ гнѣвнымъ протестомъ противъ кабалы, противъ неволи въ настоящемъ, противъ „распинателей“.

Герои прошлаго вставали какъ урокъ и примѣръ, ихъ слова воскресали какъ завѣтъ борьбы и здѣсь поэзіи Шевченко имѣла огромное реальное значеніе.

Его поэмы, посвященныя подневольному люду, бѣдной голотѣ глубоко реалистичны, его „Наймичку“ нельзя читать безъ слезъ.

Измученный охваченный пламеннымъ гнѣвомъ народъ заговорилъ въ поэзіи Шевченко и тѣ, которые теперь на берегахъ. Днѣпра съ ненавистью проклинають поэта, рвутъ и топчуть его потретъ издѣваются надъ его памятью проявляютъ свою дикую ненависть къ обездоленному люду, къ „Катеринѣ и „Петрусю“.

Огненное слово Шевченко облеклось въ яркіе художественные образы рѣдкой красоты, нѣжности и силы. Поэтъ, который отострилъ поднятую имъ на пыльной дорогѣ вѣточку вербы въ прекрасное дерево, делѣялъ все живое и это живое захватываетъ васъ въ каждой его строкѣ.

Трудно сказать что было бы съ его талантомъ, если бы поэта поддерживала всегда любовь, если бы къ нему относилась по человѣчески, а не травили его съ дѣтства!

Съ какой тоской писалъ поэтъ изъ казармы куда его заточили. о своей убитой душѣ.

Т. Г. Шевченко изъ *мертвой вѣтки* вырастилъ большое красивое дерево и часто подъ тѣнью своей „вербы-фаворитки“ засыпалъ и уносился мечтою хоть во снѣ на родину. (Онъ любилъ эти сны!)

Враги поэта поступили съ нимъ иначе, они всѣми силами стремились растоптать на пыльной дорогѣ уничтожить огромный, живой талантъ, обезкрылить и обезгнѣвить поэта, прииснаго людемъ огонь.

И все таки даже послѣ десяти лѣтъ солдатчины поэтъ спасъ свою музу.

Изъ казармы смердячої чистою святою.

Поэтъ могъ съ гордостью сказать своей музѣ „у насъ нема зерна неправды за собою!

Когда французскій поэтъ Альфредъ Мюссе завѣщалъ, чтобы надъ его могилой посадили иву. Почитатели исполнили его завѣтъ.

Т. Г. Шевченко тоже оставилъ свой „заповітъ“:



Якъ умру, то поховайте  
Мене на могилі  
Середъ степу широкаго  
На Україні милій . . . .  
Щобъ Лани широкополі  
І Дніпро і кручі  
Було видно,—було чути  
Якъ реве могучий“ . . .

Родина выполнила завѣтъ своего поэта, воспѣваго Днѣпръ, какъ Пушкинъ воспѣлъ Неву, а Некрасовъ—Волгу.

Высоко надъ Днѣпромъ возвышается „Тарасова Гора“ и рассказываетъ прекрасную и трогательную легенду о пѣвцѣ Днѣпра.

Эта легенда будитъ горячій откликъ въ каждомъ изъ насъ.

Сто лѣтъ прошло со дня рожденія поэта и свыше 50 лѣтъ со дня его смерти, а „Тарасова гора“ продолжаетъ волновать людей, собирать „бездомную голоту“ и звать ихъ на борьбу.

Когда-то свѣтлый геній человѣчества изгнанникъ Шелли завѣщалъ, чтобы послѣ смерти тѣло его сожгли, а сердце послали на родину... Сердце Т. Г. Шевченко бьется въ каждомъ словѣ его пламенныхъ стихотвореній, въ каждой его думѣ, и всѣ его думы были посвящены Украинѣ, „заплаканной“, „окраденной“, „безталанной“ безконечно ему милой..

Но не только ей. Поэтъ со своимъ огненнымъ словомъ шелъ туда, гдѣ „живі люди въ кайданахъ забиті“, ко всѣмъ тѣмъ, кто вынесъ „лютую муку“.

Ко всѣмъ, кто горячо любитъ свою родину, но не на словахъ а на дѣлѣ.

Нужно-ли удивляться, что въ далекой Сибири въ одномъ изъ городовъ 25 февраля 1914 года вся площадь была запружена народомъ во время панихиды надъ поэтомъ. Тамъ было очень немного малороссовъ, тамъ были люди говорящіе на языкѣ братства и человѣчества.

„Заповіть“ Т. Г. Шевченко поютъ и въ Кіевѣ—на Днѣпрѣ, и въ Саратовѣ — на Волгѣ, и въ Петербургѣ — на Невѣ. Этотъ „заповіть“ и понынѣ звучитъ, какъ живой призывъ:

*„Кой дани порвите,  
І вражою злою кровью  
Волю окропите!  
І мене въ сембі великій  
Въ сембі вольній, новій  
Не забудьте помянути  
Незлимъ, тихимъ словомъ“ \*).*



Грозный признакъ такихъ поминокъ тревожитъ не на шутку нашихъ „двухфранковыхъ патріотовъ“ (такъ зовутъ парижскихъ *kamlo*—черносотенцевъ).

25 февраля 1914 года вся страна не могла семьей великой, вольной, открыто и торжественно помянуть поэта, душу свою положившаго за народъ.

\*) Это стихотвореніе напечатано во всѣхъ сборникахъ Кобзаря см. т. I изд. Яковенка стр. 269.

Почти всюду, и на родинѣ поэта, вмѣсто великаго праздника былъ трауръ безмолвія, трауръ въ странѣ, гдѣ порой и понынѣ „на всѣхъ языкахъ все молчитъ“.

Но если-бы поэтъ поднялся на своей Тарасовой горѣ, оглянулся кругомъ и спросилъ-бы всю страну: слышитъ-ли она и помнить ли его „заповѣтъ“ вся страна отвѣтила-бы ему:

Слышу, батько!.. Слышу и помню!

*В. Львовъ-Рогачевскій.*

## Политическое обозрѣніе.

### Объ устояхъ реакціи.

Не такъ давно засѣдалъ съѣздъ объединенныхъ дворянъ. Газеты отмѣтили этотъ съѣздъ ироніей и насмѣшками. Съѣздъ дѣйствительно носилъ каррикатурный характеръ. Начало своихъ занятія благородное сословіе съ обсужденія вопроса о какихъ-то 100—150 т. р., которые остались недозысканными по исполнительнымъ листамъ съ виновныхъ въ беспорядкахъ и погромахъ 1905—1906 г.г.

Чтобы добиться ихъ взысканія или по крайней мѣрѣ гарантировать себя съ этой стороны въ будущемъ, съѣздъ постановилъ поручить своему совѣту возбудить ходатайство объ отмѣнѣ неприкосновенности надѣльныхъ земель въ „исключительныхъ случаяхъ массовыхъ уголовныхъ преступленій“ и разработать вопросъ о коллективной отвѣтственности крестьянскихъ обществъ за убытки, которые дворяне могутъ потерпѣть отъ этихъ „массовыхъ преступленій“.

Пока все спокойно въ деревнѣ, никакихъ признаковъ волнений и беспорядковъ среди крестьянъ незамѣтно, но дворяне неспокойны. Какъ промотавшіеся люди, они не могутъ успокоиться отъ того, что какая-то мелочь для всей Россіи—100—150 тыс. р.—не взыскана еще съ крестьянъ и боятся, что тоже повторится въ будущемъ. Западная Европа не знаетъ крестьянскихъ волнений погромнаго характера, но для Россіи они оказались возможными и самочувствіе дворянъ говоритъ имъ, что они возможны и въ ближайшемъ будущемъ, что вся столыпинская политика, всѣ аграрныя мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ не гарантируютъ деревню отъ повторенія подобныхъ волнений. Можетъ быть чутье обманываетъ въ данномъ случаѣ дворянъ, но и тогда остается весьма характернымъ это проявленіе страха передъ крестьянами, когда тѣ остаются совершенно спокойными, эта боязнь новыхъ погромовъ и стремленіе обезопасить себя заранее по крайней мѣрѣ отъ матеріальнаго ущерба, который эти погромы могутъ имъ нанести.

Со страхомъ смотрятъ дворяне на крестьянъ, со страхомъ и враждой они относятся также ко всему что способствовало интеллектуальному и культурному подъему крестьянъ. Даже теперешнее земство, земство, въ которомъ дворянамъ обезпечено преобладаніе, вызываетъ у объединенныхъ дворянъ вражду. Членъ Гос. Сов. Н. Е. Раковичъ дошелъ до того, что на земство взвалилъ отвѣтственность за оскуднѣніе переживаемое землевладѣніемъ. Земство, по его словамъ, это „червякъ, подтачивающій землевладѣніе“.

Со страхомъ онъ говорилъ о проектируемомъ волостномъ земствѣ и съ враждой о нынѣ существующей организаціи земства. Нужно помѣшать, по его мнѣнію, всѣми силами непрерывному увеличенію земскаго обложенія и съ этой цѣлью реформировать земство, начавши это реформированіе съ уничтоженія губернскихъ земствъ. Не нужны губернскія земскія собранія, не нужны губернскія земскія управы, не нужны ихъ работа по части медицины, по части народнаго образованія и въ особенности по части статистики, которая „никому никогда не была нужна“.

Съѣздъ присоединился къ мнѣнію г. Раковича и поручилъ совѣту разработать вопросъ о желательности упраздненія губернскихъ земскихъ учреждений.

Это отношеніе къ губернскимъ земствамъ съ перваго взгляда кажется даже страннымъ. Вѣдь, если въ земствѣ вообще обезпечено преобладаніе дворянству; то въ губернскомъ земствѣ въ особенности.

И кн. Ухтомскій, исходя изъ этого, утверждалъ, что борются противъ губернскаго земства дворянамъ, это, значитъ, признать самимъ себя несостоятельными.

Но дѣло объясняется просто. Средній культурный уровень нашего „благороднаго сословія“ чрезвычайно низокъ. Въ своемъ большинствѣ оно способно только къ временному натиску на земство, съ тѣмъ, чтобы подъ вліяніемъ отчаяннаго порыва, совершить въ немъ, подобно гуннамъ, опустошенія. Такой моментъ былъ въ 1906—1907 годахъ. Но систематически заниматься земствомъ и входящими въ кругъ его вѣдѣнія культурными вопросами, дворяне въ своей массѣ не склонны и неспособны. На эту работу идетъ только культурное меньшинство дворянства. Земствомъ прежде, поэтому, владѣли кадеты и отчасти октябристы, натискъ зубровъ въ 1906—1907 г.г. привелъ къ устраненію изъ земства кадетовъ, но поработавши въ земствѣ, произведя въ немъ различныя опустошенія, зубры охладѣли опять къ земству, предоставивши работу въ немъ октябристамъ, которые ближе къ нимъ, чѣмъ кадеты, но которые все-таки кое чѣмъ существенно отъ нихъ отличаются, которые въ дворянствѣ представляютъ все-таки его болѣе культурное меньшинство и которые имѣютъ корни и въ другихъ имущихъ сословіяхъ деревни и города. Большинству дворянства земство такимъ образомъ фатально остается чуждымъ. Измѣнились хозяева земства, измѣнился и третій элементъ, группирующійся вокругъ земства, земскіе представители второго и третьяго элемента сильно поправѣли, а земля все таки вертится, земство продолжаетъ свою культурную миссію, поднимаетъ интеллектуально и культурно

деревню и, хотя и безсознательно, но сколачиваетъ этимъ гробъ и роетъ яму для умирающаго благороднаго сословія. И вотъ ненависть къ этому неизбежнаму очагу культуры начинается шевелиться у нежелающаго умирать дворянства. А тутъ еще рстущее земское обложение, когда дворянство и безъ того съ каждымъ годомъ все болѣе нищаетъ и оскудѣваетъ.

Съѣздъ остался вѣренъ себѣ и дальше, когда горячимъ сочувствіемъ поддержалъ Пуришкевича въ его походѣ противъ бывшаго недавно съѣзда по народному образованію, и призналъ нежелательнымъ созывъ въ будущемъ подобныхъ съѣздовъ.

Закончились занятія съѣзда резолюціями, направленными противъ инородцевъ, финляндцевъ и евреевъ. Относительно финляндцевъ съѣздъ постановилъ присоединить къ имперіи всю Выборгскую губ., а не только три прихода, привлечь Финляндію къ большому несенію военно—финансовой тяготы, и напомнить правительству о „неуклонномъ“ проведеніи закона объ общеимперскомъ законодательствѣ.

Что касается евреевъ, то съѣздъ нашелъ нужнымъ во первыхъ исключить ихъ изъ арміи и во вторыхъ процентную норму, существующую въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, распространить на женскія среднія школы.

Итакъ вражда къ живущимъ съ ними бокъ о бокъ крестьянамъ, т. е. къ массѣ собственного народа, вражда къ культурѣ и непримиримая вражда къ инородцамъ вотъ три кита, на которыхъ строится теперь міровоззрѣніе „объединенныхъ дворянъ“.

Бюрократія, конечно, нѣсколько лѣвѣе ихъ. Самая работа ея надъ общегосударственными задачами нѣсколько расширяетъ ея кругозоръ по сравненію съ объединенными дворянами. Работа надъ государственными финансами ставитъ ее по необходимости въ извѣстное взаимодействіе съ буржуазіей; финансовая же и внѣшняя политика заставляютъ ее считаться и съ Европой. Но тѣмъ объединеннаго дворянства вѣтъ надъ бюрократіей. И даже мало этого. Съ объединеннымъ дворянствомъ бюрократія чувствуетъ сейчасъ болѣе тѣсную, болѣе органическую связь, чѣмъ какую она чувствовала до 1905 года. Потому что сама дворянская и землевладѣльческая въ своей массѣ по происхожденію, бюрократія также какъ масса дворянства не можетъ забыть ужасовъ крестьянскихъ погромовъ. И еще меньше можетъ забыть тѣ опасности, которыми ея господству грозило вообще общественное движеніе 1905—1906 гг. Кое—чѣмъ въ результатъ этого движенія бюрократія пришлось поступиться, пришлось создать около себя выборное законодательное учрежденіе, пришлось допустить нѣкоторую свободу печати, пришлось открыть кое гдѣ двери общественной самодѣятельности. Но именно потому, что ей пришлось кое чѣмъ существеннымъ погуститься, спокойствіе ее покинуло навсегда. Что то новое глядитъ въ жизни отовсюду и предрекаетъ ей или новыя и новыя уступки или полное крушеніе ея господства. И общая опасность объединяетъ сейчасъ бюрократію съ объединеннымъ дворянствомъ такъ, какъ никогда.

Бюрократія поневолѣ отстаетъ нѣсколько отъ объединеннаго дворянства и той ломки теперешняго земства, которой хотѣли бы объединенные дворяне, она производитъ не станеть. Губернскія земскія учрежденія она уничтожать не будетъ, тѣмъ

болѣе, что и трудно это сдѣлать при наличности Госуд. Думы. Но и ни одного серьезнаго шага влѣво отъ теперешняго земства она не допуститъ. Она не допуститъ образованія мелкой земской единицы, о которой съ ужасомъ говорилъ на съѣздѣ объединенныхъ дворянъ Г. Раковичъ, не допуститъ и расширенія земскаго представительства, котораго добиваются октябристы, не допуститъ, чтобы буржуазія деревни и города овладѣла земствомъ и вытѣснила оттуда совершенно, благородное сословіе“.

А борьба съ культурой? Столь - же послѣдовательной, какъ объединные дворяне, бюрократіи тутъ трудно быть. Но все таки она борется съ культурой. Одинъ г. Кассо чего стоитъ. Новаго съѣзда по народному образованію она во всякомъ случаѣ не допуститъ. На счетъ этого г. Пуришкевичъ можетъ быть совершенно спокоенъ.

Полное единомысліе въ отношеніи къ этому съѣду съ г. Пуришкевичемъ, проявляется вѣдь такъ ярко въ тѣхъ гоненіяхъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ, какъ говорятъ газетныя извѣстія, воздвигнуты на бывшихъ участниковъ этого съѣзда. Учителей и учительницъ, бывшихъ на съѣздѣ и выступившихъ на немъ, изгоняютъ со службы. Участники съѣзда такъ терроризированы, что тамъ, гдѣ съ ними не раздѣлались, они но рѣшаются выступить съ какими нибудь отчетами и докладами.

Что касается борьбы съ инородцами, то та программа-максимумъ, съ которой выступаютъ объединенные дворяне, конечно, неосуществима. Лишить, напр., евреевъ всякой экономической роли и вліянія, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Бюрократія не можетъ идти такъ далеко и вызывая полное экономическое потрясеніе, подрубить сукъ, на которомъ она сидитъ. Но и дворянская программа-минимумъ, которую въ этомъ вопросѣ проводитъ бюрократія, тоже достаточно серьезна и широка. Промышленность и торговля, по крайней мѣрѣ, дѣйствіе этой политики на себѣ чувствуетъ достаточно сильно. И все рѣзче и рѣзче въ еврейскомъ вопросѣ представители промышленности и торговли сталкиваются съ правительствомъ.

Такъ, напр., 10 марта

„въ многочисленномъ совѣщаніи представителей промышленности и торговли, по отчету „Рѣчи“, обсуждался вопросъ объ отношеніи къ новымъ ограниченіямъ правъ евреевъ на участіе въ акціонерныхъ компаніяхъ. Докладчикомъ выступилъ С. С. Новоселовъ. Онъ сообщилъ, что въ настоящее время около 300 уставовъ акціонерныхъ обществъ лежатъ въ министерствѣ торговли безъ движенія въ виду тѣхъ препятствій къ ихъ утвержденію, которыя заявлены министерствамъ внутреннихъ дѣлъ. Препятствія эти вызваны опасеніемъ, что во вновь учрежденныхъ компаніяхъ съ акціями на предъявителя будутъ участвовать евреи, которые такимъ образомъ обойдутъ законъ, воспрепятствующій евреямъ пріобрѣтать недвижимыя имущества внѣ черты осѣлости“.

Послѣ преній, возникшихъ по этому докладу, было „единогласно постановлено обратиться къ министру внутр. дѣлъ съ просьбой принять особую депутатію по этому вопросу. Депутатіи поручено указать министру на то, что новыя ограниченія для евреевъ въ области акціонернаго законодательства, несомнѣнно, задержатъ развитіе отечественной промышленности и этимъ увеличатъ общую зависимость Россіи отъ иностранной индустріи. Прекращеніе же притока частныхъ капиталовъ въ промышленность грозитъ странѣ новымъ экономическимъ кризисомъ и безработицей со всеми ихъ послѣдствіями“.

Какъ видимъ, дѣла съ націоналистической политикой правительства стоятъ достаточно серьезно и дальнѣйшее движеніе въ сторону дворянской программы-максимумъ встрѣтятъ, пожалуй, непреодолимая препятствія.

Правящая бюрократія по необходимости стоитъ нѣсколько лѣвѣе объединенныхъ дворянъ и правящей центръ теперешней Думы—группа земцевъ-октябристовъ стоитъ несомнѣнно лѣвѣе бюрократіи. И тѣмъ не менѣе, какія то нити тѣснымъ образомъ связываютъ всю эту троицу въ одно цѣлое. Не будучи въ состояніи цѣликомъ слѣдовать за объединенными дворянами бюрократія не можетъ въ данный моментъ и рѣзко разойтись съ ними. Не сочувствуя многимъ реакціоннымъ порывамъ бюрократіи октябристы не могутъ тѣмъ не менѣе и особенно далеко уйти отъ нея. Какъ магнитъ, бюрократія притягиваетъ къ себѣ октябристовъ. Дѣло тутъ не въ томъ только, что они достаточно развращены своимъ долгимъ союзомъ съ бюрократіей. Всѣ факты послѣдняго времени говорятъ, что дѣло обстоитъ глубже, что по своимъ взглядамъ, по своему настроенію октябристы близкіе родственники бюрократіи. Они лѣвѣе бюрократіи и поэтому кое что зловердное изъ законопроекта о печати они устранили, но вѣдь самое зловердное въ немъ—фактическую предварительную цензуру, образовательный цензъ для редакторовъ, сохраненіе надзора за печатью въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ они оставили. Не случайно вѣдь это. Не случайно также и то, что они почти совершенно сходятся съ бюрократіей въ отношеніи къ рабочему движенію и всѣ запросы социаль-демократіи—о преслѣдованіи профессиональнаго движенія, о вмѣшательствѣ полиціи въ стачки и страховую кампанію, о преслѣдованіи органовъ рабочей печати—проваливаютъ самымъ послѣдовательнымъ и усерднымъ образомъ. Они правѣе, гораздо правѣе, въ этомъ отношеніи массы промышленниковъ. Тѣ при всей своей враждѣ къ рабочимъ и рабочему движенію понимаютъ, что чрезмѣрное полицейское усердіе иногда сильно вредитъ ихъ интересамъ. И совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли счелъ нужнымъ, напр., даже обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ со спеціальнымъ ходатайствомъ ослабить переходящее всякія границы рвеніе администраціи въ области страхованія рабочихъ и выражающееся въ запрещеніи собраній рабочихъ, необходимыхъ для ознакомленія съ дѣломъ и выбора уполномоченныхъ, въ арестъ и высылкѣ болѣе энергичныхъ дѣятелей больничныхъ кассъ и пр.

Октябристы правѣе промышленниковъ, потому что партія октябристовъ, это—плохо спаянный сбродъ представителей различныхъ слоевъ и классовъ, въ которомъ представители городской и деревенской буржуазіи перемѣшаны съ дворянами-землевладѣльцами, неспособными цѣликомъ стереть со своего лица крѣпостническую печать, и вчерашними бюрократами, загорающимися непримиримой ненавистью ко всему, что носитъ на себѣ хоть малѣйшіе слѣды волненій и безпорядковъ.

Годы контръ-революціи, хотя и плохо, но спаяли этотъ сбродъ въ одно цѣлое, а неслыханный нажимъ администраціи на выборы въ четвертую Думу, сохранилъ ему преобладающую роль и въ четвертой Думѣ. Неизбѣжное историческое развитіе

должно устранить эту слякоть съ политической арены въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Та же неизбежная гибель грозитъ имъ, которая грозитъ и объединеннымъ дворянамъ и теперешней бюрократіи. А общая опасность всегда объединяетъ. И пока октябристы не созрѣли еще до того, чтобы окончательно расползтись въ разныя стороны, они непреодолимо тянутся къ бюрократіи. Въ союзѣ съ нею для нихъ единственное спасеніе, въ систематическомъ питаніи и поддерживаніи иллюзій о возможности какой то общей конституціонной работы съ бюрократіей единственный смыслъ ихъ существованія. И ничто поэтому не въ силахъ выбить ихъ изъ этой позиціи, даже самое авторитетное заявленіе, что ихъ конституціонныя стремленія бесполезны и противорѣчатъ исконнымъ устоямъ Россіи.

И въ итогѣ IV Дума, гдѣ правятъ также какъ и въ III-ей, октябристы, остается такимъ же врагомъ народа, врагомъ общественнаго развитія, какъ и ея предшественница. Нѣтъ, даже худшимъ. Потому что относительно третьей Думы не было никакихъ иллюзій, а теперь нѣкоторыя колебанія и шатанія въ средѣ октябристовъ подъ напоромъ яркаго лѣвѣнія со стороны буржуазіи, вызываютъ эти иллюзіи среди извѣстныхъ слоевъ населенія. Подъ вліяніемъ этихъ шатаній засуетились правые кадеты, гг. Струве, Маклаковъ и др. и самымъ усерднымъ образомъ начинаютъ сватать кадетовъ съ октябристами. Боязнь демократіи и ея движенія заставляеть ихъ искать точку опоры справа, хотя-бы у октябристовъ, разъ въ IV Думѣ безъ октябристовъ составить большинство невозможно.

Рабочій пролетаріатъ во имя своихъ классовыхъ интересовъ не можетъ примириться съ IV Думой и лежащей въ ея основѣ избирательной системой. Всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосовъ при выборахъ въ народное представительство диктуется его классовыми интересами. Но сейчасъ, къ счастью для пролетаріата, его классовые интересы въ этомъ пунктѣ совпадаютъ съ интересами всѣхъ производительныхъ классовъ населенія. Дума 3 іюня должна исчезнуть, такъ какъ она становится явной преградой общественному развитію.

Поскольку существуетъ свобода парламентской трибуны, это великое завоеваніе общественнаго движенія 1905 года, даже и эта Дума служить дѣлу борьбы съ бюрократіей. Но разъ нельзя уже обойтись безъ народнаго представительства, то изъ всѣхъ возможныхъ Думъ, эта Дума въ данный моментъ наибольше удобна, или наименѣе вредна для бюрократіи.

Оппозиціоннаго сплоченія вокругъ нея общества и населенія нѣтъ и быть не можетъ, потому что оппозиціонный огонь не горитъ и не загорается въ этой дряблой Думѣ. Но она мѣшаетъ въ то же время оппозиціонному сплоченію одновременно и противъ бюрократіи и противъ Думы 3 іюня среди имущихъ слоевъ населенія, потому что колебанія и шатанія октябристовъ плодятся среди этихъ слоевъ оппозиціонныя иллюзіи. И въ этомъ отношеніи гг. Струве и Маклаковъ оказываютъ въ высшей степени цѣнную услугу бюрократіи и стоящимъ за нею объединеннымъ дворянамъ. Бюрократія тянется за объединенными дворянами, октябристы тянутся за бюрократіей, а гг. Струве и Маклаковъ предлагаютъ общественному развитію тянуться за октябристами.

Въ то время какъ становится съ каждымъ днемъ все болѣе яснымъ, что Думу 3 июня необходимо устранить съ дороги, чтобы было возможно дальнѣйшее общественное развитіе, они какъ разъ отказъ отъ этой задачи, отказъ отъ демократизаціи Думы, хотять положить въ основу образованія лѣваго большинства въ Думѣ. Дмже и это, по всѣмъ извѣстіямъ, не соблазняетъ октябристовъ. Даже при этомъ условіи они боятся лѣваго большинства, потому что боятся, что тогда оборвутся нити связывающія ихъ съ правительствомъ. Своими призывами гг. Маклаковы никакого лѣваго большинства создать не въ силахъ, за то для значительныхъ слоевъ населенія они пытаются не безъ успѣха затемнить создающуюся ясность положенія. Въ печати писали, что гг. Струве и Маклаковъ пытаются партію к.-д. отвлечь въ сторону отъ интересовъ демократіи. Нѣтъ дѣло обстоитъ еще хуже. Они добиваются, чтобы кадеты измѣнили тѣмъ интересамъ общественнаго развитія, которые въ данный моментъ являются не только интересами демократіи, но интересами всѣхъ производительныхъ классовъ населенія вплоть до крупной торгово-промышленной буржуазіи.

Бываютъ моменты, когда непреодолимые интересы толкаютъ и крупную буржуазію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ со всей демократіей вплоть до наиболѣе активнаго ея слоя, рабочаго пролетаріата.

И къ этому моменту мы сейчасъ приближаемся вплотную. Политическую жизнь необходимо наконецъ сдвинуть съ той мертвой точки, на которой она застряла. Этого повелительно требуютъ интересы общественнаго развитія. А сдвинуть политическую жизнь съ мертвой точки можетъ только измѣненіе избирательной системы при выборахъ въ Думу. Другого выхода нѣтъ. Только этимъ путемъ Россія можетъ выйти изъ того политическаго болота, въ которомъ она застряла, благодаря фактическому союзу дворянъ, бюрократіи, октябристовъ и всѣхъ колеблющихся элементовъ буржуазіи подъ предводительствомъ гг. Струве и Маклакова.

Вывести Россію изъ этого болота можетъ только пролетаріатъ своей цѣлесообразно направленной борьбой. Рѣшительный походъ противъ Думы 3 июня съ требованіемъ всеобщаго и т. д. избирательнаго права при выборахъ въ Думу, имѣетъ всѣ основанія стать въ ближайшее время тѣмъ живымъ лозунгомъ, энергичная борьба за который можетъ обезпечить пролетаріату поддержку всѣхъ живыхъ силъ страны.

**И. Череванинъ.**



## Критическіе наброски.

### Еще къ вопросу о пролетарской культурѣ<sup>1)</sup>.

• Итакъ, я надѣюсь, мнѣ удалось доказать, что и Череванинъ, и Пилецкій воистину зря захотѣли стать аргонавтами и— въ поискахъ за золотымъ руномъ пролетарской культуры художества—пропутешествовали въ интеллигенцію. Пролетарская культура художества не кладъ, который можно найти въ пятидесятомъ государствѣ и оттуда его вывезти, не заморская „синяя птица“, а нѣчто, по своему существу способное быть только сугубо доморощеннымъ, домодѣльно—пролетарскимъ, что можно разсматривать лишь въ органической, тѣснѣйшей связи съ культурой пролетариата во всемъ ея цѣломъ, а стало быть и въ связи со всей наличностью психическихъ силъ, съ ихъ направлениемъ и характеромъ, данными пролетариату условіями его развитія въ капиталистической цивилизаціи.

Конечно, я понимаю, мои оппоненты пустились въ свой путь не случайно и не случайно искали рѣшенія вопроса о пролетарской культурѣ художества въ различныхъ комбинаціяхъ съ интеллигенціей, провозглашая, какъ это сдѣлалъ, напр., Череванинъ (на стр. 204 своей статьи),— въ видѣ общаго тезиса, что „именно профессиональная интеллигенція является творцомъ художественныхъ цѣнностей“,—или какъ Пилецкій, пророча, что „кадры пролетарскихъ представителей искусства могутъ создаться и создадутся изъ среды многочисленной интеллигенціи, становящейся на точку зрѣнія четвертаго сословія“ (стр. 68)<sup>2)</sup>. Вѣдь, въ интеллигенцію они *вынуждены* были уйти отъ прискорбнаго факта, что въ самомъ то пролетариатѣ и въ условіяхъ его общественнаго развитія имъ нечего было противопоставить произведенному мною анализу.

Но отъ этого отступленія въ интеллигенцію имъ легче не стало, „кривая не вывезла“ и въ концѣ концовъ имъ все же пришлось, правда, отмалчиваясь, какъ я дальше покажу, отъ моихъ аргументовъ, дать свое собственное объясненіе путей пролетарскаго развитія.

<sup>1)</sup> См. № 2 „Наша Заря“.

<sup>2)</sup> Тов. Пилецкій оговариваетъ, что въ Германіи эта интеллигенція рекрутируется частью изъ дѣтей функціонеровъ—должностныхъ лицъ рабочаго движенія. Эта оговорка, однако, рѣшительно ничего не мѣняетъ въ сути вопроса: для насъ важно не происхожденіе того или другого интеллигента: мало ли чей „дѣдь землю пахалъ“,—а условія развитія его собственной психики. И я не вижу основанія почему быдѣтямъ должностныхъ лицъ, прошедшимъ гимназію и университетъ, не быть самыми типичными интеллигентами по духу—хотя и социалдемократами по своимъ убѣжденіямъ.

Но, боже мой, какое объяснение! По Пилецкому оно сводится къ тому, что пролетаріатъ, занятый прежде цѣликомъ политической борьбой, теперь уже завоевалъ себѣ „право на самостоятельное развитие“ „почти во всѣхъ капиталистическихъ странахъ“ и, поэтому, очевидно, на досугъ можетъ „начать развивать и инныя формы культуры“ въ томъ числѣ и культуру искусства. Однако, прибавляетъ сейчасъ же Пилецкій, было бы чудовищно думать, что пролетаріатъ (за „рѣдкими исключениями“) эту культуру развивать будетъ самъ. Для этого у пролетариата, по мнѣнію Пилецкаго, оказывается все же—нѣтъ времени. То есть, однимъ духомъ: времени нѣтъ и время имѣется, и это неизвѣстно какое, имѣющееся или неимѣющееся, свободное время будетъ затрачено... вы думаете на что? На культуру искусства?—ошибаетесь, оно будетъ затрачено на наемъ соотвѣтствующей по специальности интеллигенціи, которая уже въ свою очередь и займется за пролетаріатъ культивированіемъ искусства!

Таково построение Пилецкаго. И—долженъ признаться—я стою передъ нимъ въ совершеннѣйшемъ недоумѣніи: брать ли построение въ серьезъ или просто тов. Пилецкій захотѣлъ пошутить надъ читателемъ и надъ своимъ оппонентомъ?

Во всякомъ случаѣ, въ этомъ построении есть лишь одно положеніе, которое можно уловить, какъ опредѣленную мысль, а не безплотный фантомъ, самоуничтожающійся при малѣйшемъ къ нему приближеніи. Это его утвержденіе, что раньше пролетаріатъ поглощался всецѣло политикой, тогда какъ въ настоящее время онъ можетъ отдавать, усложняя движеніе, все большее количество времени всевозможной культурной работѣ, причемъ за спросомъ пролетариата на эту работу неизмѣнно слѣдуетъ удовлетвореніе этого спроса предложеніемъ со стороны специалистовъ интеллигенціи.

Въ сущности, въ эту же мысль упирается—съ нѣкоторыми вариантами—и объясненіе, которое даетъ Череванинъ. У Череванина только почти выпадаетъ вся первая часть изъ тезиса Пилецкаго, ибо вопросъ о поглощенности пролетариата политикой больше подразумѣвается имъ, чѣмъ *en toutes lettres* признается, въ его замѣчаніи, что „интеллигентными людьми представители пролетариата до послѣдняго времени“ „становились“ „исключительно почти на почвѣ дѣловой практики, на почвѣ удовлетворенія практическихъ потребностей движенія“, откуда вытекала и та „спартанская“ дѣловитость, которая препятствовала сближенію не пролетарской, изъ міра поэтовъ и художниковъ, интеллигенціи съ пролетаріатомъ, и тѣмъ не давала развиться пролетарской культурѣ искусства. Однако, вниманіе Череванина сосредоточивается не на этомъ, а на мысли, что подобное положеніе вещей измѣнится, когда усложненное движеніе осуществитъ задачу „болѣе широкаго и всесторонняго развитія подростоющаго поколѣнія“. Тогда то и осуществится счастливое оплодотвореніе пролетариата этой артистической и литературной интеллигенціей, тогда то и родится искусство. Такъ говоритъ Череванинъ...

Кто изъ нихъ больше не правъ, Пилецкій или Череванинъ

я бы затруднился сказать, ибо мнѣ кажется, они оба преподносятъ читателю букетъ изъ разнообразныхъ невѣрностей.

Невѣрна уже сама исходная мысль Пилецкаго о первоначальной поглощенности пролетаріата политикой, поглощенности, отъ которой, будто бы, лишь съ теченіемъ времени освобождаются силы пролетаріата.

Вотъ истина, поставленная на голову! Какъ разъ наоборотъ: если взять за послѣдніе 50 лѣтъ эволюцію германскаго движенія, то передъ нами развернется картина колоссальнѣйшей интенсификаціи политической жизни, процессъ непрерывнаго раскрыванія новыхъ сферъ общественно-политической дѣятельности пролетаріата, использованія имъ такихъ учреждений или организацій, которыя онъ раньше не умѣлъ или не былъ въ состояніи использовать.

Можно сказать, политика что дальше, то все глубже и шире распускаетъ свои безчисленныя шупальцы, и все гуще плететъ паутину. А съ тѣмъ вмѣстѣ создается и невѣдомая прежде дробность работы и за всякой специализаціей, по коммунальной политикѣ, по вопросамъ страхованія, по вѣдомству профессиональнаго движенія и пр. и пр., грозитъ исчезнуть—вмѣстѣ съ поколѣніемъ людей 60 и 70-хъ годовъ, „стариковъ“—и тотъ обаятельный типъ интегральнаго, всеобъемлющаго социалдемократическаго работника первыхъ призывовъ, который заложилъ фундаментъ величія германской социалдемократіи.

Передъ нами, такимъ образомъ, вовсе не „перенесеніе“ движенія—какъ выражается Пилецкій—„изъ сферы политической и экономической въ другія, до сихъ поръ не затрагивавшіяся“, а громадное разрастаніе дифференцированной, усложненной политики—„практической политики“ всевозможныхъ родовъ, лавинообразно надвинувшейся на жизнь рабочаго авангарда и начинающей уже давать себя чувствовать наиболѣе дальновиднымъ дѣятелямъ рабочаго движенія своей оборотной стороной,—ощущаться ими, какъ опасность. Противъ этой то опасности суженія горизонтовъ и приниженія движенія всепроникающимъ практицизмомъ, съ каждымъ годомъ сильнѣе накладывающимъ свою печать на духовную жизнь социалдемократіи, и раздались за послѣдніе годы предостерегающіе голоса, и возникла реакція, надѣющаяся въ усиленіи культурно-просвѣтительной дѣятельности и подготовкѣ юношества найти хотя бы нѣкоторый коррективъ къ этому процессу развитія.

Но, вѣдь, одно дѣло коррективъ сознательныхъ усилий, другой, разумѣется, можно лишь всячески привѣтствовать, и другое—этотъ стихійный уклонъ пролетарскаго развитія, имѣющій—внѣ всякаго сомнѣнія—глубочайшіе корни въ исторической обстановкѣ, въ которой происходитъ движеніе. Очевидно, нужно, чтобы въ самой этой обстановкѣ произошли предварительныя коренныя перемѣны, чтобы многолѣтній застойный характеръ общественной жизни смѣнился рѣшительнымъ ходомъ впередъ, такъ сказать, пертурбаціонной полосой исторіи, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнился и этотъ уклонъ развитія, и коррективъ пересталъ быть, какъ нынѣ, незначительной струйкой, которая еле замѣтно вливается въ главное русло движенія, и самое русло перемѣнило свое направленіе.

А до тѣхъ поръ, лишь совершенно искажая перспективу и насилуя дѣйствительность, можно говорить объ этой струѣ корректива, какъ о нѣкоемъ факторѣ, способномъ преобразовать весь тонъ современной социалдемократической жизни и взаимнѣ дѣловито-спартанскаго дать новый укладъ, привлекательный для профессиональной интеллигенціи и способствующій цвѣтенію искусства.

И мнѣ странно слышать, что подобныя рѣчи говорить Череванинъ, ибо такъ говорить значитъ смѣшивать болѣе широкое понятіе спартанства современнаго пролетаріата съ той опредѣленной категоріей усложненнаго движенія, которая характерна для переживаемаго нами момента затяжной европейской реакціи; значитъ забывать, что спартанство существовало и тогда, когда и въ поминѣ еще не было современной гипертрофіи практицизма и специализаціи, когда на авансценѣ фигурировало интегральное поколѣніе Бебеля и всѣхъ тѣхъ, что вмѣстѣ съ нимъ „становились интеллигентными людьми“ не столько „на почвѣ дѣловой практики“ (въ чемъ видитъ специальную причину современнаго зла Череванинъ), сколько въ атмосферѣ культурно-просвѣтительнаго движенія 50 и 60-хъ годовъ.

И хуже того: значитъ методологически оставаться на самой поверхности явленій, значитъ вмѣсто того, чтобы заглядывать вглубь, въ причинную взаимозависимость, порождающую это отсутствіе въ пролетаріатѣ художественнаго творчества, ограничиваться тѣмъ, что брать уже готовое слѣдствіе этихъ причинъ и на это слѣдствіе обрушиваться своей педагогикой. По истинѣ, это напомнило мнѣ ту „ромашку“, которой когда то Родбертусъ клеймилъ рецептуру катедеръ-соціалистовъ.

И добро бы рѣчь еще шла объ общихъ задачахъ культурно-просвѣтительной работы въ пролетаріатѣ и о нарочитой необходимости культивировація этихъ задачъ въ виду современнаго сугубо „практическаго“ уклона развитія. Но, вѣдь, дѣло то не въ этомъ; но, вѣдь, Череванинъ то мѣтитъ на большее. Онъ нашелъ въ просвѣщеніи свой „жизненный эликсиръ“ для пролетаріата и хочетъ, истребляя спартанскія наклонности въ пролетаріатѣ при помощи этого эликсира, имъ же выращивать и истинно художественныя произведенія искусства!..

Конечно, что и говорить, высота культурнаго уровня данной среды отражается самымъ непосредственнымъ образомъ на всѣхъ продуктахъ ея творчества; слѣдовательно, должна развиться и на возможной культурѣ искусства. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, поле для просвѣтительной дѣятельности въ пролетаріатѣ необъятно велико и ждетъ своихъ сѣятелей.

Но развѣ въ конечномъ счетѣ отъ просвѣтительной дѣятельности зависитъ, сколько творческихъ силъ среда вырабатываетъ и куда она ихъ направляетъ? Вспыхнетъ ли въ ней огонь непремѣнно художественнаго творчества, или загорятся другіе огни и начнутъ возникать иного рода духовныя образованія? А то такъ и вовсе не загорятся: знаемъ же мы, въ извѣстныя эпохи, высоко-культурныя въ то же время творчески глубоко-безплодныя страны, какъ знаемъ съ другой стороны и полуварварское творчество.

Стало быть, не въ просвѣщеніи, какъ бы оно ни было важно — фокусъ вопроса. Но, конечно, и не въ соображеніяхъ Пилецкаго, полагающаго, что за всякимъ культурнымъ спросомъ пролетаріата, поддержаннымъ его силами и средствами, автоматически слѣдуетъ удовлетвореніе спроса профессиональной интеллигенціей, и что отсутствіе пролетарской культуры художества объяснимо лишь тѣмъ, что потребность въ искусствѣ пролетаріата успѣла проявиться лишь за послѣднее время.

Нѣтъ, потребность пролетаріата въ искусствѣ стародавняго происхожденія; ей столько же лѣтъ, сколько и всей сознательной жизни пролетаріата. Съ первымъ же проблескомъ этой сознательности пролетаріатъ потреблялъ всевозможное искусство той культуры, которая окружала его въ современномъ ему обществѣ. И не только потреблялъ, но и самъ — и не въ очень маломъ количествѣ — посылалъ своихъ представителей на поэтическую гору Парнасъ. И если эти представители тамъ не сказали своего художественно-дѣянаго и въ то же время пролетарскаго слова, то не потому, чтобы просто у пролетаріата не имѣлось вкуса къ художеству. Вкусъ то былъ, охота то была, но что то мѣшало тому, чтобы психика пролетаріата выдѣляла элементы дѣйствительно характернаго творчества.

Вотъ къ этому-то „что-то“ и надо было вплотную подойти Пилецкому вмѣсто того, чтобы сочинять несуществующую гармонию между спросомъ пролетаріата и предложеніемъ интеллигенціи, точно этотъ пролетарско-интеллигентскій балансъ способенъ разрѣшить вопросъ о культурѣ художества, не разрѣшенный до сихъ поръ и родными дѣтьми рабочаго класса.

Въ своихъ статьяхъ о культурѣ я пытался посылно разобратъ именно въ этихъ условіяхъ. Быть можетъ, недостаточно быть можетъ, невѣрно. Но съ этой — пусть недостаточной, пусть невѣрной — попыткой Череванинъ и Пилецкій во всякомъ случаѣ должны были считаться, выступая противъ меня: они сколько угодно могли ее раскритиковывать, но они обязаны были на нее реагировать потому, что она является центральнымъ пунктомъ всего поднятаго мною вопроса. Но они, вмѣсто этого, ее, къ сожалѣнію, почти сплошь замолчали...

Какъ, быть можетъ, вспомнить читатель „Нашей Зари“, передо мною стояла проблема пролетарской культуры въ современной капиталистической цивилизаціи, и я ставилъ вопросъ, почему эта культура, т. е. совокупность выявляющихся творческихъ силъ рабочаго класса, распредѣляется по сферамъ своего приложенія такъ, а не иначе; почему, съ одной стороны, въ районѣ практической работы пролетарское творчество огромно, и создается небывалая раньше культура классовой, экономической и политической борьбы, и съ другой — этого творчества не замѣчается вовсе въ сферахъ художества.

И я говорилъ, что направленіе этой культуры, разительную неравномѣрность въ распредѣленіи силъ, мы поймемъ лишь въ томъ случаѣ, если будемъ разсматривать эту совокупность творческихъ силъ, именуемую культурой, какъ производное, во первыхъ, отъ роли пролетаріата въ капиталистической цивилизаціи, во вторыхъ, отъ центростремительныхъ, нивелирующихъ

свойствъ этой цивилизаціи, оказывающихъ на пролетаріатъ свое сильнѣйшее дѣйствіе.

Эти двоякаго рода причины даютъ и двоякаго рода послѣдствія: развитое спартанство пролетаріата и рядомъ — относительно неразвитое его бытовое обособленіе, а также тѣсно связанное съ нимъ неособобленіе художественное. Величайшій изъ когда либо бывшихъ новаторовъ, пролетаріатъ, имѣетъ здѣсь — въ этой сравнительной неособобленности быта — свою ахиллесову пятау, ту пуповину, черезъ которую буржуазное общество можетъ до извѣстной степени переливать въ него свои соки.

Вотъ сущность аргументаціи моихъ прежнихъ статей. Но вы напрасно будете искать эту сущность въ пространныхъ репликахъ Пилецкаго и Череванина. Въ своемъ спорѣ они ухитрились ее прозѣвать. Пилецкій рѣшительно и безповоротно — цѣликомъ. Череванинъ на добрыя девять десятыхъ, если одною десятою, имѣ воспроизведенной, моей аргументаціи, счесть то „спартанство“, которое, выхваченное изъ всей связи, его объяснявшей, оказалось всего на всего механизированнымъ отсутствіемъ досуга у пролетаріата.

Такъ Череванинъ и пишетъ: „Что же касается слабаго досуга, на который нападаетъ Потресовъ, то, во-первыхъ, вмѣстѣ съ ростомъ пролетарской интеллигенціи практическія задачи будутъ падать на каждаго ея представителя меньшей тяжестью, а во-вторыхъ, досугъ — понятіе относительное, и сильная развившаяся потребность всегда найдетъ время для своего удовлетворенія“.

Но, во-первыхъ, — укажу Череванину, — въ своихъ статьяхъ я говорилъ не объ одной „пролетарской интеллигенціи“. Переобремененіе дѣломъ у этой интеллигенціи есть не болѣе, какъ концентрированное выраженіе явленія, распространяющагося на всѣхъ вообще, включая и самыхъ рядовыхъ, „организованныхъ“ пролетаріевъ. Ибо все растущая, съ интенсификаціей общественно-политической жизни и обостреніемъ классовыхъ отношеній, дѣловая организованность пролетаріата, по условіямъ жизни рабочаго класса, не можетъ быть чѣмъ либо другимъ, какъ именно растущей связанностью его досуга, т. е. того не-большаго количества времени, которое у него остается отъ фабрично-заводскаго дня. Этого то досугъ и пропитывается все болѣе настроеніемъ дѣла, становится все болѣе дѣловымъ.

А во-вторыхъ, — и это главное — Череванинъ совершенно напрасно вздумалъ полагать, что я „напираю“ на „слабый досугъ“. Я напираю не на „слабый досугъ“, изолированно взятый, а на гораздо болѣе сложную комбинацію чертъ, составляющую извѣстный психологическій укладъ. Поэтому, я и пишу, что „для организаціи подлиннаго „бездѣлья“, для культуры того важнаго и, скажемъ болѣе, необходимаго человѣческаго „бездѣлья“, которое называется художествомъ, остается не только безконечно мало пространства во времени, но и *безконечно мало вниманія*“.

Я этимъ хочу сказать, что вырабатывается психологія опредѣленной среды, съ ей свойственной качественной разстановкой занятій, съ ея предпочтеніями и недооцѣнками, вытекающими изъ особенностей этой среды. Особенности же среды пролета-

ривъ—это особенности организованнаго и организующагося для битвъ и завоеваній, военно-классового стана, какъ я опредѣлялъ—„боевого товарищества“. Ну, а если это такъ, то тѣмъ самымъ дана и атмосфера спартанства — съ практическимъ ригоризмомъ, съ его отодвинутой назадъ неприкладной стороной идеологій, съ его неполноправнымъ художествомъ.

Я говорилъ — „пролетарская Спарта“ и не думалъ никакъ, что для русскихъ читателей и даже писателей еще нужно болѣе детально выяснять, что Спарта есть типъ и типъ повторяющійся, хотя и въ разныхъ общественно-историческихъ вариантахъ. Мнѣ казалось къ тому же, что еще слишкомъ недавно въ Россіи переживали то же *suū generis* спартанство — и даже нѣсколько смѣнъ спартанства—чтобы не понимать съ полуслова, что значить это понятіе. Правда, это было спартанство интеллигентское, но, быть можетъ, съ еще болѣе рѣзко обрисованнымъ утилитаризмомъ умонастроенія, съ сосредоточеніемъ вниманія на одномъ и съ пренебреженіемъ къ другому. Вспомнимъ, напр., весну интеллигенціи—выступление разночинства въ 60-хъ годахъ, когда, еще не зная, что дѣлать въ общественно-политической жизни, разночинецъ уже твердо зналъ свои идейныя симпатіи и антипатіи, возводилъ въ культъ практически нужную науку и отметалъ... бесполезное искусство, никчемнаго Пушкина.

Въ пролетаріатѣ эта антитеза полезнаго и бесполезнаго, разумѣется, выражается иначе. Иначе хотя бы потому, что она является въ немъ не догматомъ какой бы то ни было теоріи, а совершенно безсознательно осуществляемымъ психологическимъ выборомъ, невольнымъ слѣдствіемъ той всемірной задачи и ея подготовленія въ растущей борьбѣ, которая возложена на него современнымъ развитіемъ исторіи.

Однако, спартанство, пусть окурженное до простого недосуга, все же, по крайней мѣрѣ, имѣется все жехоть зарегистрировано. Но даже самой элементарной регистраціи нѣтъ у Череванина (я ужъ не говорю про Пилецкаго) того другого момента въ моемъ объясненіи отсутствія въ пролетаріатѣ художества, который связанъ съ дѣйствіемъ на пролетаріатъ культуры буржуазнаго общества черезъ посредствующій каналъ сравнительной бытовой необособленности.

Уже того—онъ замѣненъ другимъ, той одной „изъ двухъ главныхъ причинъ“, мною якобы „выдвинутыхъ“ (см. ст. Череванина, стр. 203), въ качествѣ которой у Череванина фигурируетъ роль вліянія на пролетаріатъ „тѣней прошлаго“, т. е. классической литературы. Если, однако, эта причина является одною изъ тѣхъ двухъ, на которыхъ построено все зданіе моей аргументаціи, то не ясно-ли, что это зданіе только карточный домикъ, который Череванинъ и можетъ, разумѣется, походя сдуть, и, сдувая, взять на себя благодарную роль защитника классиковъ, — роль, которую беретъ на себя и мой третій оппонентъ, Раф. Григорьевъ.

Раф. Григорьевъ, впрочемъ, не такъ радикаленъ. Онъ все же, излагая меня, отмѣчаетъ сосѣдство, въ которомъ находится мое утвержденіе о буржуазныхъ классикахъ съ моими же соображеніями о бытѣ и характерѣ вліянія на пролетаріатъ буржуазной культуры вообще. Только это сосѣдство остается у него безъ

всякихъ послѣдствій, оно не превращается въ кровную, органиче-ую связь которой она является у меня Ну, а внѣ этой связи что же удивительнаго, что мысль становится собственной противоположною—отсутствіемъ мысли, какой-то дурного тона безсмыслицей.

Резюмирую: понять мою мысль о буржуазныхъ классикахъ можно только понявъ всю развернутую мною концепцію въ цѣломъ и оцѣнивъ тѣ особенности историческаго развитія пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, которыя дали пролетаріату возможность утвердить въ непримѣрномъ масштабѣ свое боевое бытіе—политическое и экономическое,—и не дали сформироваться бытію, если можно такъ выразиться, обывательски-штатскому, оставивъ—за предѣлами товарищества—въ этомъ штатскомъ быту широко разверстыми ворота для буржуазныхъ воздѣйствій.

Поэтому, я и перехожу предварительно къ этому противорѣчію сильнаго „товарищества“ и слабаго быта. Гдѣ историческіе корни этого противорѣчія и каковы его неизбѣжныя послѣдствія?

(Окончаніе слѣдуетъ).

*А. Потресовъ.*

---

Р. С. Я уже писалъ свой отвѣтъ моимъ критикамъ, когда получилъ возможность прочесть помѣщаемую въ этой же книжкѣ „Нашей Зари“ прекрасную статью Ивана Кубикова „Искусство и отношеніе къ нему рабочаго класса“.

Въ ней—на мой взглядъ—данъ здоровый отвѣтъ на растущую въ русскомъ пролетаріатѣ тягу къ художеству.

Не измышленіе во чтобы то ни стало своихъ собственныхъ художниковъ,—будутъ художники,—тѣмъ лучше!—а приобщеніе къ міровой культурѣ художества—вотъ единственный лозунгъ, который можетъ быть плодотворнымъ.

И я привѣтствую т. Кубикова за его кличъ—въ науку къ классикамъ, за его приглашеніе пролетаріата окупнуться въ художественное творчество Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Салтыкова, Тургенева...

Я привѣтствую его даже и тогда, когда онъ спорить со мною и когда я съ нимъ не совсѣмъ соглашаюсь. Но объ этомъ до слѣдующаго раза.

*А. И.*



## Резолюція Всероссийскаго Литературнаго Общества о законопроектѣ о печати, принятая 17-19 янв. 1914 г.

Всероссийское Литературное Общество, выслушавъ и обсудивъ въ за- сѣданіи очереднаго общаго собранія 17—19 января, 1914 г., доклады по поводу правительственнаго законо- проекта о печати, разсматриваемаго въ настоящее время въ Государст- венной Думѣ, пришло къ слѣдую- щимъ заключеніямъ:

Законопроектъ, долженствовав- шій поставить на мѣсто временнаго режима печати органической законъ на началахъ, возведенныхъ мани- фестомъ 17 октября, въ действитель- ности представляетъ собою механи- ческое сочетание дореформеннаго устава о цензурѣ, временныхъ пра- вилъ о печати 1905—1906 г.г. и обя- зательныхъ постановленій съ при- соединеніемъ новыхъ чрезвычайныхъ мѣръ судебной репрессіи.

1. Сохраненіе преж ихъ специаль- ныхъ органовъ надзора за печатью въ составѣ министерства внутрен- нихъ дѣлъ съ широкими полномо- чіями по предварительному просмотру и предварительному аресту по- временныхъ изданій, книгъ и бро- шюръ противорѣчитъ правовому ре- жиму печати и заявленію самихъ составителей проекта, утверждаю- щихъ, что цѣлью его является уст- раненіе административнаго воздѣй- ствія на печать.

2. Постановленія законопроекта, оставляющія разрѣшительный по- рядокъ выпуска повременныхъ из- даній внѣ городовъ и некажущія явочный порядокъ въ городахъ, про- никнуты духомъ полицейской опеки надъ гражданами и недоувѣремъ къ литературной дѣятельности, какъ профессіи.

3. Вводимый проектомъ образо- вательный цензъ для редакторовъ— окончаніе курса учебныхъ заведеній не ниже среднихъ, ограничивая при- мѣненіе явочнаго порядка и лишая права редактировать повременные изданія лицъ, не удовлетворяющихъ этому чисто формальному условію, хотя бы они по своему умственному

развитію и познаніями были вполне подготовлены къ осуществленію это- го права, нарушаетъ интересы печати въсѣхъ направленій и особенно тяжело должно отразиться на положеніи пе- чати, предназначенной для рабочихъ и крестьянъ, а также на изданіяхъ, выходящихъ не на русскомъ языкѣ.

4. Устанавливаемое законопроек- томъ представленіе повременныхъ изданій—брошюръ—органамъ надзо- ра для предварительнаго просмотра до выхода ихъ въ свѣтъ (контроль- ные сроки) создаетъ особый видъ цензуры, имѣющей цѣлью пресѣкать всякое распространеніе „вредныхъ“ произведеній; такіе контрольные сро- ки, нарушая самый принципъ сво- боды печати, несомнѣстимыя ма- нифестомъ 17 октября, что признано было уже въ 1905 году Высочайше учрежденнымъ совѣщаніемъ для со- ставленія новаго устава о печати (комиссія Д. Ѳ. Кобеко).

5. Принятый законопроектъ по- рядокъ предварительнаго до судеб- наго приговора ареста, предоставляя это право административнымъ орга- намъ и допуская примѣненіе этой наиболее чувствительной для печати мѣры по всякому поводу, открываетъ широкую возможность для админи- страціи пользоваться этимъ сред- ствомъ для систематической борьбы съ нежелательными ей изданіями и направленіями.

6. Въ соотвѣтствіи съ общими цѣлями, полицейскимъ духомъ за- конопроекта, находится и сохраненіе специальныхъ видовъ цензуры—при- дворной, духовной и иностранной.

7. Обращаясь къ карательной ча- сти законопроекта, всероссийское литературное общество усматриваетъ, что намѣчаемый новый порядокъ игнорируя задачи правосудія, прес- лѣдуетъ только цѣль подавленія гласности.

1. Рѣшительно противорѣчающее тенденціямъ законодательства куль- турныхъ странъ, соединеніе прин- ципа отвѣтственности въсѣхъ соуча- стниковъ по общимъ началамъ уголовнаго права съ принципомъ специальной отвѣтственности редак- тора, издателя, и т. д. вплоть до разносчика произведеній печати, рас- ширяетъ до безпредѣльности кругъ лицъ, отвѣчающихъ за уголовно наказуемые дѣянія печати.

2. Постановляемые законопроектъ предварительныя до судебного приговора карательныя мѣры въ видѣ приостановленія изданій и требованія денежнаго обезпеченія, носящаго характеръ залога, въ размѣрахъ, угрожающихъ окончательно подорвать матеріальныя силы изданія, а также дополнительныя кары по судебному приговору въ формѣ разорительныхъ штрафовъ, приостановленія и прекращенія изданій и пр., въ связи съ цѣлымъ рядомъ направленныхъ противъ дѣятелей печати изъятій изъ дѣйств. процессуальныхъ нормъ (сокращенные сроки, отмена права апелляции, немедленное исполненіе приговоровъ о денежныхъ взысканіяхъ и др.) при отсутствіи господствующаго въ законодательствѣ всего культурнаго міра сокращеннаго срока давности, угрожаетъ совершенно убить независимую печать.

8. Длинный рядъ новыхъ видовъ уголовно наказуемыхъ дѣяній, расширяющій крайне растяжимую уже по дѣйствующимъ карательнымъ законамъ сферу отвѣтственности по дѣламъ печати, и сохраненіе подсудности всѣхъ этихъ дѣлъ печати коронному суду безъ присяжныхъ засѣдателей, завершаютъ систему репрессій, направленныхъ противъ свободнаго слова.

Имѣя въ виду этотъ характеръ правильнаго законопроекта, въ нѣкоторыхъ важныхъ частяхъ уже одобреннаго комиссіей Государственной Думы, Всероссийское Литературное Общество обращаетъ вниманіе русскихъ гражданъ на серьезную опасность, грозящую русской печати и вмѣстѣ съ нею интересамъ свободы и культуры.

Идя по пути постановленія стараго порядка, реакція по всей линіи стремится закрѣпить и еще болѣе ухудшить режимъ, превратившій въ мертвую букву совокупность гражданскихъ вольностей, провозглашенныхъ въ 1905 г. Основанный отрицаніемъ правъ писателей и читателей, законопроектъ покушается на одно изъ необходимѣйшихъ условий культурнаго общежитія, на одно изъ наиболѣе цѣнныхъ политическихъ правъ. Единственное это право удалось націи осуществить, несмотря на гнетъ реакціи, въ сколько нибудь широкомъ объемѣ. Лишеніе этого права явилось бы тяжелымъ ударомъ для всей русской общественности, въ особенности для демократіи.

Всероссийское Литературное Общество считало бы позоромъ для

Россіи принятіе такого закона послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ русской литературой и русскимъ народомъ дѣлу свободы печати. Двойнымъ позоромъ считало бы оно, если-бъ такой законъ былъ принятъ безъ самой упорной борьбы со стороны всѣхъ заинтересованныхъ, и прежде всего со стороны дѣятелей печати.

Долгъ Государственной Думы—отвергнуть законопроектъ безъ постановленія обесужденія. Во всякомъ случаѣ, думская оппозиція обязана противодѣйствовать принятію законопроекта всѣми мѣрами парламентской борьбы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Всероссийское Литературное Общество, выражаетъ убѣжденіе, что только усиліями самихъ гражданъ и воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія всей страны на Государственную Думу, можетъ быть отвѣденъ отъ русской печати занесенный надъ ней ударъ.

Обсудивъ затѣмъ мѣры, которыя Общество могло бы со своей стороны принять для защиты печати, Всероссийское Литературное Общество въ томъ же засѣданіи постановило поручить Совѣту:

а) образовать комиссію изъ дѣятелей періодической печати, писателей и юристовъ для составленія меморандума по поводу законопроекта о печати съ тѣмъ, чтобы меморандумъ былъ подписанъ редакціями изданій, писателями и журналистами, и появился въ свѣтъ до разсмотрѣнія законопроекта въ общемъ собраніи Государственной Думы;

б) созвать Всероссийскій съездъ дѣятелей печати въ апрѣль 1914 г.

в) войти въ сношенія съ литературными организациями и редакціями для устройства областныхъ съездовъ и совѣщаній дѣятелей печати;

г) принять мѣры къ привлеченію вниманія общественныхъ организацій и всего общественнаго мнѣнія страны къ проектируемому закону о печати;

д) организовать лекціи и публичныя собранія съ преніями по поводу законопроекта и положенія печати;

е) приступить къ изданію книгъ и брошюръ о законопроектѣ и положенія печати;

ж) образовать комиссію для выработки обращенія ко всему русскому обществу отъ имени дѣятелей печати съ разъясненіемъ основныхъ положеній законопроекта о печати;

Сверхъ того Всероссийское Литературное Общество признало желательнымъ:

а) чтобы въ Государственную Ду-  
му черезъ представленныя въ ней  
фракціи направлялись резолюціи,  
выражающія мнѣнія общественныхъ  
группъ о законопроекте о печати;

б) чтобы былъ учрежденъ фондъ  
на изданія книгъ и брошюръ о по-  
ложеніи печати и для оказанія по-  
мощи лицамъ, пострадавшимъ отъ  
судебныхъ и административныхъ  
репрессій по дѣламъ печати;

в) чтобы во всей странѣ было  
организована одновременное высту-  
пленіе печати по поводу законопроек-  
та о печати.

## Резолюція принятая 14 февраля. 1914 г.

Общее Чрезвычайное Собраніе  
Всероссійскаго Литературнаго Об-  
щества, состоявшееся 14 февраля  
с. г., выражаетъ крайнее сожалѣніе  
по поводу того, что газеты „Рѣчь“,  
„Современное Слово“, „День“ и „Рус-  
ское Слово“ не нашли въ себѣ ми-  
нимума мужества, необходимаго для  
того, чтобы напечатать цѣликомъ  
принятую единогласно въ засѣданіи  
19 января с. г. резолюцію по поводу  
законопроекта о печати. Это воз-  
держаніе отъ напечатанія цѣликомъ  
принятой обществомъ резолюціи, яв-  
ляется неожиданнымъ и вреднымъ  
для дальнѣйшей борьбы за свободу  
печати, компрометируя первое же  
выступленіе и заставляя опасаться  
въ дальнѣйшемъ подобныхъ же ук-  
лоненій отъ выполненія несомнѣн-  
наго моральнаго обязательства для  
органовъ прогрессивной печати.

### С. Н. Кранихфельдъ.

Тяжело писать о смерти—осо-  
бенно о внезапной смерти—близкаго  
товарища и друга. Вдвойнѣ тяже-  
лѣй, когда съ умершимъ тебя связы-  
ваетъ непрерывная нить совмѣст-  
ныхъ параллельныхъ переживаній, тя-  
нущаяся на цѣлые четверть вѣка.

25 лѣтъ назадъ на школьной  
скамьѣ я познакомился съ Сергѣемъ  
Николаевичемъ Кранихфельдомъ.  
Хотя и въ одномъ классѣ, онъ былъ  
старше меня на 3 года—разница въ  
этомъ возрастѣ очень замѣтная.—и  
мы не могли сразу сойтись очень  
близко: для сложившагося юноши я  
былъ еще во многихъ отношеніяхъ  
мальчуганамъ. Вскорѣ, однако, сбли-  
зила насъ сходство той отчужден-  
ности, которую каждый изъ насъ

чувствовалъ по отношенію къ ти-  
пичной „обывательской“ средѣ деля-  
новской гимназіи; сходство идей-  
ныхъ запросовъ и въ одиночку вы-  
работаннаго элементарнаго чувства  
протеста, направленнога противъ  
всей мрачной эпохи, точнымъ выра-  
женіемъ которой являлась окружаю-  
щая насъ гимназическая атмосфера.  
Въ одиночку я попалъ на драго-  
цѣнный источникъ для утоленія  
пробудившейся жажды: въ публич-  
ной библіотекѣ отыскалъ газеты  
70-хъ годовъ и въ нихъ—отчеты  
о политическихъ процессахъ, кото-  
рые почти наизусть вызубривалъ,  
ища одновременно и программы для  
жизни, и личныхъ образцовъ—для  
подражанія. Также въ одиночку С. Н.  
отыскивалъ гдѣ то рѣдкіе въ то  
время экземпляры зарубежныхъ из-  
даній—помню, онъ мнѣ рассказы-  
валъ въ тѣ дни о „Самоуправленіи“  
„Свобод, Словъ“, называлъ имена  
Дебагорія Мокрѣвича и другихъ—  
и болѣе опредѣленно проникался  
политически—оппозиционнымъ на-  
строеніемъ. вмѣстѣ мы знакомились  
съ „незаконными“ рукописями  
Л. Толстого и оставались неудовле-  
творенными. Писаревъ, Михайлов-  
скій, Шелгуновъ.

Наконецъ, случай знакомитъ  
насъ обоихъ съ „Манифестомъ“  
Маркса и Энгельса. Теоретическая  
сторона его не задѣваетъ нашихъ  
юныхъ умовъ: мы остаемся тѣми  
же „субъективистами“, какими были,  
читая Шелгунова или Михайловска-  
го, но насъ ослѣпляетъ грандіозная  
картина міровой борьбы за социал-  
лизмъ, насъ чаруетъ глубина рево-  
люціоннаго отрицанія, наполняетъ  
энтузіазмомъ мощный призывъ къ  
активности. Мы себя чувствуемъ уже  
не только врагами абсолютизма, но и  
социалистами.

Это предопредѣляетъ дальнѣйшія  
наши исканія по вступленію въ Уни-  
верситетъ.

Уже въ гимназіи среди неболь-  
шого кружка „радикаловъ“, сложив-  
шагося въ выпускномъ классѣ,  
С. Н. создалъ себѣ репутацию не-  
обыкновенно чистаго, добраго и вдум-  
чиваго человѣка и въ тоже время  
надежнаго и стойкаго товарища.  
Его поразительная скромность и край-  
няя застѣнчивость обезоруживали  
даже противниковъ—а у насъ въ тѣ  
тихія времена было много противни-  
ковъ среди „патріотическихъ“ (теперь  
бы сказали: черносотено) настроен-  
ныхъ сверстниковъ. Его полная без-  
заботность по отношенію къ житей-  
нымъ благамъ, въ которой—онъ былъ

старше всѣхъ насъ — чувствовался не молодой задоръ, а какая-то особенная поглощенность духа высшими интересами, импонировала и намъ и учителямъ. „Кранихфельдъ богоравный“ или „богоподобный“ — эта шутивая кличка, придуманная остряками нашего класса, какъ-то „прилипла“ къ С. Н., выражая одновременно уваженіе товарищей и отношеніе къ нему какъ къ человѣку „не отъ міра его“.

Интересъ къ изученію исторіи, проявившійся уже въ гимназій, побудилъ С. Н. поступить на историко-филолог. факультетъ сиб. университета. Здѣсь онъ сблизился съ немногими въ то время радикальными элементами студенчества и продолжалъ свои исканія, направленныя къ выработкѣ цѣлостнаго міровозрѣнія. Черезъ исторію и философію исторіи онъ пришелъ къ материализму и марксизму, тогда какъ большинство изъ насъ шло къ той же цѣли черезъ политическую экономію.

Разсѣянный и философски-беззаботный, С. Н. никакъ не укладывался въ рамки конспираціи, навязанной намъ тѣми строгими временами. Эта беззаботность и оборвала его студенческую „карьеру“ въ самомъ началѣ.

На одной изъ петербургскихъ улицъ полиція подобрала студенческой билетъ С. Н., въ которомъ оказалась вложенной кой какая „незаконщина“. Незаконщина была довольно-невинной и охранка не сразу приняла мѣры, а снеслась съ университетскомъ начальствомъ.

Произошедшее вслѣдъ за тѣмъ крайне характерно для тогдашнихъ подлыхъ временъ и представляло бы забавный эпизодъ, если-бъ не его печальный для С. Н. финалъ.

Однажды вечеромъ заходить онъ на квартиру къ товарищу, у котораго находился и я, и разсказываетъ съ возмущеніемъ, что получилъ отъ ректора Никитина приглашеніе явиться немедленно къ нему на квартиру. По прибытіи С. Н. выслушалъ отъ Никитина замѣчаніе за то, что онъ небрежно одѣвается, что его студенческой мундиръ ветхъ и нуждается въ ремонтѣ. Никитинъ упомянулъ о „дырявыхъ карманахъ“, но С. Н. — у и въ голову не пришло что эта необыкновенная бесѣда носить какой то „наводящій“ характеръ. По тогдашнимъ университетскимъ правамъ, онъ не могъ понять ее иначе, какъ неожиданную со стороны приличнаго

Никитина фельдфебельскую выходку. На нее онъ реагировалъ тѣмъ что, не говоря ни слова и не прощаясь, вышелъ изъ его кабинета. Къ намъ онъ пришелъ совершенно разстроенный тѣмъ, что по обычной своей деликатности не „выругалъ“ Никитина.

Быть можетъ, еслибъ онъ это сдѣлалъ, онъ бы развязалъ языкъ послѣднему, который какъ оказывается самъ растерялся отъ неожиданнаго оборота своего слишкомъ дипломатическаго подхода къ дѣлу. Ибо вечеромъ вернувшись къ себѣ, С. Н. снова нашелъ у себя приглашеніе Н. пожаловать къ нему немедленно-же. Эта настойчивость навела С. Н. на сомнѣнія, что дѣло не такъ просто. Но по обычной беззаботности онъ отложилъ рѣшеніе загадки до утра. А ночью пришла „средиземная эскадра“ и забрала С. Н., котораго Никитинъ такъ и не успѣлъ предупредить о готовящемся набѣгѣ.

Это было въ 1892 году. У С. Н. при обыскѣ нашли нѣсколько нелегальныхъ изданій въ одномъ экземпляръ. Даже и въ тѣ времена при полномъ отсутствіи данныхъ о причастности къ „сообществу“ человѣкъ могъ рассчитывать отдѣлаться пустяками. Но С. Н. преслѣдовала несчастливая звѣзда. Его такой мирный, такой незлобивый видъ вызвалъ у жандармовъ „безсмысленныя мечтанія“; съ присущимъ имъ топорнымъ пониманіемъ психологіи они рѣшили, что напали на слабовольнаго человѣка, котораго можно пригнать и заставить говорить. И такъ какъ у него нашли экземпляры только что вышедшаго „Летучаго листка народовольцевъ“, котораго типографія усиленно разыскивалась, то С. Н. предложили, не давая показанія о происхожденіи найденныхъ у него другихъ изданій, открыть, отъ кого онъ получалъ этотъ листокъ. Убѣдившись же, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ столь же стойкимъ, сколько и скромнымъ, жандармы озлились и характеризовали С. Н., какъ нарочито-упорствующаго преступника. Въ результатѣ „Особое совѣщаніе“, не ограничившись обычнымъ заключеніемъ въ „Кресты“, отдало С. Н. подъ гласный надзоръ на 3 года, съ высылкой изъ унив. городовъ, несмотря на старанія того же Никитина, хлопотавшаго объ оставленіи С. Н. въ университетѣ.

Мечты о научной дѣятельности, какъ историка, были разбиты. По-

ное отсутствіе средствъ вынудило С. Н. вѣхать въ Ригу, гдѣ ему обѣщали конторскую работу. Здѣсь онъ заканчиваетъ выработку своего марксистскаго мировоззрѣнія въ кружкахъ латышской и русской молодежи. При разгромѣ первой легальной латышской марксистской газеты въ 1896 г. и послѣдовавшихъ арестовъ среди интеллигенціи пострадалъ и С. Н. Послѣ, если не ошибаюсь, годового заключенія его, съ продленіемъ срока надзора, высылаютъ въ Ташкентъ. Тамъ онъ изучаетъ методы русской колонизаціи окраинъ и „ташкентскаго“ первоначальнаго накопленія, о чемъ помѣщаются статьи въ „Жизни“ и провинціальныхъ изданіяхъ. Затѣмъ ему удается переехать въ Самару, гдѣ въ концѣ 90-хъ годовъ создаѣлся вліятельный провинціальный марксистскій центръ.

Первый кризисъ русскаго марксизма закалѣилъ мировоззрѣніе С. Н. Для него, по складу его ума и его характера, былъ органически не переносенъ всякій эклектизмъ. Вернштейнѣвскія и „идеалистическія“ тенденціи русскихъ „критиковъ“ вызывали въ немъ глубокое отвращеніе. Онъ примкнулъ къ лагерю „искровцевъ“ и сталъ яркимъ сторонникомъ этого боевого течения въ русской социалдемократіи.

Какъ уже указывалось въ печати, получивъ въ 1903 г. неожиданное наслѣдство, С. Н. отдалъ его „искровцамъ“, и продолжалъ жить частной службой. Новый, назрѣвшій въ с.-д.-и кризисъ былъ для С. Н., какъ и для многихъ марксистовъ, горестнымъ сюрпризомъ. Связанный дружескими отношеніями съ многими „большевиками“, оцѣнивъ какое время пытался остаться вѣв борющихся лагерей. Сообщая мнѣ объ эксцессахъ „большевизма“, онъ въ то же время взывалъ къ миру и обвинялъ нашу фракцію въ полемическомъ усердіи. Для меня однако, не было сомнѣній, что С. Н. все же будетъ съ нами. Ибо, имѣя съ нимъ дѣло, всегда можно было также положиться на его марксистскую совѣсть и марксистское пониманіе, какъ и на его вѣчную стойкость и политическое мужество.

Въ 1905 году С. Н. участвовалъ въ октябрскихъ и декабрскихъ събытіяхъ, состоя членомъ комитета желѣзнодорожнаго союза въ Харьковѣ. Это опять ему стоило тюрьмы и потери мѣста и заработка. Послѣ попытки отдѣлаться въ Воку, откуда его выслали, С. Н. активно работалъ въ

редакціи Полтавскаго „Колокола“ и смѣнявшихъ его с. д. газетъ.

Въ годы реакціи, упорно борясь за существованіе, С. Н. продолжалъ работать въ профессиональномъ движеніи. Въ послѣдніе годы онъ состоялъ членомъ Правленія Союза конторщиковъ и редакціи союзнаго органа, былъ делегатомъ на приказничьемъ съѣздѣ 1912 году, писалъ въ „Возрожденіи“, „Дѣлѣ Жизни“, „Лучѣ“, „Нов. Раб. Газетѣ“. Тюрьма и высылка изъ столицы вновь обрушились на него въ 1913 году. Въ качествѣ „свѣдующаго лица“ онъ работалъ въ комиссіяхъ при III и IV думскихъ фракціяхъ.

На похоронахъ С. Н. 26 Февраля рельефно выразилось отношеніе къ нему со стороны всѣхъ знавшихъ его хотя бы немного, какъ къ одному изъ самыхъ цѣнныхъ по внутреннимъ своимъ качествамъ работнику нашего движенія и къ одному изъ симпатичнѣйшихъ представителей поколѣнія марксистской интеллигенціи 90-годовъ. Русской социалдемократіи можно пожелать, чтобы и впредь она насчитывала въ своихъ рядахъ побольше дѣятелей съ цѣльной душой и цѣльнымъ мировоззрѣніемъ, подобныхъ С. Н. Крайнихфельду. Покойный скончался 24 Февраля 43 лѣтъ отъ роду.

**А. М.**

## Союзъ русскихъ аграріевъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кто считаетъ празднымъ занятіемъ изученіе тенденцій, обнаруживаемыхъ современною дѣятельностью и свидѣтельствующихъ о видахъ на будущее. На мой взглядъ это занятіе не только не прздное, но напротивъ очень важное а теоретически и практически.

Особенно большое значеніе имѣетъ въ современной русской дѣятельности все, что касается сельскаго хозяйства въ Россіи; его состояніе должно быть изучено весьма тщательно, чтобы прогнозъ будущаго былъ вѣренъ, и слѣдовательно и очередныя задачи текущаго момента были опредѣлены правильно.

Въ статьѣ объ аграрныхъ отношеніяхъ въ черноземной Россіи („Наша Заря“ за 1913 г.) я уже сдѣлалъ попытку отчасти освѣтить этотъ вопросъ. Какъ и можно было ожидать, Вл. Ильинъ усмотрѣлъ что въ этой попыткѣ „правый ликвидаторъ“ оказался „правѣе“ либера-

ла. Очевидно, съ точки зрѣнія Ильина неважно, вѣрно или невѣрно пониманіе дѣйствительности,—онъ полагаетъ, что существуетъ не правильный или неправильный ея анализъ, а „лѣвый“ и „правый“: разсужденіе, принадлежащее къ числу тѣхъ, о которыхъ по всей справедливости можно сказать, что они „лѣвѣе адрвагаго смысла“. Пусть мнѣ докажутъ, что мой анализъ ошибоченъ,—я самъ тогда отъ него откажусь, но когда меня увѣряютъ, что мое пониманіе дѣйствительности „правѣе кадетскаго“,—это на меня не производитъ ровно никакого впечатлѣнія.

А между тѣмъ каждый божій день доказываетъ, что мое пониманіе современной русской аграрной дѣйствительности правильно.

Два года тому назадъ въ статьѣ „На два фронта“ („Наша Заря“ за 1912 г.) я указывалъ на проектъ г. Бехтѣева превратить объединенное дворянство въ союзъ русскихъ сельскихъ хозяевъ. Мнѣ отвѣчали, что проектъ такъ и остался проектомъ.

Правда, объединенное дворянство осталось въ видѣ особой организаціи. И понятно почему: тамъ сильны еще обломки старыхъ хозяевъ-крѣпостниковъ въ стилѣ Пуришкевича и Маркова 2-го, и они, естественно, цѣпляются за отживающую сословность. Но рядомъ съ сословной организаціей въ концѣ 1912 и началѣ 1913 г. возникла внѣсословная организація сельскохозяйственныхъ предпринимателей въ Россіи—Всероссійская сельскохозяйственная палата. Ея уставъ былъ утвержденъ 15 ноября 1912 г., открыта была палата 14 декабря 1912 г.; второе ея общее собраніе происходило 22—24 марта 1913 г. а въ ноябрѣ 1913 г. вышелъ первый номеръ ежемѣсячнаго органа нашего союза аграріевъ подъ названіемъ „Вѣстникъ Всероссійской Сельскохозяйственной Палаты“.

И уставъ палаты, и ея составъ, и доклады и резолюціи второго ея общаго собранія, и содержаніе № 1-го „Вѣстника“ чрезвычайно характерны и заслуживаютъ самаго пристальнаго вниманія.

Первые два параграфа устава не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что передъ ними—дѣйствительно союзъ русскихъ аграріевъ: палата „имѣетъ цѣлью представительство и защиту общихъ интересовъ сельскаго хозяйства Россійской имперіи, выясненіе его нуждъ, разработку мѣръ, клонящихся къ его преусубіянію, а

также содѣйствіе земствамъ, общественнымъ организаціямъ и сельскимъ хозяевамъ въ осуществленіи ихъ сельскохозяйственной дѣятельности“ (§ 1): „въ означенныхъ видахъ палата а) представляетъ правительственнымъ органамъ о нуждахъ сельскаго хозяйства и даетъ заключенія по проектамъ и вопросамъ, передаваемымъ на ея разсмотрѣніе подлежащими вѣдомствами; б) устраиваетъ с.-х. съѣзды и совѣщанія...; в) собираетъ, разрабатываетъ и распространяетъ всякаго рода статистическія и иныя свѣдѣнія, касающіяся сельскаго хозяйства, производитъ изслѣдованія, издаетъ періодическіе органы и т. п.; г) устраиваетъ конкурсы и выставки и содѣйствуетъ устройству таковыхъ другими органами; д) содѣйствуетъ распространенію всякаго рода кооперативныхъ, промышленныхъ, торговыхъ, кредитныхъ, страховыхъ и иныхъ товариществъ, обществъ и артелей въ области сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ промысловъ; 1) е) не входя въ самостоятельныя коммерческія операціи, способствуетъ организаціи сбыта произведеній сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ промысловъ, пріобрѣтенію сельскими хозяевами орудій, машинъ, сѣмянъ, удобреній, с.-х. животныхъ и проч., а равно учреждаетъ справочныя бюро, конторы и агентства какъ въ Россіи, такъ и за границей; ж) содѣйствуетъ земствамъ и всѣмъ вообще общественнымъ с.-х. организаціямъ въ осуществленіи ихъ задачъ въ области с.-х. дѣла; з) открываетъ мѣстные отдѣлы и и) учреждаетъ комиссіи и комитеты по отдѣльнымъ предметамъ вѣдѣнія палаты“.

Ни слова о сословности—и чрезвычайная, небывалая до сихъ поръ въ Россіи широта правъ и разнообразіе „предметовъ вѣдѣнія“. И § 9, трактующій о составѣ членовъ, также не ставитъ сословныхъ перегородокъ: „дѣйствительными членами палаты могутъ быть: 1) представители преслѣдующихъ однородныхъ съ палатой цѣли с.-х. обществъ и товариществъ и ихъ союзовъ и другихъ частныхъ организацій и учреждений, распространяющихъ свою дѣятельность на районъ не менѣе уѣзда 2) и объединяющихъ своихъ

<sup>1)</sup> Опять весьма характерное ограниченіе: *крестьянскія* с.-х. общества.

<sup>2)</sup> Характерно, что о потребительныхъ товариществахъ—ни слова

членовъ на почвъ с.-х. интересовъ; 2) землевладѣльцы и арендаторы, ведущіе собственное хозяйство не менѣе трехъ лѣтъ; 3) не подходящія къ названнымъ категориямъ лица, по избранію Совѣта большинствомъ  $\frac{2}{3}$  голосовъ“.

*С.-х. предприниматели и ихъ общества*—вотъ кого организовать палата, вотъ кто является вершинами дѣлъ въ ней.

Таковъ уставъ. Не менѣе важенъ фактической составъ членовъ. Сюда входятъ 32 с.-х. общества—въ томъ числѣ об-во сахарозаводчиковъ, с.-х. общество „Русское Зерно“, Русское общество птицеводства, но болѣе всего мѣстныхъ с.-х. обществъ, причемъ подавляющее большинство ихъ—южнорусскія, прибалтійскія, заподнорусскія и иольскія, т. е. обслуживающіяся интересы аграріевъ тѣхъ уѣздовъ и губерній, (которые имѣютъ первостепенное значеніе для капиталистическаго сельскаго хозяйства. Въ числѣ 169-ти отдѣльныхъ лицъ, числящихся дѣйствительными членами палаты, видимъ крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпринимателей главнымъ образомъ изъ числа умѣренно—правыхъ, націоналистовъ и октябристовъ, также изъ польскаго коло Г. Думы и Совѣта. Здѣсь и націоналистъ Балашовъ, и октябристы Богдановъ, Шидловскій, графъ Рейденъ, Гижицкій, Демидовъ, Звегинцевъ, графъ Капнистъ, Киндяковъ, Хомяковъ и др. и правые Нейдгартъ, Гурко, гр. Олсуфьевъ, и, наконецъ, даже лидеръ думскихъ прогрессистовъ Шфремовъ. Крайніе правые, вродѣ Штюрмера,—рѣдкое исключеніе итѣсь, какъ и Штюрмеръ, изъ числа готовыхъ на всякія сдѣлки съ болѣе умѣренными, если это будетъ выгодно. Пока нѣтъ ни одного кадета, но мы не поручимся, что такъ будетъ долго. Рабушинская, Расторгуевъ, Крымъ и другіе—характерны какъ крупные землевладѣльцы—не дворяне.

Не менѣе интересны и постановленія общаго собранія 22—24 марта 1913 г. Главныя изъ нихъ сводятся къ слѣдующему: по вопросу о вывозѣ с. х. продуктовъ палата старается избавить русскихъ сельскихъ хозяевъ отъ исключительной зависимости отъ германскаго рынка и имѣетъ въ виду расширить рынокъ англійскій, увеличить сбытъ русскаго мяса и съ этою цѣлью под-

охватывающія обычно меньшую территорию,—исключаются.

нять и интенсифицировать скотоводство; стремится къ развитію с.-х. образованія въ интересахъ предпринимательскихъ хозяйствъ, предполагая, что крестьянамъ въ этомъ отношеніи могутъ помочь не с.-х. школы, а лишь дополнительные курсы, чтенія и демонстраціи; хлопочетъ объ учрежденіи Центрального с.-х. банка при финансовомъ участіи въ немъ государственной казны; проектируетъ примѣненіе тракторовъ въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, увеличеніе примѣненія минеральныхъ удобреній на свекловичныхъ плантаціяхъ, улучшеніе по американскому способу гужевыхъ дорогъ для ускоренія и удешевленія перевозки хлѣба и т. д.

Палата надѣется получить отъ правительства въ первый годъ своего существованія пособіе въ 12.000 рублей. Ежегодныя пособія изъ государственной казны прямо предусматриваются уставомъ (§ 41).

Наконецъ, любопытна еще одна черта: подобно германскимъ аграріямъ, и наши не прочь ваять подъ свою высокую руку зажиточныхъ крестьянъ: готовы поддержать ихъ отчасти, восхваляютъ новую аграрную политику, въ хроникѣ Вѣстника“ сочувственно отмѣчаютъ ростъ с.-х. товариществъ и артелей въ деревнѣ: оказывается, что на 1 января 1913 г. ихъ было всего 902, въ томъ числѣ по сельскому хозяйству вообще 321 и специальныхъ 581, изъ которыхъ 461—молочныя, 77—для совмѣснаго пользованія машинами и орудіями, 9 для виноградарства и винодѣлія, 7 для пчеловодства, 6—садоводства и огородничества, 6—скотоводства, 4—сбыта яицъ, 3 рыболовства, 2—потребителей горфа и по одному для льноводства, сѣменоводства, шелководства, кролиководства, производства и сбыта крамала и произведсга с.-х. меліораций, причемъ почти всѣ эти организациі возникли въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ. Эти данныя важны и сами по себѣ, потому что указываютъ на быстрый ростъ с.-х. организаций зажиточнаго крестьянства: путь испытанный нашими западными сосѣдями послѣ революціи 1848 года. Характерно ихъ сочувственное цитированіе тѣмъ, что наши крупные аграріи, явно стремясь къ постановкѣ своихъ хозяйствъ на культурно-капиталистическую ногу, вполне понимаютъ, что ихъ интересы обезпечиваются между прочимъ и существованіемъ „крѣпкаго“ крестьянства.

Подъ покровомъ реакціи совершается перерождение крѣпостниковъ въ культурно-капиталистическихъ сельскихъ хозяевъ. Это несомнѣнно. Не слѣдуетъ этому ра-

доваться, безачѣмъ и печалиться, надо это понимать и соотвѣтственно дѣйствовать.

И. Рожковъ.

## Библиографія.

Д-ръ Штокманъ. Политико—Экономическіе Этюды. *Цѣнность и эксплуатация съ энергетической точки зрѣнія*. Изд. кн. маг. Яснаго (быв. Попова) СПб.

Вдвали въ какой либо другой области науки, кромѣ политической экономіи, можно наблюдать такое явленіе: въ теченіе шестидесяти лѣтъ происходитъ борьба представителей науки противъ одного ея теченія, марксизма. Тѣмъ не менѣе, не смотря на все усилія, на все подвиги почтенныхъ ученыхъ, никакого успѣха въ этой борьбѣ со стороны академической науки не видно: она попрежнему топчется на одномъ мѣстѣ, повторяя зады. Этимъ неблаго- дарнымъ дѣломъ занялся и г. Штокманъ.

Нужно замѣтить, что многія возраженія критиковъ, такъ же какъ и г. Штокмана, вполнѣ спроведливы. Справедливо, что Марксъ не Богъ, что „вѣчная“ истины онъ не могъ открыть, что онъ ошибался, какъ и все смертные; тѣмъ не менѣе опроверженія теоріи марксизма г. Штокманъ, какъ и другіе критики, не далъ и не могъ дать. Происходило и происходитъ это прежде всего и главнымъ образомъ потому, что теорія Маркса базируется на опытѣ работающихъ и работавшихъ въ производствѣ людей, т. е. на опытѣ почти всего предшествовавшего и современнаго ему человѣчества. Обобщеніемъ этого опыта является, напимѣръ, трудовая теорія цѣнности. Современная академическая наука является обобщеніемъ опыта предпринимателей и именно ихъ *частно-хозяйственнаго опыта*. Этотъ опытъ говоритъ, что цѣнность создается спросомъ и предложеніемъ, цѣной, потребностью и т. д., но только не трудомъ. Получаются результаты совершенно различныхъ „опытовъ“: въ одной и той же наукѣ политической экономіи ученые говорятъ на разныхъ языкахъ, большею частію непонятныхъ другъ другу. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что языкъ марксизма непонятенъ для буржуазнаго ученаго и многое имъ понимается наизуотъ. Напимѣръ, д-ръ Штокманъ, критикуя теорію прибавочной цѣнности никакъ не можетъ допустить мысль, что рабочій, затративши опредѣленное количество энергіи, можетъ за это, въ обмѣнъ, въ видѣ заработной платы, получить ея меньше. Вѣдь, если—разсуждаетъ авторъ, рабочій получить меньше, то онъ умретъ, если получить все, то откуда получится прибавочная цѣнность? Это недоразумѣніе г-на Штокмана ярко иллюстрируетъ различіе опыта, изъ котораго исходитъ съ одной стороны марксизмъ, а съ другой стороны буржуазная наука. Для предпринимателя, поскольку онъ изъ *общественнаго челоѣка* превратился въ накопляющій деньги аппаратъ, челоѣческая энергія равноцѣнна всякой другой энергіи, получаемой отъ силъ природы челоѣкомъ. Но для общественнаго челоѣка силы природы,—ея даръ—и представляетъ цѣнность только энергія челоѣчества, затрачиваемая въ борьбѣ съ природой. Ясно, что эти точка зрѣнія діаметрально противоположны, ясно также, что не смотря на все усилія буржуазной политической экономіи сельззя навязать ея исходную точку зрѣнія работающему субъекту. Поэтому отдѣльные, даже справедливыя замѣчанія по поводу той или другой ошибки Маркса теряютъ всякое значеніе и тонутъ въ основной ошибкѣ самого критика. Во всякомъ случаѣ марксизмъ не виноватъ въ томъ, что критики приступаютъ къ дѣлу, не продумавши до конца основныхъ началъ критикуемаго ими ученія.

Нельзя не указать на слишкомъ злобный характеръ многихъ замѣчаній автора о марксизмѣ и марксистахъ: книга г. Штокмана значительно выиграла бы, если бы онъ обнаружилъ больше вдумчивости и меньше злости.

И. Масловъ.



ОТЪ РЕДАЦИИ. Номеръ былъ уже сверстанъ, когда мы получили отъ г. И. Кубикова дополнение къ его статьѣ:

Послѣ мѣста, гдѣ говорится о культурномъ развитіи Горьнаго, надо вставить:

Въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ противникамъ, А. Н. Потресовъ говоритъ, что художественная литература меньше чѣмъ какая либо другая область творчества въ специальной подготовкѣ. Но это надо понимать весьма условно. Литературное образование (конечно не школьное, не гимназическое, а въ смыслѣ упорнаго саморазвитія) необходимо для пролетарія художника въ высшей степени. Также необходимо и знаніе передовыхъ идей вѣка. Горькій отличается отъ Кольцова и Шевченка не только степенью своего таланта, но и степенью своей культуры. Когда Кольцовъ брался за болѣе сложныя темы „Думы“), то получалась посредственность. Тоже и съ Шевченкой: сфера его творчества при всей его дароватости сѣужена сравнительно напр. съ сферой творчества однороднаго съ нимъ по типу поэта Некрасова. „Субъектъ и объектъ я еще понимаю, а вотъ абсолюта—ни крошечки“, пишетъ Кольцовъ въ своемъ миломъ, наивномъ письмѣ къ Бѣлинскому. Поэтъ пролетарій съ такой низкой степенью развитія сейчасъ положительно немыслимъ, ибо мучительные вопросы сложной современности требуютъ гораздо болѣе значительной степени развитія.

Редакторъ А. В. Родинъ.

Издатель Я. Л. Наневскій.

Во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, контора журнала проситъ подписчиковъ, уплатившихъ только 1 р., поспѣшить уплатою слѣд. взноса до выхода апрѣльской книжки.

Открыта подписка на 1914 г. на внѣпартійную, прогрессивную, общественную политическую и литературную газету

## „ПОЛТАВСКІЙ ДЕНЬ“

Газета выходитъ ежедневно кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣ-праздничныхъ.

Условія подписки: на 12 мѣс. 6 р.; 6 мѣс. 3 р. 20 к.; 3 мѣс.—1 р. 70 к.; 1 мѣс. 60 к. Адресъ редакціи и конторы: уголь Котляревской и Пушкинской ул., д. № 30.

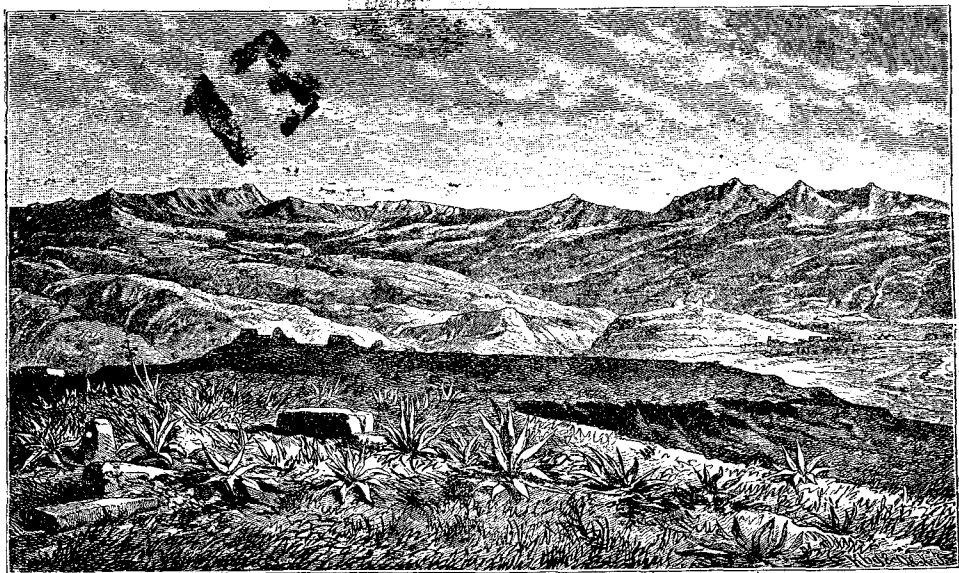
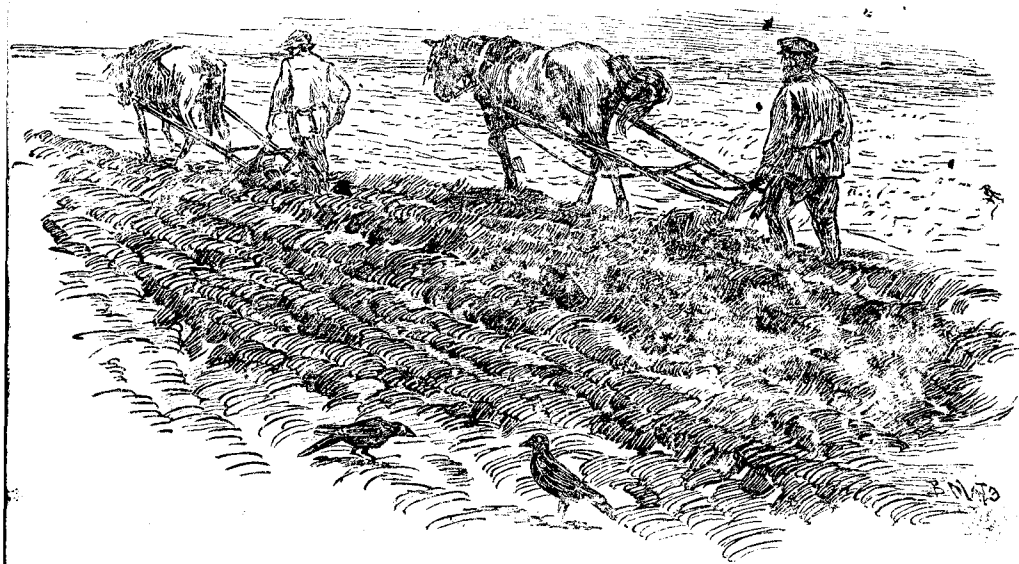


Рис. 23. Горы Тайгетъ.



Пашутъ сохой или плугомъ. Соха мелко забираетъ  
земли не переворачиваетъ; плугъ пашетъ глубже,  
переворачиваетъ и рыхлитъ землю. Соха часто раз-  
валивается: то разсохнетъ, то верёвки ослабнутъ.  
Плугъ сдѣланъ крѣпко, удобно и служить долго, —  
имъ хоть сто лѣтъ пашутъ.

Пахоту начинаютъ весной, когда Богъ грому дастъ.  
Лѣтъ начнётъ одѣваться. Но еще лучше пахать съ